



МИФОЛОГОС

Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования.»

№ 2(10)

*Севастополь
2024*



Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

МИФОЛОГОС

№ 2 (10)

Серия «Человек мифический:
антропология, психология,
КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

2024

MYTHOLOGOS

№ 2 (10)

The Mythical Man:
Anthropology, Psychology,
Cognitive Studies

2024

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

ООО «ТБС Пабблишинг»

Регистрационное свидетельство: Эл № ФС77-88701 от 22.11.2024

ISBN 978-5-00233-012-6

ISSN 3034-6193

DOI:

Подписной индекс

«Объединенный каталог: Пресса России. Газеты и журналы»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ставицкий Андрей Владимирович, *главный редактор*, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в городе Севастополе, кандидат философских наук.

Алентьева Татьяна Викторовна, профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», доктор исторических наук, профессор (г. Курск, Россия).

Гарбузов Дмитрий Викторович, профессор кафедры философии Философского факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», доктор философских наук, доцент (г. Симферополь, Россия).

Кириухина Елена Михайловна, профессор кафедры "История, философия и социология" биоэкологического факультета ФГБОУ ВО "Нижегородский государственный агротехнологический университет", доктор культурологии, доцент (г. Нижний Новгород, Россия).

Кузина Ольга Андреевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков Филиала МГУ в городе Севастополе, кандидат филологических наук (ученый секретарь).

Мартишина Наталья Ивановна, заведующий кафедрой философии и культурологии ФГБОУ ВПО «Сибирский государственный университет путей сообщения», доктор философских наук, профессор (г. Новосибирск, Россия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Анчев Стефан Иванов, заслуженный доцент кафедры новой и новейшей истории факультета истории Университета св. Кирилла и Мефодия, доктор истории (г. Велико Тырново, Республика Болгария).

Апаева Софья Хусеиновна, декан Кыргызско-китайского факультета, доцент кафедры Китайского языка и литературы Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, кандидат филологических наук, доцент (г. Бишкек, Кыргызстан).

Арпентьева Мариям Равильевна, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Факультета социальных наук и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», доктор психологических наук, доцент (г. Москва, Россия).

Баранов Андрей Владимирович, профессор кафедры политологии и политического управления ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор (г. Краснодар, Россия).

Габриелян Олег Аршавирович, профессор кафедры философии Философского факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», доктор философских наук, профессор (г. Симферополь, Россия).

Гагаев Павел Александрович, профессор кафедры педагогики ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», доктор педагогических наук, профессор (г. Пенза, Россия).

Евлампиев Игорь Иванович, профессор кафедры русской философии и культуры Института философии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

Завершинский Константин Федорович, профессор кафедры теории и философии Института философии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет, доктор политических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

Иванов Андрей Геннадиевич, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет», доктор философских наук, доцент (г. Липецк, Россия).

Карабыков Антон Владимирович, профессор кафедры философии социально-гуманитарного профиля ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор философских наук, доцент (г. Симферополь, Россия).

Корнилова Елена Николаевна, профессор кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», доктор филологических наук (г. Москва, Россия).

Королева Светлана Борисовна, профессор кафедры преподавания русского языка как родного и иностранного ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова», доктор филологических наук, доцент (г. Нижний Новгород, Россия).

Крайнов Григорий Никандрович, профессор кафедры политологии, истории и социальных технологий ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта», доктор исторических наук, профессор (г. Москва, Россия).

Лесовиченко Андрей Михайлович, ведущий научный сотрудник научно-аналитического отдела Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского (г. Москва, Россия).

Маленко Сергей Анатольевич, заведующий кафедрой философии, культурологии и социологии ФБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого», доктор философских наук, профессор (г. Великий Новгород, Россия).

Найдыш Вячеслав Михайлович, профессор кафедры онтологии и теории познания ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия).

Некита Андрей Григорьевич, профессор кафедры философии, культурологии и социологии ФБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого», доктор философских наук, профессор (г. Великий Новгород, Россия).

Пивоев Василий Михайлович, профессор кафедры общеправовых и гуманитарных дисциплин Северного института (филиала) ФГБОУ «Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста РФ)» в г. Петрозаводске, доктор философских наук, профессор (г. Петрозаводск, Россия).

Пименова Марина Владимировна, ректор АНО ВО «Международный гуманитарный университет им. П.П. Семенова – Тян-Шанского», доктор филологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

Поздьева Светлана Михайловна, профессор кафедры философии и политологии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», доктор философских наук, профессор (г. Уфа, Россия).

Соегов Мурадгелди, консультант Национального института рукописей АНТ, доктор филологических наук, профессор, действительный член (академик) Академии наук Туркменистана (г. Ашхабад, Республика Туркменистан).

Тимощук Алексей Станиславович, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ВЮИ ФСИН России, доктор философских наук, доцент (г. Владимир, Россия).

Тихонова Софья Владимировна, профессор кафедры теоретической и социальной философии ФБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского», доктор философских наук, доцент (г. Саратов, Россия).

Филимонова Мария Александровна, ведущий научный сотрудник научной лаборатории «Центр изучения США», ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», доктор исторических наук (г. Курск, Россия).

Царева Надежда Александровна, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Дальневосточный технический рыбохозяйственный университет», доктор философских наук, доцент (г. Владивосток, Россия).

Яковлева Елена Людвиговна, заведующий кафедрой философии и социально-политических дисциплин ФГБОУ ВПО «Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова», д. философских наук, кандидат культурологии, профессор (г. Казань, Россия).

Электронный научный журнал теоретических и прикладных исследований

Индексируется РИНЦ, E-library

Издается с 2022 года. Журнал выходит 4 раза в год

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

© ООО «ТБС Пабблишинг»

© Авторы

МИФОЛОГОС.

Серия «Человек мифический: антропология, психология,
когнитивные исследования». № 2 (10), 2024. 106 с.

Подписано в печать

Формат 79x100/16

Усл. печ. л. 23

ISBN 978-5-00233-012-6



9 785002 330126 >

COFOUNDERS:

Lomonosov Moscow State University, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education

LLC «CSB Publishing»

Registration Certificate: El No. FS77-88701 of 22.11.2024

ISBN 978-5-00233-012-6

ISSN 3034-6193

DOI:

EDITORIAL BOARD:

Stavitskiy Andrey Vladimirovich, *Editor-in-Chief*, Associate Professor of the Department of History and Foreign Affairs of Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, PhD in Philosophy.

Alentyeva Tatiana Viktorovna, Professor, Department of General History, Faculty of History, Kursk State University, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kursk, Russia).

Garbuzov Dmitriy Viktorovich, Professor, Department of Philosophy, Faculty of Philosophy, Taurida Academy, Vernadsky Crimean Federal University, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Simferopol, Russia).

Kiryukhina Elena Mikhailovna, Professor, Department "History, Philosophy and Sociology", Faculty of Bioecology, Nizhny Novgorod State Agrotechnological University, Doctor of Cultural Studies, Associate Professor (Nizhny Novgorod, Russia).

Kuzina Olga Andreevna, Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages of Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, PhD in Philology.

Martishina Natalya Ivanovna, Head of Chair of Philosophy and Cultural Studies, Siberian State University of Railway Transport, Doctor of Philosophy, Professor (Novosibirsk, Russia).

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Anchev Stefan Ivanov, Associate Professor, Department of New and Modern History, Faculty of History, St. Cyril and Methodius University, Doctor of History (Veliko Tarnovo, Republic of Bulgaria).

Apaeva Sofia Khuseinovna, Dean of the Kyrgyz-Chinese Faculty, Associate Professor of Chinese Language and Literature, Jusup Balasagyn Kyrgyz National University, PhD in Philology, Associate Professor (Bishkek, Kyrgyzstan).

Arpentieva Mariyam Ravilievna, Leading Researcher of the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Associate Professor (Moscow, Russia).

Baranov Andrey Vladimirovich, Professor, Department of Political Sciences and Political Management, Kuban State University, Doctor of Political Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Krasnodar, Russia).

Gabrielyan Oleg Arshavirovich, Professor of the Department of Philosophy, Faculty of Philosophy, Taurida Academy, Vernadsky Crimean Federal University, Doctor of Philosophy, Professor (Simferopol, Russia).

Gagaev Pavel Aleksandrovich, Professor, Department of Pedagogy, Penza State University, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Penza, Russia).

Evlampiev Igor Ivanovich, Professor, Department of the Russian Philosophy and Culture, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, Doctor of Philosophy, Professor (St. Petersburg, Russia).

Zavershinsky Konstantin Fedorovich, Professor, Department of Theory and Philosophy, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, Doctor of Political Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia).

Ivanov Andrey Gennadievich, Head of the Department of Philosophy, Lipetsk State Technical University, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Lipetsk, Russia).

Karabykov Anton Vladimirovich, Professor, Department of Philosophy of Socio-Humanitarian Profile, Vernadsky Crimean Federal University, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Simferopol, Russia).

Kornilova Elena Nikolaevna, Professor, Department of Foreign Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Philological Sciences (Moscow, Russia).

Koroleva Svetlana Борисовна, Professor, Department for teaching Russian as a native and foreign language at Lomonosov Moscow State University, Nizhny Novgorod, Russia. D. in Philology, Associate Professor (Nizhny Novgorod, Russia).

Kraynov Grigory Nikandrovich, Professor, Department of Political Science, History and Social Technologies, Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "Russian University of Transport", Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia).

Lesovichenko Andrey Mikhailovich, Leading Researcher, Research and Analytical Department, Tchaikovsky Moscow State Conservatory (Moscow, Russia).

Malenko Sergey Anatolievich, Head of Chair of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Yaroslav the Wise Novgorod State University, Doctor of Philosophy, Professor (Veliky Novgorod, Russia).

Naydysh Vyacheslav Mikhailovich, Professor, Chair of Ontology and Theory of Knowledge, FGBOU VPO "Peoples' Friendship University of Russia", Doctor of Philosophy, Professor (Moscow, Russia).

Nekita Andrey Grigorievich, Professor, Chair of Philosophy, Cultural Sciences and Sociology, Yaroslav the Wise Novgorod State University, Doctor of Philosophy, Professor (Veliky Novgorod, Russia).

Pivoev Vasily Михайлович, Professor, Department of General Legal and Humanitarian Disciplines, Northern Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (Russian Justice Ministry) in Petrozavodsk, Doctor of Philosophy, Professor (Petrozavodsk, Russia).

Pimenova Marina Vladimirovna, Rector, Semyonov – Tien-Shansky International Humanitarian University, Doctor of Philological Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia).

Pozdyaeva Svetlana Mikhailovna, Professor, Chair of Philosophy and Political Science, Bashkir State University, Doctor of Philosophy, Professor (Ufa, Russia).

Soeghov Muradgeldi, Consultant at the National Institute of Manuscripts of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Doctor of Philological Sciences, Professor, Full Member (Academician) of the Academy of Sciences of Turkmenistan (Ashkhabad, Republic of Turkmenistan).

Timoshchuk Aleksey Stanislavovich, Professor, Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Russian Federal Law Enforcement Agency, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Vladimir, Russia).

Tikhonova Sofia Vladimirovna, Professor of Theoretical and Social Philosophy Department, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevskiy, PhD, Associate Professor (Saratov, Russia).

Filimonova Maria Alexandrovna, Leading Researcher, Research Laboratory "Center for US Studies", Kursk State University, PhD in History (Kursk, Russia).

Tsareva Nadezhda Aleksandrovna, Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Far Eastern Technical University of Fisheries, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Vladivostok, Russia).

Yakovleva Elena Lyudvigovna, Head of the Department of Philosophy and Social and Political Disciplines, V. G. Timiryazov Kazan Innovative University, Doctor of Philosophy, Candidate of Cultural Sciences, Professor (Kazan, Russia).

Electronic scientific journal of theoretical and applied research

The journal is indexed by Russian Science Citation Index (RSCI), E-library

The journal has been published since 2022.

4 issuer per year.

All rights reserved.

Copying of materials from the journal is permitted only in agreement with the editorial board.

© LLC «CSB Publishing»

© Authors

MYTHOLOGOS.

The Mythical Man: Anthropology, Psychology,

Cognitive Studies.

no 2 (10), 2024. 106 p.

СОДЕРЖАНИЕ	
Редакционная коллегия	2
Содержание	8
Введение	10
МИФ КАК ИСТОЧНИК И ИНСТРУМЕНТ ПОЗНАНИЯ	
<i>Арпентьева М.Р., Вереш П.Т.</i> Проблемы соотношения истории и мифологии: мифологическое понимание мира как квазинаучное	15
<i>Сулейменов И.Э.</i> Миф и научное познание: взгляд с позиций нейросетевой теории ноосферы	26
ДАО СОТВОРЕНИЯ СЕБЯ	
<i>Капля К.А.</i> «Снимая седьмую печать...» Путь к себе в романе А.В. Ставицкого «Седьмая печать»	34
<i>Лукина М.П.</i> Концепт «внутренний человек» как объект когнитивного исследования (на материале юкагирского языка)	46
<i>Найдыш О.В.</i> Измененные состояния сознания и внутренний опыт	55
МИФОТВОРЧЕСТВО В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ	
<i>Ставицкий А.В.</i> Неклассическая мифология о рациональном и мифическом мышлении: эпистемологический аспект	64
<i>Яковлева Е.Л.</i> Город как место гения в контексте мифотворчества	78
<i>Авторы</i>	90
Информационное письмо по организации 8-й Международной научной междисциплинарной конференции «Миф в истории, политике, культуре»	92
Требования к статье для публикации в журнале «Мифологос»	101

CONTENT	
Editorial Board	2
Content	8
Foreword	10
MYTH AS A SOURCE AND TOOL OF COGNITION	
<i>Arpentieva M.R., Veresh P.T.</i> Problems of Correlation of History and Mythology: Mythological Understanding of the World as Quasi-Scientific	15
<i>Suleimenov I.E.</i> Myth and Scientific Cognition: a view from the Position of Neural Network Theory of Noosphere	26
TAO OF CREATION OF SELF	
<i>Kaplya K.A.</i> ‘Removing the Seventh Seal...’ The Path to the Self in the Novel ‘The Seventh Seal’ by A.V. Stavitskiy	34
<i>Lukina M.P.</i> Concept ‘Inner Man’ as an Object of Cognitive Research (on the Material of the Yukagir Language)	46
<i>Naydysh O.V.</i> Altered States of Consciousness and Inner Experience	55
Myth-making in space and time	
<i>Stavitskiy A.V.</i> Non-classical Mythology about Rational and Mythical Thinking: Epistemological Aspect	64
<i>Yakovleva E.L.</i> City as a Place of Genius in the Context of Myth-making	78
Authors	90
Information letter on the organisation of the 8th International Scientific Interdisciplinary Conference ‘Myth in History, Politics, Culture’	92
Requirements for an article to be published in the journal Mythologos	101

ВВЕДЕНИЕ

Уважаемые коллеги, друзья, читатели!

Перед вами десятый номер научного периодического журнала «Мифологос» – единственного пока научного журнала не только в Российской Федерации, но и в мире, который целиком посвящен только одной теме – мифу и мифотворчеству во всех его формах и проявлениях.

Данный журнал призван объединить всех исследователей мифа, которые в своих исследованиях не ограничиваются классической мифологией и не сводят миф к его архаичным формам, предлагая воспринимать и рассматривать его онтологически в максимально расширительной форме, используя универсальный подход, как цельное, синкретическое явление, созданное человеком на заре его бытия и существующее с ним на всём протяжении его истории, меняясь вместе с ним и играя в его жизни крайне важную комплексно оформленную роль.

Мы исходим из того, что миф не противостоит реальности, но дополняет её, наделяя тем смыслом, в котором человек нуждается. Ведь миф является базовой универсалией культуры, его смысловой матрицей, формирующей поле ценностно означенных смыслов, которыми человек живёт. Этот миф неотделим от человека и его истории и верно служит ему, представляя собой в образно-символической форме отражённую сознанием реальность, которая возникает как образ реальности и становится фактом сознания.

Именно на этих позициях базируется современная неклассическая мифология, выстраивающая свою традицию в исследованиях и трудах выдающихся учёных, мыслителей, философов на протяжении двухсот лет – Ф.В.Й. Шеллинга и Ф. Ницше, А.А. Потебни и Н.А. Бердяева, Э. Кассирера и А.Ф. Лосева, З. Фрейда и К. Юнга, Р. Барта и К. Леви-Строса, Ю.М. Лотмана и Г.Д. Гачева, К. Хюбнера и С. Московичи, М. Элиаде и Дж. Кэмпбелла, В.В. Иванова и В.Н. Топорова, Е.М. Мелетинского и А.М. Пятигорского, В.М. Найдыша и А.М. Лобока.

Отметим, что эта традиция отличается разными стратегиями понимания мифа, связанными, как правило, с исходной специализацией каждого конкретного исследователя. И, возможно, поэтому её сторонники не смогли на данной основе договориться о создании общей теории мифа (ОТМ), потребность в которой сейчас сильна как никогда, поскольку миф из гносеологической проблемы уже превратился в инструмент решения проблем. Тем более, что универсальная многозначность мифа является нормой, а все необходимые для создания общей теории мифа теоретические предпосылки и основания были ими уже заложены. И нам остаётся только их синтезировать и развить, используя не обывательский, а универсальный подход, чтобы раскрыть всё богатство и многообразие значений явления под названием МИФ, не потеряв его целостности. И тогда мы сможем преодолеть научную специализацию и закрепить эту научную парадигму как объективную данность.

В связи с этим особо подчеркнём, что такой универсальный подход требует от учёных учитывать изначально междисциплинарный характер всех мифологических исследований. К сожалению, наука так выстроила отношения с мифом, приспособив его под себя, что он оказался растащен по многочисленным отраслям научного знания, где каждая из научных дисциплин исследует его, руководствуясь своими

подходами и методологией, не рассматривая миф как целое и имея порой крайне смутные представления о том, как это делают другие, лишь на том основании, что так для них привычно и удобно. В результате сложился своеобразный гносеологический тупик, когда и без того многоликое в своей синкретичности явление, единства по которому в науке нет даже на уровне определения, произвольно расчленяется в угоду удобству понимания отдельных исследователей. И лишь совместными усилиями мы сможем преодолеть эту инерцию, сделав то, что должно.

Особо стоит отметить, что журнал «Мифологос» стал естественным продолжением ежегодной международной научной междисциплинарной конференции «Миф в истории, политике, культуре», которая была организована в Филиале МГУ в Севастополе и работает с 2017 года, объединив сотни авторов из 19 стран.

За прошедшие годы конференция уже решила свою главную задачу – познакомила научный мир с авторами, которые давно и плодотворно занимаются мифом, но были мало известны за пределами своей специализации. Теперь о них знают, их работы изучают, цитируют, что свидетельствует об актуальности научных проблем, связанных с мифом. Однако масштаб развития конференции привел к идее, что выпуска её сборников уже мало. Статьи авторов становились всё актуальнее, объёмнее и уже требовали другого формата. И тогда возникла мысль о журнале, который смог бы публиковать статьи, отражающие самостоятельные глубокие исследования, связанные с проблемой мифа и мифотворчества в различных аспектах.

Главная задача журнала «Мифологос» и конференции «Миф в истории, политике, культуре» – познакомить интересующихся мифом учёных с наиболее интересными трудами современных мифологов, чтобы соотносить и координировать с ними свои идеи и гипотезы и развивать их, что позволяет в дальнейшем перейти к более тесным контактам авторов. Помимо непосредственного участия в конференциях первый такой контакт был осуществлён на июньском семинаре 2023 года под названием «Новейшая революция в мифологии: открытия, проблемы, перспективы», результаты которого готовятся к публикации. И этот почин обязательно будет продолжен. Активом учёных планируются новые семинары, круглые столы, обсуждения по теме мифа и мифотворчества, готовятся на основе выставленных статей тематически оформленные коллективные монографии, планируется подготовка курсов и проводится постоянная работа по координации исследований, которая неизбежно завершится образованием Российского общества исследователей мифа (РОИМ) и различными формами институирования данного научного направления.

В связи с этим следует особо подчеркнуть, что работа постоянных участников конференции Т.В. Алентьевой, С. Анчева, М.А. Арпентьевой, А.В. Баранова, М.В. Белозёровой, А.М. Буровского, О.А. Габриеляна, А.А. и П.А. Гагаевых, Д.В. Гарбузова, А.С. Глушака, В.Ю. Даренского, И.И. Евлампиева, К.Ф. Завершинского, А.Г. Иванова, А.В. Карабыкова, Д.В. и Е.М. Кирюхиных, Е.Н. Корниловой, С.Б. Королевой, О.А. Кузиной, А.М. Лесовиченко, С.А. Маленко, Н.И. Мартишиной, И.Ю. Матвеевой, Е.Г. Миляевой, В.М. и О.В. Найдыш, А.Г. Некиты, О.Г. Орловой, А.А. Осьмушиной, В.М. Пивоева, М.В. Пименовой, Ю.В. Погребняк, С.М. Поздеевой, В.С. Полосина, С.А. Резвушкиной, А.Н. Садового, С. Соегова, И.Э. Сулейменова, А.С. Тимощука, С.В. Тихоновой, М.А. Филимоновой, Н.А. Царевой, А.А. Целыковского,

В.Д. Шинкаренко, Е.Л. Яковлевой и др., чьи труды представлены в номерах журнала и семи объёмных сборниках конференции¹, общим числом более 700 статей, крайне важна для распространения и утверждения изложенных в рамках неклассической мифологии идей, которые позволяют определиться в основных достижениях мифологов и наметить решение новых проблем, включая формирование общей теории мифа (ОТМ).

В журнале «Мифологос» мы выделяем четыре основных блока, которым соответствуют определённые направления мифологических исследований. Каждая из предлагаемых в журнале четырёх серий охватывает ту область знаний, без которых понять и исследовать миф нельзя.

1. **«Философия мифа: онтология, аксиология, методология»**, куда входят исследования фундаментального и концептуального характера, раскрывающие общие вопросы по мифу, включая природу, смысл, причины и характер мифотворчества, его базовые основы, касающиеся возникновения и функционирования мифа, его генезиса, гносеологии и морфологии, показывающие, что миф свойствен человеку и обществу на всех стадиях его развития, играя в их жизни существенную роль, уделяя особое внимание отношению и взаимодействию мифа с наукой.

2. **«Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования»**, где отражены особенности человека в контексте его постоянного (тотального) мифотворчества даже тогда, когда во главу угла он ставит рациональность и логику, объясняя, зачем миф нужен человеку и как он возникает в сознании, какие потребности удовлетворяет, какие факторы влияют на это, делая из *homo sapiens* человека мифотворящего.

3. **«Миф в культуре: литература, язык, поэтика, искусство, фольклор»**, которая посвящена исследованиям мифотворчества в сфере культуры как информационно-алгоритмической системы и сознательно программируемого объекта управления, показывая, как миф, став колыбелью цивилизации на заре человечества, продолжает, взаимодействуя с базовыми элементами культуры, выступать ведущей культурной универсалией, воплощаясь в удивительных образах литературы и искусства и становясь символически окрашенным, образно-художественным содержанием великих идей, наделяя их с помощью воображения свойством суггестии.

4. **«Миф и общество: история, политика, социология»**, охватывающая социальные аспекты мифотворчества власти и общества, которые воплощаются равно как в прошлом, где обретают форму исторической памяти и навязываемой обществу политики, так в настоящем и будущем, напоминая, что власть держится на общественном мнении, а общественное мнение целиком зависит от тех мифов, которыми общество живёт; предлагая самое востребованное пространство прикладных исследований, где миф не просто выступает инструментом политики, но превращается в грозное оружие массового поражения, способное уничтожить или преобразовать не только сознание человека, но и страны, государства, цивилизации, наделив их (или лишив) мотивацией и социальными энергиями.

Таким образом основные авторы и редакционный совет журнала «Мифологос» исходят из того, что:

¹ <https://sev.msu.ru/mif-v-istorii-politike-kul-ture/>

- миф следует рассматривать максимально расширительно с учётом важнейших достижений ведущих исследователей мифа в контексте универсального, феноменологического подхода, заложенного в трудах Э. Кассирера, А.Ф. Лосева, К.Г. Юнга, М. Элиаде, Дж. Кемпбелла, К. Хьюбнера, К. Леви-Строса, Ю.М. Лотмана, А.М. Пятигорского, Г.Д. Гачева и др., которые полагали, что миф по своей природе онтологичен, а бытие мифологично, подкрепленных новейшими открытиями когнитивных наук;

- миф – не только колыбель человечества, но и базовая культурная универсалия, своеобразная матрица и механизм развития культуры, человека, общества, формирующий поле ценностных смыслов человека и общества, без которых они полноценно существовать и духовно развиваться не могут;

- чтобы выжить, человек должен не только строить, но и мечтать, не только работать на земле, но и смотреть в небо; он должен создавать техносферу и постоянно развиваться, используя для этого все возможности, и мифотворчество стало для него одним из мощнейших инструментов культурного освоения и преобразования мира;

- создавая и обживая среду обитания, человек, уделял особое внимание культурной среде и техносфере, где миф всегда играл важную, предельно сакральную роль, наполняя жизнь человека смыслами;

- в мире всё подлежит изменениям и миф – не исключение, следовательно, отказывать ему в развитии для удобства его понимания, значит, загонять исследования мифа в тупик, лишая их глубины и перспективы, а общество – понимания важнейшего фактора духовного бытия;

- древняя классическая мифология не ограничивает миф, запрещая ему существовать в условиях современности, не обнуляет и не перечёркивает современную неклассическую мифологию, но диалектически её дополняет, устанавливая как поле мифологических исследований, а общая теория мифа предлагает для этого необходимый инструментарий;

- миф вместе с наукой представляет собой единую культурную целостность, построенную по принципу взаимной дополнительности, в которой каждая часть незаменима и играет в обществе важнейшую роль.

И этими довольно простыми, но важными гносеологическими принципами руководствуются наши авторы.

Применительно к составляющей содержание данного номера серии **«Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования»** необходимо учитывать, что:

- человек обречён на тотальное мифотворчество не потому что глуп и не образован, но в силу своей психофизической и духовной природы, вынуждающей его не просто познавать мир исключительно в рамках логических построений, но пережить его, пропустив сквозь себя и сделав частью себя, прочувствовать и согласно этим переживаниям осмыслить, отразив реальность в образно-символической форме и сделав её фактом сознания;

- наряду с установками логически выверенного рационального познания человек неосознанно руководствуется другими мотивами, которые рациональными назвать нельзя, как нельзя назвать рациональным всё, что связано с чувствами или порывами души.

Иными словами, в своих делах и поступках человек руководствуется целым комплексом мотиваций, одна часть которых отличается рациональностью, а другая нет. И даже не всегда осознаётся. Но при этом, как правило, все установки и мотивации обоснованы в рамках определённой мифологии, которая может быть связана с его представлениями о чести и совести, морали и долге или соображениями личной и коллективной выгоды, которая может быть объяснена и прикрыта какими-то идеалами, патриотизмом, национальными интересами, традициями, совершенно алогичными с точки зрения другой системы представлений и ценностей, но крайне важной и убедительной для него, определяя все его практические действия.

Особо подчеркнём, что данные положения полностью согласуются с установками неклассической науки.

Содержание десятого номера журнала «Мифологос» из серии «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования» структурно разделён на три части.

Первая часть под названием «Миф как источник и инструмент познания» включает статьи:

- Проблемы соотношения истории и мифологии (М.Р. Арпентьева, П.Т. Вереш);
- Миф и научное познание: взгляд с позиций нейросетевой теории ноосферы (И.Э. Сулейменов).

Во второй части «Дао сотворения себя» предлагаются статьи:

- «Снимая седьмую печать...» Путь к себе в романе А.В. Ставицкого «Седьмая печать» (К.А. Капля);
- Концепт «внутренний человек» как объект когнитивного исследования (на материале юкагирского языка) (М.П. Лукина);
- Измененные состояния сознания и внутренний опыт (О.В. Найдыш);

Третья часть «Мифотворчество в пространстве и времени» содержит статьи:

- Неклассическая мифология о природе рационального и мифического мышления: эпистемологический аспект (А.В. Ставицкий);
- Город как место гения в контексте мифотворчества (Е.Л. Яковлева).

Все эти статьи раскрывают особенности мифологического мышления, освещают природу и смысл мифотворчества, показывают, как с помощью мифа человек проявляет себя и обживает мир, делая его одухотворенным и человекомерным.

В заключение напоминаем также, что исследования мифа требуют максимальной огласки и координации общих усилий сотен людей, дабы «коперниканский переворот» в мифологии состоялся. Поэтому журнал «Мифологос» ищет новых авторов среди исследователей мифа, равно как известных, авторитетных, так и молодых, которые в мифологических исследованиях видят своё призвание и судьбу.

Всего вам доброго!

**С уважением,
главный редактор журнала «Мифологос»
Андрей В. Ставицкий**

МИФ КАК ИСТОЧНИК И ИНСТРУМЕНТ ПОЗНАНИЯ

УДК 1:94

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ИСТОРИИ И МИФОЛОГИИ: МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ МИРА КАК КВАЗИНАУЧНОЕ

Арпентьева Мариям Равильевна

Институт гуманитарных технологий и социального инжиниринга,
Институт управленческих исследований и консалтинга
Финансового университета при Правительстве РФ
(Москва, Россия)

Вереш Петер Тибор

Институт комплексных исследований гуманитарных наук, Академия наук Венгрии,
(г. Будапешт, Венгрия)

Аннотация

Статья посвящена проблемам соотношения исторических и мифологических данных о развитии народов и человечества. Современным мифам посвящены отдельные разделы историко-культурологических исследований: «мифоведение» и «частные «мифоведения», проводятся научные конференции, работают лаборатории и т.д.. в статье рассматриваются основные аспекты взаимосвязи исторического и мифического в фольклорных эпосах и иных источниках истории народа. В статье также обсуждаются проблемы исторической памяти, анализируются вопросы, связанные с реактуализацией исторической памяти, ее влиянием на современную социальную практику и наоборот (отношения людей и групп, общества и государства), отмечаются варианты реагирования и преодоления, ведущего к восстановлению исторической памяти и культуры и разрушению. Одна из существенных проблем и истории, и мифологии, вызывающая множество дискуссий, в том числе дискуссий о научности современной официальной исторической науки - проблема воспроизводства событий, а в мифах - сюжетов, героев / участников мифов помимо законов художественно-образительского, литературного творчества отображает и законы функционирования индивидуальной и социальной «психики», в том числе, исторической памяти и истории в целом: то, что истории повторяются, эмпирически заметно даже на примере одной жизни, не говоря о более глобальных циклах, существование и изучение которых начато как минимум, с античных времен или со времен Старшей Эдды. Время в мифах часто циклично, в истории чаще - линейно. Хотя теория циклов все же является и инструментом и феноменом научного исследования. Сейчас, хотя на научность теория циклов, с одной стороны, не претендует, а с другой стороны, отображает одну из эпистемологических основ научного познания: помимо эпистемы «непрерывного развития» («по прямой») в исследовании / осмыслении мифов и связанных с ними феноменов в контексте их понимания как квазинаучных интересно знать не только, что нечто работает, но и причину, почему это происходит, а также условия функционирования этого нечто и «границы применимости». Цикличность исторической памяти задана понятиями "архетипические структуры", "архетипические процессы", "архетипы" – в целом. Это понятие позволяет осмыслить, как и в истории и в мифе, мы получаем повторяющиеся события, повторяющиеся/ сходные персоны и группы персон.

Ключевые слова: архетип, народы, история, наука, эпистема, цикличность, повторяемость, уникальность, мифология, фольклор, историческая память, эпос, сказки.

**PROBLEMS OF THE RELATIONSHIP OF HISTORY AND MYTHOLOGY:
MYTHOLOGICAL UNDERSTANDING OF THE WORLD AS QUASI-SCIENTIFIC**

Mariam Ravilievna Arpentieva

Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering,
Institute of Management Research and Consulting
of the Financial University under the Government of the Russian Federation,
(Moscow, Russia)

Veres Peter Tibor

Institute for the Integrated Studies of the Humanities, Hungarian Academy of Sciences,
(Budapest, Hungary)

Annotation

The article is devoted to the problems of the relationship between historical and mythological data on the development of peoples and humanity. Separate sections of historical and cultural studies are devoted to modern myths: “mythology” and “private “mythology””; scientific conferences are held, laboratories operate, etc. The main aspects of the relationship between the historical and the mythical in folklore epics and other sources of the history of the people are considered. The article also discusses the problems of historical memory, analyzes issues related to the re-actualization of historical memory, its influence on modern social practice and vice versa (relations of people and groups, society and the state), notes options for responding and overcoming leading to the restoration of historical memory and culture and destruction. One of the significant problems of history and mythology, causing many discussions, including discussions about the scientific nature of modern official historical science, is the problem of reproducing events, and in myths - plots, heroes / participants in myths, in addition to the laws of artistic, visual, literary creativity, it also reflects the laws of the functioning of individual and social “psyche”, including historical memory and history in general: the fact that stories repeat themselves is empirically noticeable even in the example of one life, not to mention more global cycles, the existence and study of which began at least from ancient times or from the time of the Elder Edda. Time in myths is often cyclical, in history it is more often linear. Although the theory of cycles is still both a tool and a phenomenon of scientific research. Now, although the theory of cycles, on the one hand, does not pretend to be scientific, on the other hand, it reflects one of the epistemological foundations of scientific knowledge: in addition to the episteme of “continuous development” (“in a straight line”), in the study / understanding of myths and related phenomena in the context of their understanding as quasi-scientific, it is interesting to know not only that something works, but also the reason why this happens, as well as the conditions for the functioning of this something and the “limits of applicability”. The cyclical nature of historical memory is defined by the concepts of “archetypal structures”, “archetypal processes”, “archetypes” - in general. This concept allows us to understand how in both history and myth we get repeating events, repeating/similar persons and groups of persons.

Key words: archetype, peoples, history, science, episteme, cyclicity, repetition, uniqueness, mythology, folklore, historical memory, epic, fairy tales

Одна из центральных компонент развитого фольклора – эпос. Исследователи впервые начали записывать и публиковать этнические эпосы и иные исторические предания народов разных регионов начали целенаправленно записываться с XIX столетия. Ведущим компонентом эпического наследия народов и народностей являются, как правило, эпосы о сотворении вселенной, земли, о царях и о богатырях [Абаев, 1949; Абаев, 1990; Абаев, 1982/1988; Абаев, 1990; Аджиев, 2004; Ах(ф)риев,

1872, 1873ж Вернадский, 2000; Халидова, 1982]. В культурном наследии многих народов России и мира эпические творения занимают важнейшее, образующее место: они - основное хранилище и основной способ ретрансляции исторической памяти, это художественно воплощенная и осмысленная история народа, это - идеология специфическая манифестация духовно-нравственных ценностей народа, это мощнейший, основной мировоззренческий «столп» культуры, а также система традиций, которая удерживает людей в культуре и истории, делает их людьми [Гаглойти, 2010; Гадагатль, 1987; Грисар, 2012; Гуриев, 1971; Гуриев, 1995; Гуриев, 1982; Гуриев, 2010]. Процесс сложения эпосов, мифов, сказок и былин, по мнению большинства исследователей, охватывает огромный промежуток времени, с древнейших времен) вплоть до начала XX века [Гутов, 1993; Миллер, 2007; Гурциева, 2005; Далгат, 1957; Даркевич, 1975]. Эпический фольклор – основной хранитель системы ценностей народов, их исторической памяти. Историческая память система передаваемых из поколения в поколение исторических фактов и мифов, субъективно преломленных рефлексий о событиях прошлого, особенно негативного опыта, угнетения, несправедливости в отношении народа [Дюмезиль, 1976, 2001; Калоев, 2009; Таказов, 2014; Кристолю, 2012; Крупнов, 1969; Кумахов, Кумахова, 1985]. Иногда фольклор и его эпос, сказания, легенды рассматриваются как измерение коллективной (или социальной) памяти. Это понятие весьма близко к понятию культурная память, под которой понимается система базовых представлений общества о прошлом, закрепленное в памятниках культуры и социальной традиции. Устно-поэтическое творчество разных народов различно по богатству и разнообразию, как правило, нарастающему со временем самоопределения этноса в качестве такового, с увеличением событий в его жизни и важностью потерь и достижений этноса для развития человечества в целом; героический эпос, сказки, легенды и предания, песни, пословицы, загадки слагались и исполнялись народными сказителями и певцами, скотоводами и охотниками, шаманами и т.д. [Мелетинский, 2004; Миллер, 1881, 1882, 1887, 1992, 2011; Мифы народов мира, 2008]. Эпос определяют как героическое повествование народа о своем о прошлом, содержащее целостную картину народной жизни и представляющее в гармоническом единстве некий эпический мир героев [Нартоведение..., 2015; Плаева, 2014; Тадевосян, 2012; Тресков, 1963; Туаллагов, 2001; Услар, 1888; Фидарова, Кайтова, 2015].

У многих народностей – многие образы и сюжеты национального эпоса встречаются не только в эпосах, но и в форме сказаний и сказок, пословиц и поговорок: образуя единый культурно-исторический контекст народной памяти о жизни. Сбор фольклора, эпических песен и прочих произведений народов сейчас затруднен тем, что во многих случаях его носителей уже нет, поэтому многие темы остаются утерянными, малоизученными и до сегодняшнего дня. К тому же, Вторая Мировая война прервала и затормозила начавшиеся в конце позапрошлого и начале прошлого веков исследования. Часть народов России во время войны подверглись гонениям, депортациям, и об изучении их фольклора речи не могло быть, уничтожались памятники культуры и носители эпоса и до этого времени в том числе – целенаправленно (царским правительством, умалчивающим не только геноцид русского и иных славянских народов, но и остальных, в том числе татар и т.д.). Сейчас исследователям приходится восстанавливать утраченное по крупицам и надеяться, что то, что сохранял народ, сохранят ученые.

При этом, как отмечал Т.А. Гуриев, в сказаниях «мы обнаруживаем следы различных эпох» [Гуриев, 1982, с. 23]. «Эпос был не только исторической памятью, но и умом народа, сводом его нравственных правил. В памяти людей удерживалось все самое важное, что будущих поколений», – пишут Т.А. и Е.А. Бекоевы [Нартоведение ..., 2015, с. 3-4]. В эпосах часто содержатся важнейшие данные о развитии народов, а также о развитии человечества в целом. Эти данные обнаруживаются в процессе сравнения эпосов. Среди сказок, легенд и эпосов разных народов мира много пересечений: так, имеют сходные сюжеты Кавказская Нартиада, Ионические песни (Илиада и Одиссея), Махабхарата, Шах-Наме, Нибелунги и Калевала, – не только в части общих сюжетов и схем развития событий, но и в некоторых «говорящих» о многом языковых и иных «деталях». Разные эпосы рассказывают о жизненном опыте народов, опыте выживания и развития, борьбы и побед [Heyerdahl, Lilliestrem, 2008; Tsagaraev, 2000; Chibirov, 2015; Dumezil, 1989]. Особенно продуктивными сравнительные исследования фольклора народов в отношении 1) сюжетного и 2) лингвистического анализа. В языке, как полагал Т.А. Гуриев, закрепляется и сохраняется коллективный опыт его носителей в течение тысячелетий [Guriev, 1995].

В становлении эпоса В.И. Абаев выделяет ряд фаз [Абаев, 1990: 127]. «Сначала – это разрозненные, между собой не связанные сказания. Из массы героев и сюжетов выделяется несколько изблюбленных героев, изблюбленных событий и мотивов. И вокруг них начинает формироваться сказание. Образуется, таким образом, несколько эпических узлов или циклов. На этом пути эпос вступает в фазу циклизации. Ранее не связанные между собой циклы объединяются одной сюжетной нитью, сводятся в одно последовательное повествование, в одну эпическую поэму. Так идет гиперциклизация: это и есть собственно фаза эпоса [Нартоведение..., 2015, с. 204]. М.А. Кумахов и З.Ю. Кумахова, рассматривая проблему пространства и времени в эпосах пишут, что «пространственно-географические границы в фольклоре определяются их стадийно-типологическими особенностями». В самых древних, архаичных сказаниях действие в эпосе реализуется в пределах мифологического пространства. В более современных он нередко становится более реалистичным [Кумахов, Кумахова, 1985: 123]. «Народный певец — основной хранитель традиции устного слова – вносит свой вклад в эпическую географию произведения... создает элементы, в том числе эпической географии, расширяет ее новыми топонимическими названиями», часть из которых реальны [Кумахов, Кумахова, 1985: 125]. «Пространственный континуум событий в эпосе, как и временной, хотя и является условным, воспринимается эпическим сознанием, как действительно существующий в прошлом, в суровую героическую идеализированную эпоху» жизни этноса – подчеркивают авторы [Кумахов, Кумахова, 1985: 127]. При этом, как отмечает А.М. Гутов, «в художественном контексте современных нам записей эпоса утратили свои первичные конкретные мифологические функции и существуют как явления эстетического порядка» [Гутов, 1993: 78].

В. Даркевич пишет: «в основе изобразительной системы лежит мир эпической поэзии, за которым проглядывает реальный исторический фон» [Даркевич, 1975: 9]. Сходство эпосов наиболее явно проявляется в образах и судьбах трикстеров (Садко, Сырдон, Локи, Брикри, Кеу и др.) и героев и Сырдон. Внимательному исследователю очевидна их типологическая идентичность. Л.А. Чибиров пишет, что «Сказания ...хранят названия многих стран и народов, с которыми исторические судьбы сводили создателей эпоса», отмечая историческую основу многочисленных параллелей

сказаний и саг разных народов [Чиби́ров, 2015, с. 84]. Однако, проблема воспроизводства сюжетов, героев / участников мифов помимо законов художественно-изобразительного, литературного творчества отображает и законы функционирования индивидуальной и социальной «психик», в том числе исторической памяти и истории в целом: то, что истории повторяются, эмпирически заметно даже на примере одной жизни, не говоря о более глобальных циклах, существование и изучение которых начато как минимум, с античных времен или со времен Старшей Эдды, например, в рамках тех же мифов: миф о Рагнарёке или в работе Гесиода «Пять веков», поэтому на научность теория циклов, с одной стороны, и не претендует, а, с другой стороны, отображает одну из эпистемологических основ научного познания: помимо эпистемы «непрерывного развития» («по прямой») .в исследовании / осмыслении мифов и связанных с ними феноменов в контексте их понимания как квазинаучных интересно знать не только, что нечто работает, но и причину, почему это происходит, а также условия функционирования этого нечто и «границы применимости».

Конечно, полного тождества не существует и не может существовать. Однозначно смешивать миф и историю не нужно: фольклор подлежит истолкованию не только в аспекте истории, но и в аспекте мифа: он является подчас лишь синкретическим отражением самых субъективных понятий этноса о явлениях окружающей природы и той борьбы, какую приходилось вести людям, чтобы справиться с природными и социальными проблемами [Таказов, 2014]. Опасность смешения мифических мотивов и героев с реальными историческими событиями отмечал Ч. Африев: «Мифологический элемент в этих преданиях увеличивает затруднение, которое обыкновенно испытывает дилетант-исследователь при объяснении и анализе коренного смысла преданий» [Ах(ф)риев, 1973, №27].

В истории Земли остается все еще много тайн: история фальсифицируется, трансформируется и развивается, порой столетиями отвергая очевидное и доверяя вымыслам. Исследование фольклора – интереснейшая сфера научных исследований, в которой ученые сталкиваются с многочисленными проблемами верификации научного знания: начиная от вопроса о том, каким образом был найден и собран фольклорный материал и насколько точно он был зафиксирован исследователем и передан научному сообществу, и заканчивая вопросы соотношения содержащихся в фольклорном материале фактов, концепций и т.д. с фактами, этапами становления и развития и иными аспектами отраженной в фольклорных произведениях реальности. Особенно интересны в этом контексте эпосы – хранилища исторической памяти народа о своем происхождении и представлений о цели своего развития, о своих успехах и неудачах, об этапах развития и о знаменитых людях – героях, о быте и о войнах, о любви и жизни человека в целом. Эпос и мифичен. и историчен. Эпос выступает как феномен донаучного отображения истории народа, и вместе с тем, объект эстетического восприятия, народного творчества. Кроме того, эпос отражает многочисленные и подчас запутанные отношения народа с его соседями, истории миграций, беженств и возвращений, он содержит реальные и мифические данные и реконструкции сказителями и народом в целом знаний о своем происхождении, предках. Порой парадоксальным образом, эпос оказывается более точен, чем научные данные, более богат, чем документы. Эпос позволяет соединять разрозненные фрагменты картины, заполняя смысловые лакуны в культуре, истории и иных аспектах жизни народов. Сохранение или восстановление исторической памяти – и социально, и психологически важная часть здоровья человечества, этносов, людей.

Многочисленные исследования и споры вокруг мифов разных народов и стран не только не утихают, но и разгораются: вопросы фальсификаций и тенденциозности интерпретаций тесно пересекаются с вопросами о социокультурных функциях вымыслов «мифической части» эпосов, о границах между мимической и исторической частями, о феноменах герменевтического круга и гистерезиса, о циклической структуре эпоса и о том, что в эпосе «зашифровано» несколько больше, чем доступно ученым, спохватившимся исследовать этот эпос достаточно поздно, лишь с конца XIX столетия, когда традиция сказительства начала интенсивно угасать, почти полностью прекратившись в конце XX века. Современным мифам посвящены отдельные разделы историко-культурологических исследований: «мифоведение» и «частные «мифоведения», проводятся научные конференции, работают лаборатории и т.д.

Одна из существенных проблем и истории, и мифологии, вызывающая множество дискуссий, в том числе дискуссий о научности современной официальной исторической науки – проблема воспроизводства событий, а в мифах – сюжетов, героев / участников мифов помимо законов художественно-изобразительного, литературного творчества отображает и законы функционирования индивидуальной и социальной «психики», в том числе исторической памяти и истории в целом: то, что истории повторяются, эмпирически заметно даже на примере одной жизни, не говоря о более глобальных циклах, существование и изучение которых начато как минимум, с античных времен или со времен Старшей Эдды. Время в мифах часто циклично, в истории чаще – линейно. Хотя теория циклов все же является и инструментом, и феноменом научного исследования. Сейчас, хотя на научность теория циклов, с одной стороны, не претендует, а, с другой стороны, отображает одну из эпистемологических основ научного познания: помимо эпистемы «непрерывного развития» («по прямой») в исследовании / осмыслении мифов и связанных с ними феноменов в контексте их понимания как квазинаучных интересно знать не только, что нечто работает, но и причину, почему это происходит, а также условия функционирования этого нечто и «границы применимости». Цикличность исторической памяти задана понятиями «архетипические структуры», «архетипические процессы», «архетипы», которые связаны с определенными образами и сюжетами, помогая лучше понять происходящее и позволяя осмыслить и в мифе, и в истории те события и персоны, которые в силу своей типичной схожести и повторяемости становятся для сознания типовыми, архетипическими.

Литература

Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Москва-Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1949. 608 с.

Абаев В.И. Нартовский эпос осетин // Абаев В.И. Избранные труды. Религия. Фольклор. Владикавказ Ир, 1990. Т. 1. (638 с.) С. 142–242.

Абаев В.И. Нартовский эпос осетин // Известия Северо-Осетинского НИИ; Т. X. Вып. 1. Дзауджикау: Сев.-Осет. госизд-во, 1945. 118 с., Цхинвали: Ирыстон, 1982/1988. 108 с.

Абаев В.И. Нартовский эпос осетин // Нарты. Осетинский героический эпос. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. Кн. I, II, III. 435+499+179с.

Аджиев А.М. Устное народное творчество кумыков. Махачкала: Дагестанский НЦ РАН, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, 2004. 425 с.

Ах(ф)риев Ч. Этнографический очерк ингушского народа с приложением его сказок и преданий // Терские ведомости. 1872. №87, № 27-35, №39, №42, №43, №45-49; 1873, № 3, №21, №22, №24–26.

Вернадский В.Г. История России. Древняя Русь. Москва: Аграф, 2000. 480 с.

Гаглойти Ю.С. Избранные труды. Т.1. / Сост., науч. ред. К. Г. Дзугаев Цхинвал: Ирыстон, Дом печати, 2010. 814 с.

Гадагатль А.М. Героический эпос «Нарты» адыгских (черкесских) народов. – Майкоп: Краснодар. кн. изд-во: Адыгейское отделение, 1987. 406 с.

Грисар Ж. Мотив меча, брошенного в озеро: смерть Артура и смерть Батрадза // Эпос и мифология осетин и мировая культура / Сост. и пер. Т.Т. Камболова. Владикавказ: Изд-во СОГУ им. К.Л. Хетагурова, 2012. 309 с.

Гуриев Т.А. К проблеме генезиса осетинского нартского эпоса. Орджоникидзе: Ир, 1971. 168 с.

Гуриев Т.А. Памятник особого рода: язык. Владикавказ: Госкомиздат, 1995. 31 с.

Гуриев Т.А. Проблемы Нартиады. Учеб. пособ. Орджоникидзе: Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 1982. 35 с.

Гуриев Т.А. Сборник избранных работ. Владикавказ, СОГУ, 2010. 295 с.

Гутов А.М. Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. Москва: Восточная литература, 1993. 208с.

Миллер В.Ф. В горах Кавказа. Владикавказ:Алания, 1998. 520 с. / В горах Осетии.Владикавказ: РИПП им. В.А. Гассиева, 2007. 535 с.

Гурциева О.А. Христианские черты в традиционных осетинских молитвах // Вестник Института цивилизации. Владикавказ, 2005. Вып. 6. С. 227-251.

Далгат У.Б. К вопросу о нартском эпосе у народов Дагестана // Нартский эпос: Материалы совещания 19–20 октября 1956 г., Орджоникидзе // Ред. В. И. Абаев и др. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1957. С. 154–174.

Даркевич В.П. Светское искусство Византии. Москва: Искусство, 1975. 347 с.

Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1976. 276 с., Владикавказ: Наука, 2001. 278 с.

Калоев Б.А. Осетины. М.: Наука, 2009. 471 с.

Таказов Ф.М. Мифологические архетипы модели мира в осетинской космогонии. Владикавказ: СОИГСИ, 2014. 210 с.

Кристьян А. Сырдон и Одиссей // Эпос и мифология осетин и мировая культура / Сост. и пер. Т. Т. Камболова. Владикавказ: СОГУ им. К. Л. Хетагурова, 2012. 309 с.

Крупнов Е.И. О времени формирования основного ядра нартского эпоса у народов Кавказа // Крупнов Е. И., Инал-Ипа Ш.Д., Калоев Б.А. и др. Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. Москва: Наука, 1969. 551с. С. 15–29.

Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Язык адыгского фольклора. Нартский эпос / Отв. ред. М. М. Гухман. Москва: Наука, 1985. 223 с.

Мелетинский М.Е. Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники. Москва: Восточная литература, 2004. 464 с.

Миллер В.Ф. Осетинские этюды // Ученые записки императорского Московского университета. Ч.І. Москва: Имп. Моск. ун-т, 1881. 164 с.; Ч. II. Москва: Имп. Моск. ун-т, 1882. 301 с.; Ч. III. Москва: Имп. Моск. ун-т, 1887. 215 с.

Владикавказ, 1992. 707 с.; Москва: Книга по Требованию, 2011. Тома 1–3. 167 с., 303с., 217с.

Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. Москва: Советская энциклопедия, Дрофа, 2008. 1392 с. Т. 2: К – Я. 719 с.

Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: сб. научных трудов. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2015. Выпуск 3. 266 с.

Плаева З.К. Цикл Ацамаза в осетинском нартовском эпосе// IV Всероссийские Миллеровские чтения. Материалы научной конференции 11–12 ноября 2014 г. Владикавказ. Владикавказ: СОИГСИ, 2014. 467 с.Т. IV. С. 28–35.

Тадевосян Т. Архетипы морского царя и подводного царства в русской былине Садко и в осетинском нартовском эпосе // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. Сборник научных трудов. Владикавказ: СОИГСИ, 2012. 350 с.

Тресков И.В. Фольклорные связи Северного Кавказа. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1963. 344 с.

Туаллагов А.А. Скифо-сарматский мир и нартовский эпос осетин. Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского университета (СОГУ), 2001. 315с.

Услар П.К. Письмо к А.П. Берже от 3 июня 1864 г. // Услар П.К. Этнография Кавказа. II. Чеченский язык. Тифлис, 1888. 424 с.

Фидарова Р.Я., Кайтова И.А. Поиски первоначал бытия в нартовском эпосе осетин // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: сб. научных трудов. Владикавказ: СОИГСИ, 2015. Выпуск 3. (266 с.) С. 200–211.

Халидова М.Р. Мифологический и исторический эпос народов Дагестана. Махачкала: Дагестанский научный центр РАН, ИЯЛИ им. Г. Цадасы, 1992. 274 с.

Хейердал Т. Лиллиестрем П. В погоне за Одним. Москва: Менеджер, 2008. 430 с.

Цагараев В. Золотая яблоня нартов. Владикавказ: РИПП им. В.А. Гассиева, 2000. 300 с.

Чибиров Л.А. Историческая основа параллелей осетинских сказаний о нартах и скандинавских саг // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: сб. научных трудов. Владикавказ: СОИГСИ, 2015. Выпуск 3. (266 с.) С. 84–89.

Dumezil G. LelivredesHeros. Legendessurles Nartes. Paris, Gallimard, 1989. 264 p.

References

Abaev V.I. Ossetian Language and Folklore. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1949. 608 p. (In Russian).

Abaev V.I. Nart Epic of Ossetians // *Abaev V.I. Selected works. Religion. Folklore.* Vladikavkaz Ir, 1990. Т. 1. (638 p.) Pp. 142–242. (In Russian).

Abaev V.I. NartEpic of Ossetians // *Izvestiya Severo-Ossetian Research Institute;* Vol. Kh. Vol. 1. Dzauzhikau: North-Ossetian State Publishing House, 1945. 118 p., Tskhinvali: Iryston, 1982/1988. 108 p. (In Russian).

Abaev V.I. Nart Epic of Ossetians // *Narts. Ossetian Heroic Epic.* Moscow: Nauka Publ., Main Editorial Office of Oriental Literature, 1990. Books I, II, III. 435+499+179 p.

Adzhiev A.M. Oral folk art of the Kumyks. Makhachkala: Dagestan Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, 2004. 425 p. (In Russian).

Akh(f)riev Ch. Ethnographic Sketch of the Ingush People with an Appendix of Their Tales and Legends // *Terskievedomosti*. 1872. 872, № 27–35, 39, 42, 43, 45–49; 1873, № 3, 21, 22, 24–26. (In Russian).

Vernadsky V.G. History of Russia. Ancient Russia. Moscow: Agraf Publ., 2000. 480 p. (In Russian).

Gagloichi Y.S. Selected Works. T. 1. / Compiled, edited by K.G. Dzugaev Tskhinvali: Iryston, House of Press Publ., 2010. 814 p. (In Russian).

Gadagatl A.M. Heroic epic "Narts" of Adyghe (Circassian) peoples. - Maikop: Krasnodar. kn. Izd-vo: AdygeyskoyeotchetstvoPubl., 1987. 406 p. (In Russian).

Grisar J. The Motif of the Sword Thrown into the Lake: the Death of Arthur and the Death of Batradz // *Ossetian Epic and Mythology and World Culture / Compiled and translated by T.T. Kambolova*. Vladikavkaz: K.L. Khetagurov SOGU Publishing House Publ., 2012. 309 p. (In Russian).

Guriev T.A. To the Problem of the Genesis of the Ossetian Nart Epic. Ordzhonikidze: Ir Publ., 1971. 168 p. (In Russian).

Guriev T.A. Monument of a Special Kind: Language. Vladikavkaz: Goskomizdat Publ., 1995. 31 p. (In Russian).

Guriev T.A. Problems of the Nartiad. Textbook. Ordzhonikidze: K.L. Khetagurov North Ossetian State University. K.L. Khetagurov Publ., 1982. 35 p. (In Russian).

Guriev T.A. Collection of Selected Works. Vladikavkaz, SOGUPubl., 2010. 295 p. (In Russian).

Gutov A.M. Poetics and Typology of the Adyghe Nart Epic. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., 1993. 208 p. (In Russian).

Miller V.F. In the Mountains of the Caucasus. Vladikavkaz: Alania, 1998. 520 p. / In the Mountains of Ossetia. Vladikavkaz: RIPP named after V.A. Gassiev Publ., 2007. 535 p. (In Russian).

Gurtsieva O.A. Christian Features in Traditional Ossetian Prayers // *Vestnik of the Institute of Civilisation*. Vladikavkaz, 2005. Vol. 6. Pp. 227–251. (In Russian).

Dalgat U.B. To the Question of the Nart Epic Among the Peoples of Dagestan // *Nart Epic: Materials of the meeting 19-20 October 1956, Ordzhonikidze / / Edited by V.I. Abaev et al.* V.I. Abaev et al. Ordzhonikidze: North-Ossetian Book Publishing House Publ., 1957. Pp. 154–174. (In Russian).

Darkevich V.P. Secular Art of Byzantium. Moscow: Art Publ., 1975. 347 p. (In Russian).

Dumézil J. Ossetian Epic and Mythology. Moscow: Nauka Publ, Main Editorial Office of Oriental Literature Publ., 1976. 276 p., Vladikavkaz: Nauka Publ., 2001. 278 p. (In Russian).

Kaloev B.A. Ossetians. Moscow: Nauka Publ., 2009. 471 p. (In Russian).

Takazov F.M. Mythological Archetypes of the World Model in Ossetian Cosmogony. Vladikavkaz: SOIGSI, 2014. 210 p. (In Russian).

Kristol A. Syrdon and Odysseus // *Ossetian Epos and Mythology and World Culture / Compiled and translated by T. T. Kambolova*. Vladikavkaz: K. L. Khetagurov SOGU Publ., 2012. 309 p. (In Russian).

Krupnov E.I. About the Time of Formation of the Main Core of the Nart Epic among the Peoples of the Caucasus // *Krupnov E.I., Inal-IpaSh.D., Kaloev B.A. et al.* Tales of the

Narts– the epic of the peoples of the Caucasus. Moscow: Nauka Publ., 1969. 551p. Pp. 15–29. (In Russian).

Kumakhov M.A., Kumakhova Z.Y. Language of Adyghe folklore. Nart epic / Edited by M.M. Gukhman. Moscow: Nauka Publ., 1985. 223 p. (In Russian).

Meletinsky M.E. Origin of the Heroic Epic: Early Forms and Archaic Monuments. Moscow: Oriental Literature Publ., 2004. 464 p. (In Russian).

Miller V.F. Ossetian Etudes // Scientific Notes of the Imperial Moscow University. Ch.I. Moscow: Imperial Moscow Univ., 1881. 164 p.; Ch. II. Moscow: Imp. Moscow Univ., 1882. 301 p.; Ch. III. Moscow: Imp. Mosk. Un. Publ., 1887. 215 c. Vladikavkaz, 1992. 707 p.; Moscow: Book on Demand Publ., 2011. Volumes 1–3. 167 p., 303 p., 217 p. (In Russian).

Myths of the Peoples of the World. Encyclopaedia: In 2 x t. / Ed. by S.A. Tokarev. Moscow: Soviet Encyclopaedia, Drofa Publ., 2008. 1392 p. T. 2: K – YA. 719 p.

Nartology in the XXI Century: Modern Paradigms and Interpretations: aCollection of Scientific Papers. Vladikavkaz: IPC SOIGSI VNTS RAS and RSO-A Publ., 2015. Issue 3. 266 p. (In Russian).

Plaeva Z.K. Atsamaz Cycle in the Ossetian NartovEpic // IV All-Russian Miller readings. Materials of the scientific conference 11-12 November 2014. Vladikavkaz. Vladikavkaz: SOIGSI Publ., 2014. 467 c. VOL. IV. Pp. 28–35. (In Russian).

Tadevosyan T. Archetypes of the Sea King and the Underwater Kingdom in the Russian Byline Sadko and in the Ossetian NartEpic // Nartology in the XXI century: modern paradigms and interpretations. Collection of scientific papers. Vladikavkaz: SOIGSI Publ., 2012. 350 p. (In Russian).

Treskov I.V. Folklore Connections of the North Caucasus. Nalchik: Kabardino-Balkar Book Publishing House Publ., 1963. 344 p. (In Russian).

Tuallagov A.A. Scythian-Sarmatian World and Nart epic of Ossetians. Vladikavkaz: Izdvo Severo-Ossetian University (SOGU) Publ., 2001. 315 p. (In Russian).

Uslar P.K. Letter to A.P. Berge from 3 June 1864 // Uslar P.K. Ethnography of the Caucasus. II. Chechen language. Tiflis, 1888. 424 p. (In Russian).

Fidarova R.Ya., Kaitova I.A. Search for the Originals of Being in the OssetianNart epic // Nartology in the XXI century: modern paradigms and interpretations: a collection of scientific papers. Vladikavkaz: SOIGSI Publ., 2015. Issue 3. (266 p.) Pp. 200–211. (In Russian).

Khalidova M.R. Mythological and Historical Epic of the Peoples of Dagestan. Makhachkala: Dagestan Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, IYALI named after G. Tsadasa Publ., 1992. 274 p. (In Russian).

Heyerdahl T. Lilliestrem P. In Pursuit of Odin. Moscow: Manager, 2008. 430 p. (In Russian).

Tsagaraev V. The Golden Apple Tree of the Narts. Vladikavkaz: RIPP named after V.A. Gassiev Publ., 2000. 300 p. (In Russian).

Chibirov L.A. Historical Basis of Parallels Between Ossetian Tales about Narts and Scandinavian Sagas // Nartology in the XXI century: modern paradigms and interpretations: a collection of scientific papers. Vladikavkaz: SOIGSI Publ., 2015. Issue 3. (266 p.) Pp. 84–89. (In Russian).

Dumezil G. Le livre des Heros. Legendes sur les Nartes. Paris, Gallimard, 1989. 264 p. (In Russian).

Сведения об авторе:

Арпентьева Мариям Равильевна

ведущий научный сотрудник, факультет социальных наук и массовых коммуникаций Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, факультет «Высшая школа управления» Института управленческих исследований и консалтинга ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», доктор психологических наук, доцент (г. Москва, Россия).

E-mail: mariam_rav@mail.ru

Вереш Петер Тибор

ведущий научный сотрудник Института комплексных исследований гуманитарных наук, Академия наук Венгрии, доктор исторических наук, профессор (г. Будапешт, Венгрия).

E-mail: p.veres@upcmail.hu

Bionotes:

Mariam Ravilievna Arpentieva

Leading Researcher, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Faculty "High School Of Management", Institute of Management Research and Consulting, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Associate Professor, (Moscow, Russia)

E-mail: mariam_rav@mail.ru

Veres Peter Tibor

Leading Researcher, Institute for the Integrated Studies of the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Grand Doctor of Historical Sciences, Professor (Budapest, Hungary).

Для цитирования:

Арпентьева М.Р., Вереш П.Т. Проблемы соотношения истории и мифологии: мифологическое понимание мира как квазинаучное // МИФОЛОГОС. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования», № 2 (10), 2024. С. 15–25.

For citation:

Arpentieva M.R., Veresh P.T. Problems of Correlation of History and Mythology: Mythological Understanding of the World as Quasi-Scientific // MYTHOLOGOS. The Mythic Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies Series, no. 2 (10), 2024. Pp. 15–25.

УДК 001

**МИФ И НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ:
ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИЙ НЕЙРОСЕТЕВОЙ ТЕОРИИ НООСФЕРЫ²****Сулейменов Ибрагим Эсенович**Национальная инженерная академия Республики Казахстан,
(г. Алматы, Казахстан)**Аннотация**

На основе нейросетевой теории ноосферы, в рамках которой доказывается, что интеллект и сознание человека имеют дуальную природу (в них одновременно присутствуют и индивидуальная, и коллективная «составляющие») показано, что мифологическая компонента в научном познании в современных условиях может только усиливаться. Это определяется объективными причинами, в первую очередь – более чем значительным увеличением объема информации, который требуется осмыслить и обработать для получения новых научных результатов. По объективным причинам в обозримой перспективе придется создавать методики, обеспечивающие коллективную переработку и осмысление нужной информации. Это неизбежно приведет к возрастанию роли коллективной «составляющей» интеллекта, которая самым тесным образом связана с «логикой мифа», отражающей процессы, протекающие на надличностном уровне переработки информации. На этой основе сделан вывод, о том, что в обозримой перспективе инструменты, построенные на «логике мифа», придется включать в арсенал средств, используемых для научного познания.

Ключевые слова: нейросетевая теория ноосферы, дуальная природа интеллекта и сознания, логика мифа, надличностный уровень переработки информации, дисциплинарная структура науки.

**MYTH AND SCIENTIFIC COGNITION: A VIEW FROM THE POSITION OF
NEURAL NETWORK THEORY OF NOOSPHERE****Suleimenov Ibragim Esenovich Suleimenov**National Engineering Academy of the Republic of Kazakhstan,
(Almaty, Kazakhstan)

Точка зрения, высказанная А.Ф. Лосевым в «Диалектике мифа» («мифологична и наука, не только “первобытная”, но и всякая» [Лосев 2021]), в течение последних десятилетий приобретала и продолжает приобретать все большее число сторонников. Так, в монографии [Галанина 2013], опубликованной в 2013 г., отмечалось, что «в настоящее время активно дискутируется вопрос о необходимости переосмысления ценностно-познавательных установок науки, в частности, посредством сближения научного познания и мифа». В работе А.В. Ставицкого, помимо прочего, указывалось на неразрывную связь генерации нетривиальных идей с тем стилем восприятия действительности, который диктуется логикой мифа: «творческий потенциал науки напрямую связан с ее способностью к мифотворчеству – от воспроизводства гипотез

² Данное исследование было выполнено при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP14870416).

до формирования тех моделей, которые ложатся в основу наших представлений о мире и человеке» [Ставицкий 2014].

Уже не вызывает сомнений, что логика формирования мифа не может быть противопоставлена логике научного познания, во всяком случае, если речь идет о постижении окружающей действительности как системного целого. Подчеркнем, что есть все основания говорить именно о «логике формирования мифа»: этот тезис вытекает из представлений о дуальной сущности интеллекта и сознания человека [Suleimenov, Gabrielyan, Massalimova, Vitulyova 2024; Сулейменов, Масалимова, Бакиров, Витулева 2022].

Более того, вывод о дуальной сущности сознания человека, сделанный в цитированных работах, позволяет дополнить суждения А.Ф. Лосева о природе мифа, причем именно в ключе его диалектического осмысления.

Существование мифов самым тесным образом связано с коллективной «составляющей» сознания и интеллекта человека. Точнее, миф можно и нужно рассматривать как связующее звено между теми процессами, которые протекают на надличностном уровне переработки информации (термин понимается в смысле [Сулейменов 2022]), с теми, что способен осмыслить индивид. Несколько забегаая вперед, отметим, что в современных условиях коллективная составляющая интеллекта начинает играть все более значимую роль для любых форм прогресса в научно-технической сфере, что неизбежно будет усиливать «мифологическую» компоненту осмысления действительности даже в такой области как наука.

Как отмечалось в ранее [Suleimenov, Gabrielyan, Massalimova, Vitulyova 2024; Сулейменов, Масалимова, Бакиров, Витулева 2022], вывод о дуальной сущности интеллекта и сознания человека можно сделать и не прибегая к построению математических моделей [Suleimenov, Matrassulova, Moldakhan, Vitulyova, Kabdushev & Bakirov 2022]. Сознание человека представляет собой объект сугубо информационной природы. Физически его, строго говоря, не существует – физически существует только обмен сигналами между нейронами, входящими в состав головного мозга, и имеющими электрохимическую природу. Любое общение между индивидами физически также сводится к обмену сигналами между нейронами, но только локализованными в головах различных людей. Следовательно, то, что именуется термином «межличностные коммуникации», физически есть результат формирования общей нейронной сети, в которой фрагмент подобной сети, локализованной в голове отдельного человека, есть, вообще говоря, не более чем относительно самостоятельная часть [Suleimenov, Gabrielyan, Massalimova, Vitulyova 2024; Сулейменов, Масалимова, Бакиров, Витулева 2022].

Степень такой «относительной самостоятельности» может быть различной; более того, есть основания полагать, что она изменялась в ходе эволюции [Massalimova, Suleimenov, Gabrielyan, Vitulyova 2024]. Однако сам факт интегрированности того, что именуется сознанием индивида в общую нейронную сеть (на планетарном уровне ее можно отождествить с ноосферой, понимаемой в духе В.И. Вернадского [Габриелян, О.А., Сулейменов, И.Э. 2023]) заставляет признать, что сознание и интеллект человека действительно имеют дуальную природу. При этом коллективная составляющая интеллекта и сознания человека заведомо связана с надличностным уровнем переработки информации. Его существование вытекает из очевидных свойств искусственных нейронных сетей (ИНС), многократно доказанных практикой: ИНС, обладающая большим количеством элементов, способна решать более сложные задачи. В противном случае не имело бы смысла создавать все более и

более масштабные ИНС. Фактически здесь имеет место переход из количества в качество: «сложная» нейронная сеть, составленная из нескольких «простых», порождает информационные объекты, которые не могли бы появиться, если бы «простые» нейронные сети использовались бы по отдельности.

Таким образом, не вызывает сомнений, что надличностный уровень переработки информации существует. Это вытекает из самых общих положений теории нейронных сетей, исследование которых идет полным ходом [Suleimenov, Matrassulova, Moldakhan, Vitulyova, Kabdushev & Bakirov 2022]. Намного более сложно понять, как именно протекает взаимодействие сознания индивида с теми информационными объектами, которые формируются на надличностном уровне переработки информации.

Определенные выводы на данном этапе исследований можно сделать, отталкиваясь от ранее сделанных выводов [Massalimova, Suleimenov, Gabrielyan, Vitulyova 2024]. В них была высказана гипотеза, в соответствии с которой в сознании человека первоначально доминировало коллективное начало. Индивидуальным (впрочем, далеко не полностью) сознание человека стало только на последующих этапах эволюции. Переход от одного состояния к другому не мог не носить диффузного характера. Следовательно, существовал исторический этап, когда индивидуальное и коллективное начало в сознании человека были, в определенном смысле, равноправными. Это означает, что человек в той или иной степени был способен – причем на уровне личного понимания – воспринимать существование надличностных информационных объектов. Такое восприятие, разумеется, могло быть искажено самым причудливым образом. Следовательно, правомочна гипотеза, в соответствии с которой античные божества, например, божества пантеона Древней Эллады, в известном смысле реально существовали (в том смысле, в котором мы признаем реальность существования человеческого сознания). В соответствии с этой гипотезой, как Зевс, так и Артемида являются искаженными отражениями тех надличностных информационных структур, с которыми человек мог взаимодействовать в рассматриваемую историческую эпоху.

Высказанные суждения, разумеется, носят характер гипотезы. Однако, эта гипотеза позволяет по крайней мере отчасти раскрыть механизм взаимодействия объектов, развивающихся на надличностном уровне переработки информации с индивидуальным сознанием.

Любое общество, где сильны национальные традиции, в особенности, архаические, предоставляет аргументы в пользу существования надличностного уровня переработки информации [Suleimenov, Gabrielyan, & Vitulyova 2024]. При определенных условиях объекты, формирующиеся на этом уровне, конвертируются в исполняемую программу, которая часто заставляет индивидов поступать наперекор даже очевидным экономическим интересам, равно как и действующему законодательству. В соответствии с известными выводами [Suleimenov, Gabrielyan, & Vitulyova 2024], существование указанной исполняемой программы определяет механизм воздействия социокультурного кода на индивида. Примеры в данном отношении предоставляют некоторые постсоветские государства, где преувеличенное значение, которое придается родственным связям, приводит к системной коррупции.

Исполняемая программа, упомянутая выше, не действует изолированно. Точнее, она – на уровне восприятия индивида – индивида приобретает формы тех или иных «табу», боязни осуждения со стороны окружающих и т.д. (наблюдаемые

проявления социокультурного кода). Все это с отстаиваемой нами точки зрения представляет собой не более чем попытку индивида примирить свои действия – на уровне доступной ему рациональности – с тем, что требует от него исполняемая программа, «защитая» на надличностном уровне переработки информации. Осознать истинный код этой программы индивид не может, поэтому он домысливает нечто (или принимает как данность нечто, что домыслили до его рождения), что позволяет ему оставаться в рамках некоей иллюзии рациональности. Это нечто, очевидно, может быть сформировано только в логике мифа.

Разумеется, описанный выше механизм отвечает формированию только определенной категории мифов. Однако он позволяет взглянуть на природу мифа и с более общих позиций. Есть все основания предполагать, что миф – во всяком случае тот, который разделяется безоговорочно членами того или иного этноса – есть деформированное (преломленное через индивидуальное восприятие) отражение «высших» информационных структур (объектов, формирующихся на надличностном уровне переработки информации).

Именно в этом отношении мы полагаем целесообразным использовать термин «логика мифа». Никто не доказал, но и не опроверг, что «коллективное сознание ноосферы» обладает той или иной формой «рассудочности», возможно, отличной от человеческой. Но, не вызывает сомнений, что объекты, формирующиеся на надличностном уровне переработки информации, не могут не быть связаны с «физической» реальностью. Так, традиции этносов Великой Степи, которые в настоящее время воспринимаются как архаические, на определенном историческом этапе полностью отвечали критериям экономической и военной целесообразности [Сулейменов, Масалимова, Бакиров, Витулева 2022].

Вернемся к вопросу о соотношении логики мифа и логики классической рациональности в научно-технической сфере. По свидетельству М. Клайна [Клайн 1984], и Иоганн Кеплер, и Исаак Ньютон рассматривали астрономию и классическую механику как инструменты, позволяющие раскрыть план, в соответствии с которым Творец создал Вселенную. Соответствующие воззрения разделялись практически всеми учеными того времени, которые были убеждены, что в основе сущего лежит математический план Творца, а их задача – его раскрыть. Этот исторический факт высвечивает вполне определенную грань мифа в научном творчестве – он обеспечивает и поддерживает мотивацию, причем очень высокого уровня. Но, мотивация такого типа может возникнуть только тогда, когда соответствующие воззрения «витают в воздухе», т.е. они усвоены соответствующим (например, профессиональным) сегментом коллективного сознания. Более того, научная интуиция, а также то, что именуется проявлениями гениальности, самым тесным образом связана с профессиональным коллективным бессознательным, вывод о существовании которого был сделан ранее [Габриелян О.А., Сулейменов, Габриелян А.М. 2023].

Следовательно, характер научной деятельности определяется обеими «составляющими» сознания человека – и коллективной, и индивидуальной. Профессионализация науки, в целом завершившаяся в 1930-е годы, а также формирование более чем разветвленной дисциплинарной структуры науки, не могла не усилить соответствующие тенденции. Действительно, узкий профессионал, часто превратившийся в ремесленника от науки (существует такой термин как «когнитариат» [Бреслер 2023]) де-факто воспринимает все то, что выходит за рамки его компетенции, именно в логике мифа. Наглядным доказательством этому является

большая когорта кандидатов и докторов наук, не гнушающихся обращением к экстрасенсам, нумерологам и т.д.

Еще одной иллюстрацией к сказанному является зримое и порой даже показательное пренебрежение значительной части естествоиспытателей и «технарей» к философии. Не вызывает сомнений, что характер развития философии в XX веке создал все предпосылки для такого пренебрежения (достаточно сослаться на известную монографию «Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодернизма», в которой было с очевидностью продемонстрировано, что «король постмодернистской философии оказался голым» [Сокал, Брикмон 2002]). Однако это не может отменить значения классической философии как фундамента подлинно научного мышления.

Отказ от этой основы не мог не привести к тому, что узкие специалисты воспринимают науку (если рассматривать ее как системную целостность, т.е. средство комплексного осмысления действительности) в том же ключе, что и обыватели, т.е. в логике мифа. Для наглядности отметим также, что весьма широкие круги научных работников фактически воспринимают «искусственный интеллект» как мифологему, т.е. как отражение некоей системы представлений, которая уже сложилась в обществе и которая во многих отношениях не имеет никакого отношения к действительности.

Очевидное исключение составляют специалисты, реально разрабатывающие соответствующие информационные технологии, но тексты, написанные узкопрофессиональным языком, в настоящее время практически не оказывают воздействия на представления, укоренившиеся в социуме. Уместно подчеркнуть, что рассмотрение «искусственного интеллекта» как мифологемы было представлено в работе Ю.Ю. Петрунина [Петрунин 2017].

Еще один фактор, усугубляющий рассматриваемые тенденции, был отмечен в работе А.В. Ставицкого, где подчеркивалось, что «... под воздействием науки современные мифы стали неотличимы от научной теории. Они стремятся к доказательности и правдоподобию в той мере, в какой это возможно в современных условиях» [Ставицкий 2014]. Сам по себе данный тезис не является пока общепризнанным, однако, не вызывает сомнений, что многие современные мифы заведомо разделяются научными работниками, утратившими целостное научное мировоззрение.

Указанные выше тенденции сформировались по объективным причинам. Основная из них – более чем значительный объем сведений, который необходимо усвоить для занятий научной деятельностью на профессиональном уровне. При этом попытки осмыслить достижения в смежных областях знания кратко увеличивают объем информации, необходимой хотя бы для поверхностного ознакомления с современным состоянием исследований. Это может означать только одно: на современном этапе научное сообщество все более и более будет ориентироваться на процессы/методики, связанные с коллективной обработкой нужной информации. В свою очередь, это означает, что коллективная «составляющая» интеллекта человека необходимо будет играть все более значительную роль. Подчеркнем, что данное утверждение не несет негативной коннотации. Усиление коллективной «составляющей» интеллекта может принести и позитивный результат. Особенно, если принять во внимание, что именно эта «составляющая», возможно, ответственна за проявления интуиции и «вспышки гениальности» [Габриелян О.А., Сулейменов,

Габриелян А.М. 2023]. Тем не менее, коллективная «составляющая» интеллекта (по отношению к восприятию индивида) заведомо отвечает «логике мифа».

Парадоксально, но это означает, что «логика мифа» не может не стать важным инструментом научного познания. Как подобного рода подход может быть реализован на практике – отдельный вопрос, который выходит за рамки настоящей работы. Мы ставили своей целью обозначить данную проблему, т.е. показать, что вопрос о соотношении науки и мифа в современных условиях приобретает насущный прикладной интерес, связанный с необходимостью коллективной обработки значительных объемов информации.

Литература

Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к "Диалектике мифа": новое академическое издание, исправленное и дополненное / сост., подгот. текста, вступ. ст. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого, коммент. В.П. Троицкого. Москва: ЯСК, 2021. 695 с.

Галанина Е.В. Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры. Москва: Академия Естествознания, 2013. 130 с.

Ставицкий А.В. Наука и миф: проблема соотношения // *Философия хозяйства*. 2014. № 2(92). С. 167–175.

Suleimenov I.E., Gabrielyan O.A., Massalimova A.R., Vitulyova Y.S. World Spirit form the standpoint of modern information theory. *European Journal of Science and Theology*, 2024, 20(1), Pp. 19–31.

Сулейменов И.Э., Масалимова А.Р., Бакиров А.С., Витулёва Е.С. Учение суфиев с точки зрения нейросетевой теории ноосферы // *Вестник КазНУ, Сер. Религиоведение*. 2022., Т. 32, №4. С. 3–13.

Suleimenov I.E., Matrassulova D.K., Moldakhan I., Vitulyova Y.S., Kabdushev S.B. & Bakirov A.S. (2022). Distributed memory of neural networks and the problem of the intelligence's essence. *Bulletin of Electrical Engineering and Informatics*, 11(1), 510–520.

Massalimova A, Suleimenov I., Gabrielyan O., Vitulyova Y. (2024). The evolution of consciousness from the point of view of modern theory of information and telecommunications. *Adam Alemi*, 100(2), 40–51.

Габриелян О.А., Сулейменов И.Э. Теория сложных систем: ноосферный контекст. Симферополь: Издательский дом ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», 2023. 168 с.

Ibragim, Suleimenov, Oleg, Gabrielyan, & Yelizaveta, Vitulyova (2024). Problems Of Many-Valued Logic from The Point of View of The Theory of Socio-Cultural Code. *Journal of Ecohumanism*, 3(4), 236–248.

Клайн М. Математика. Утрата определенности. Москва: Мир, 1984.

Габриелян О.А., Сулейменов И.Э., Габриелян А.М. Современные социальные тренды процессов обучения как трансформация интеллекта: нейросетевой подход // *Социально-политические науки*, 2023, Т.13, №1, С. 64–73.

Бреслер М.Г. Когнитариат. Специфика формирования и перспективы развития в России // *Дискурс-Пи*. 2023. Т. 20. №. 4. С. 65–81.

Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодернизма. Москва, 2002.

Петрунин Ю. Ю. Lapis philosophorum, artificial intelligence и perpetuum mobile: эволюция взаимоотношений мифа и науки / Ю. Ю. Петрунин // *Вопросы философии*. 2017. № 3. С. 42–51. – EDN YGUBBH.

Literature

Losev A.F. Dialectics of Myth. Addendum to 'Dialectics of Myth': New Academic Edition, Corrected and Supplemented / edited, prepared text, intro. by A.A. Takho-Godi, V.P. Troitsky, commentary. A.A. Takho-Godi, V.P. Troitsky, commentary. V.P. Troitsky. Moscow: YASK Publ., 2021. 695 p. (In Russian).

Galanina E.V. Myth as Reality and Reality as Myth: Mythological Foundations of Modern Culture. Moscow: Akademiya Estestvoznania Publ., 2013. 130 p. (In Russian).

Stavitskiy A.V. Science and Myth: the Problem of Correlation // Philosophy of Economy. 2014. № 2(92). Pp. 167–175. (In Russian).

Suleimenov I.E., Gabrielyan O.A., Massalimova A.R., Vitulyova Y.S. World Spirit form the Standpoint of Modern Information Theory. European Journal of Science and Theology, 2024, 20(1), Pp. 19–31.

Suleimenov I.E., Masalimova A.R., Bakirov A.S., Vitulyova Y.S. Sufi Doctrine from the Point of view of Neural Network Theory of Noosphere // Vestnik KazNU, Ser. Religious Studies. 2022., T. 32, №4. Pp. 3–13. (In Russian).

Suleimenov I.E., Matrassulova D.K., Moldakhan I., Vitulyova Y.S., Kabdushev S.B. & Bakirov A.S. (2022). Distributed Memory of Neural Networks and the Problem of the Intelligence's Essence. Bulletin of Electrical Engineering and Informatics, 11(1), 510–520.

Massalimova A, Suleimenov I., Gabrielyan O., Vitulyova Y. (2024). The Evolution of Consciousness from the Point of view of Modern Theory of Information and Telecommunications. Adam Alemi, 100(2), 40–51.

Gabrielyan O.A., Suleimenov I.E. Theory of Complex Systems: Noospheric Context. Simferopol: Publishing House of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, 2023. V.I. Vernadsky', 2023. 168 p. (In Russian).

Ibragim, Suleimenov, Oleg, Gabrielyan, & Yelizaveta, Vitulyova (2024). Problems Of Many-Valued Logic from The Point of View of The Theory of Socio-Cultural Code. Journal of Ecohumanism, 3(4), 236–248.

Klein M. Maths. The Loss of Certainty. Moscow: Mir Publ., 1984. (In Russian).

Gabrielyan O.A., Suleimenov I.E., Gabrielyan A.M. Modern Social Trends of Learning Processes as Transformation of Intelligence: Neural Network Approach // Socio-Political Sciences, 2023, Vol. 13, No. 1, Pp. 64–73. (In Russian).

Bresler M.G. Cognitariat. Specifics of Formation and Prospects of Development in Russia // Discourse-Pi. 2023. T. 20. №. 4. Pp. 65–81. (In Russian).

Sokal A., Brixmont J. Intellectual Tricks. Critique of Modern Philosophy of Postmodernism. Moscow, 2002. (In Russian).

Petrunin Yu Yu. Lapis Philosophorum, Artificial Intelligence and Perpetuum Mobile: the Evolution of the Relationship Between Myth and Science // Voprosy filosofii. 2017. № 3. Pp. 42–51. – EDN YGUBBH. (In Russian).

Сведения об авторе:

Сулейменов Ибрагим Эсенович

академик Национальной инженерной Академии Республики Казахстан, доктор химических наук, кандидат физико-математических наук (Республика Казахстан).

Bionotes:

Suleimenov Ibragim Esenovich

Academician of the National Engineering Academy of the Republic Kazakhstan, Doctor of Chemic, Candidate Physical and Mathematical Sciences (The Republic of Kazakhstan).

Для цитирования:

Сулейменов И.Э. Миф и научное познание: взгляд с позиций нейросетевой теории ноосферы // МИФОЛОГОС. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования», № 2(10), 2024. С. 26–33.

For citation:

Suleimenov I.E. Myth and Scientific Cognition: a view from the Position of Neural Network Theory of Noosphere // MYTHOLOGOS. The Mythic Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies Series, no. 2(10), 2024. Pp. 26–33.

ДАО СОТВОРЕНИЯ СЕБЯ

УДК 1:008

«СНИМАЯ СЕДЬМУЮ ПЕЧАТЬ...»

Путь к себе в романе А.В. Ставицкого «Седьмая печать»

Капля Ксения Александровна

Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе (г. Севастополь, Россия)

Аннотация

Данная статья посвящена вневременному вопросу пути к себе, как вечному стремлению личности обрести метафизическую целостность, жизненные ориентиры и место в постоянно меняющемся мире. В ситуации, когда человечество испытывает духовный и ценностный кризисы, отдельный человек простирает свой внутренний взор на возможные ориентиры, способные помочь ему и сопровождать его по тернистому пути. Роман Андрея Владимировича Ставицкого «Седьмая печать» вбирает в себя идеи и смыслы, необходимые в наше непростое историческое время. Глубинное чтение, толкование и понимание этой книги, способно открыть дорогу, ведущую далеко за пределы собственной личности – к познанию себя как части Вечности.

Ключевые слова: Седьмая печать, Путь, Бог, мистика, алхимия, каббала, Грааль.

«BREAKING THE SEVENTH SEAL...»

The Path to Self in A.V. Stavitskiy's Novel 'The Seventh Seal'

Ksenia Aleksandrovna Kaplya

Branch of Lomonosov Moscow State University in Sevastopol
(Sevastopol, Russia)

Abstract

This article is devoted to the timeless question of the path to the self, as the eternal quest of the individual to find metaphysical integrity, life guidelines and a place in the ever-changing world. In a situation where humanity is experiencing spiritual and value crises, the individual extends his inner gaze to possible reference points that can help him and accompany him along the thorny path. Andrei Vladimirovich Stavitskiy's novel "The Seventh Seal" absorbs the ideas and meanings necessary in our difficult historical times. Deep reading, interpretation and understanding of this book, is able to open a road leading far beyond the limits of his own personality – to the knowledge of himself as part of the Eternity.

Keywords: The Seventh Seal, The Way, God, mysticism, alchemy, Kabbalah, Grail.

Введение

«Если же вы не познаете себя, тогда вы в бедности и вы – бедность»
Евангелие от Фомы

«Да познает Человек, обладающий умом, да познает он себя самого»

Гермес Трисмегист. Герметический корпус

«Лишь тот достоин жизни и свободы, / Кто
каждый день за них идёт на бой»

Иоганн Вольфганг фон Гёте. Фауст



Андрей В. Ставицкий,
иллюстрация к VII главе романа

«Nosce te ipsum» (лат. «Познай самого себя») начертано над входом в Дельфийский храм. Мудрость веков гласит: «Прежде чем вступить в земную обитель Бога – ощути его во всём, слейся с ним, и тогда откроется тебе божественная полнота». Переходя ступень, помни слова апостола Павла: «Храм божий это Вы» (1 Кор. 3:16).

Великие перемены открывают перед личностью и человечеством тысячи дорог. Подобно ветвям Древа Жизни, некоторые пути устремляются к солнцу, другие же заплетаются в тени и опадают. Сие стремление, метафорически, созвучно полётам Икара и Дедала, оно – движение, отдаление, попытка превзойти и возвыситься над Тем, что заведомо превосходит Всё. Это пропасть гордыни и самообмана. Но и бездна способна быть Началом. Вероятно, что блуждание в потёмках собственного Эго, является лишь этапом героического цикла. Подобно Адаму-Кадмону, путь личности вбирает в себя мириады сфер-божественных эманаций. И, возможно, что их прохождение способно приблизить Душу к Богу? Парадоксальный вопрос не требует однозначного ответа, но жаждет быть заданным, ибо Слово должно быть речено. Оно творит миры и уничтожает их.

Герой куртуазных сказаний о короле Артуре – Персеваль, однажды ощутил эту великую силу Слова. Блуждая по миру, он оказался в замке Короля-Рыбака. Там, рыцарь Круглого стола встретил таинственную процессию – мистерию Грааля. Молодой воин был ошеломлён увиденным и, сквозь дебри непонимания, в его голове возник единственный вопрос о предназначении потира: «Кому Он вверен?» [Труа, 2014: 121]. Испугавшись собственной жажды, Персеваль промолчал и Знание пронеслось мимо него. Чаша была унесена, а замок Короля-Рыбака разрушен, как и любой дом, в котором не живут. Ибо не было изречено Слово – живое и питающее. Великий Путь превращает прах, зовущийся человеком, в голос и руку Бога. Творец соединяется со своим творением через метафизические структуры, тем самым оставляя след в Вечности. Священные книги авраамических религий, подобно Христу, принесли Вселенной «не мир, а меч» (Мат. 10:34). Но и война – это тоже Путь и великая сила, если знать с Кем воевать. Возможно, что главный наш враг – мы сами.

Искажение Слова изречённого связано, с возвышением собственной личности противовес истинному Имени божественному. Говоря миру от



Андрей В. Ставицкий,
иллюстрация к I главе романа

себя самого, человек пускает тень на то, что есть свет, ибо вечность говорит через него. Средневековый схоластик Фома Аквинский, создавая очередную апологию христианства писал, что «Новый Завет в отличие от Ветхого, который запечатлён на бумаге, записан в сердцах людей» [Сумма теологий]. Боль Мира кровоточит потоками таких слов. Не познание, а отдаление от себя изначального движет стрелой. Монолог личности, желание возвеличить изначальный прах – есть вечный конфликт и отдаление от Абсолюта.

Эра Водолея сподвигла звёзды пролиться новыми гениями, чей голос исходит от лика Вечности. Они проявляются из серости и, подобно рыцарям Грааля, привносят в этот мир необходимые смыслы, нацеленные на трансцендентное обновление. Андрей В. Ставицкий, автор романа «Седьмая печать», является Мастером, чьи творения вторят Великим Переменам. Подобно *Magister Ludi* (лат. «Мастеру Игры»), он не исчерпывает, а наполняет сердца и души смыслом. Силой слова и глубинным знанием тонких процессов А.В. Ставицкий создал миф, но вовсе не как «сказание о богах и героях» [Ставицкий, 2012: 23], – нет. Он воплотил в тексте развёрнутое магическое имя [Лосев, 2001: 257], принцип божественного творения.

«Седьмая печать» – это книга, парадоксальная во всём. Она не поток, но Океан знания. Её чтение требует привлечения опыта и мудрости веков, она Сама заполняет вас ею. Важно знать, что «Обратной дороги из этого Путешествия нет» [Ставицкий, 2013: 478]. Пройдя этот путь до конца, Вы уже не будете прежними, ибо вберёте в себя абсолютное знание, сорвёте все Семь Печатей и приблизитесь к себе истинному.

Что же, дорогу постигнет идущий. Лишь прыгнувший в реку может постичь течение, и только Капля способна понять и принять Океан.

Основная часть

«Велики сомнения у каждого вступающего на Путь; труден шаг решающий, ужаса полон миг, когда человек теряет опору в старом, не закрепив себя в новом; бездонна грусть, когда перед его взором рушится привычный мир; жутка холодная высь истины, спокойной и величавой в своём безмолвии; нестерпимо почти одиночество в океане знаний; но пусть не трепещет дерзающий! Многотруден Путь, но

безмерны и силы, вложенные в него. Он должен помнить, что он – цезарь мира сего...» [Ставицкий, 2013: 55] – говорили неведомые голоса главному герою романа «Седьмая печать» Александру Дольскому.

Мифология Пути пронизывает сюжет произведения Андрея В. Ставицкого. Но автор воплотил в своём тексте вовсе не земное странствие, но великое метафизическое путешествие, нацеленное на внутренние перемены. Как сказано в Книге: «Всю жизнь мы возвращаемся к чему-то. Как Орфей – к свету. Как Одиссей – домой. Но то, куда мы возвращаемся – нечто иное, чем то, о чём мы думаем и мечтаем. И наше понимание этого за пределами нашего существования» [Ставицкий, 2013: 456].



Андрей В. Ставицкий,
иллюстрация к VII главе романа
«Седьмая печать»

Великое движение требует великих перемен. Лишь неутолимая решительность, искренний героизм и падение земных оков, как поработителей внутреннего божественного принципа, ведут душу к просветлению. Основательница учения Агни-Йоги Е.И. Рерих, в своём послании Воинам Света даёт следующее наставление: «Доверься руке Ведущего» [Рерих, 2001]. И пусть Его творения оберегают тебя.

Известно, что «тот, кто встал на Путь, нуждается в своём мастере. В том, кто ведёт его хотя бы вначале» [Ставицкий, 2013: 108]. Любая духовная практика требует высшего наставничества, ибо человеческая душа, ещё не осознавшая себя как вневременную материю, глупа в своём одиночестве. Мастера йоги, боевых искусств, школьные учителя – всё суть проводники, и нет им цены. «Ты мой Учитель и у меня нет пути вне тебя» [Ставицкий, 2013: 608] – говорит Дольский. И я говорю вместе с ним.

Заведено, что внутреннему Пути, неминуемо предшествует герметический поиск. Изречённым Логосом великих учителей древности течёт русло реки божественного света. Но, известно, что мировые тайны всегда находятся за пределами обозримого. Легендарный проводник в Мир Мёртвых – Харон, взимая плату, переправляет души через реку Стикс. Преодолев пределы видимого, страждущий оказывается в месте, которое по-древнееврейски можно назвать «Ad», что в переводе значит «Вечность». Согласно еврейскому историку Иосифу Флавию, таинственная река Самбадион разделяет Мир и десять потерянных колен Израиля [Иосиф Флавий]. Время, пространство и человеческая душа есть лишь преграды на Пути.

Для «Седьмой печати», как и для мировой Души, не существует ни пространства, ни времени. Автор мастерски пронизывает сюжет тонкими смысловыми нитями. И это воплощается в том, что «Печать», подобно «Божественной комедии» Данте, требует чтения на нескольких уровнях сознания. Роман необходимо пропустить через себя, прожить его. Лишь тогда будет возможно перейти все пределы, сорвать все Семь Печатей Знания, открывающих дорогу к Себе изначальному

Магией слова, автор романа соединяет в тексте наивысшие достижения мировой духовности. Мистические учения астрологии, алхимии, нумерологии, каббалы, гематрии, суфизма сливаются воедино, тем самым превращая роман в гадательную книгу, колдовской гримуар, «liber vitae» (лат. «книгу жизни»). «Книга всегда созвучная желаниям того, кто ей обладает» [Ставицкий, 2013: 247] – как отзывается о ней персонаж «Седьмой печати» Незнакомец. И это наивысшая заслуга Творца, который вышел за пределы художественного романа, и создал Книгу



Андрей В. Ставицкий, иллюстрация к III главе романа «Седьмая печать»



Андрей В. Ставицкий, иллюстрация к IV главе романа «Седьмая печать»

Вечности. И посему, в нынешнем мире лишь она способна пролить Свет на Великий Путь, ибо Она средоточие мудрости, Роза Мира.

Несмотря на то, что роман имеет чёткую структуру, сюжет, ключевых и второстепенных персонажей – каждая его деталь символична и мифологична. Истинное знание не терпит ни рамок, ни границ, поскольку оно – абсолютное движение. Океан нельзя оградить, ведь он бесконечен. Вопросает Тат Гермеса: «Что же тогда подлинно, о Триждывеличайший?». На что Он ему отвечает: «То, что не испорчено, сын мой, то, что не имеет ни границ, ни цвета, ни формы: нерушимое, лучезарное; То, Что постигает Самое Себя; неизменное, Благо, Бесплотное» [Герметический свод: Пэмандр]. Андрей В. Ставицкий смотрит вглубь самого себя, ведь, согласно Платону: «Все знания изначально заложены в человеке» [Платон: Менон]. И здесь нельзя не вспомнить культовую фразу Фридриха Ницше: «Если долго смотреть в бездну, то бездна начинает смотреть в тебя» [Ницше, 2018]. Но, великий немецкий безумец всё же говорил о некоем трансцендентном «чудовище», вызывавшем у него ужас. В отличие от него, автор «Седьмой печати» без страха видит Знание как Единое и говорит устами мудрецов и культур, движется по рекам-венам божественного. Водоворот его мысли есть Океан питающий. Осознание Всеединства откликается в разуме блеском золотой цепи преемственности Гомера, которая вовсе не сковывает, но ведёт внутреннего гения к его предрешённой цели.

Одной из центральных сюжетных линий «Седьмой печати», является семейная драма Александра Дольского. Любовь к Марии, чувство к её предыдущему воплощению Элизе – тоже, в известном смысле, часть Пути героя. Внутренние переживания, учат Дольского молчанию и одиночеству, ведь «кто понял Вселенную и познал всё, не станет думать и печалиться о страданиях того, кем он был когда-то. Ведь он стал никем... потеряйся, будь неподвижен и одинок... Идущий по Дороге Потерь обретает всё» [Ставицкий, 2013: 260]. Это плата за вступление на Великий Путь служения Чаше. Как писал средневековый германский поэт Вольфрам фон Эшенбах:

Земной любовью пренебречь
Обязаны Грааля слуги.
Ни у кого здесь нет супруги
(О том и помышлять грешно!) [Эшенбах, 1974: 97]

Но не стоит печалиться, ведь «каждый новый Предел вбирает в себя предыдущие, требуя пожертвовать всем, что у тебя есть сейчас, и превращая новый этап снова в Начало. И лишь тогда ты станешь всем, когда отдашь всё без остатка». [Ставицкий, 2013: 456]. Утрата восполняется тем, что стократ выше всего земного, ибо открывает перед человеком его: «бесконечное будущее и бесконечное прошлое» [Ставицкий, 2013: 457].



Андрей В. Ставицкий,
иллюстрация к II главе романа

Великие потери предрекают великие перемены. «Кто ты, идущий дорогой мертвых среди живых? Кто ты, затерянный в Пустоте? Кто ты, потерявший смыслы себя на перепутье Миров?» [Ставицкий, 2013: 35] – вопрошают Дольского неведомые голоса. Дорога мёртвых, в чём кроется смысл этой загадочной фразы? Сам автор говорит: «живи Смертью. Только она тебя спасёт. И перенесёт в Вечность, обратившись Светом» [Ставицкий, 2013: 56]. Таким был Путь верховного бога скандинавской мифологии Одина [Старшая Эдда], превознёвшегося над всеми посредством собственной метафизической жертвы. Будучи Повешенным на вселенском Древе Иггдрасиль, он смотрел на мир под новым углом, став иным и совершенным для окружающих. Но величие, путь знания и просветления – это дорога одиночества. «Чтобы научиться молчанию, научиться одиночеству, надо идти к тому, кто сделает тебя одиноким. И тогда ты станешь книгой» [Ставицкий, 2013: 56] – наставляют Дольского. Внутренняя пустота, отречение от земных привязанностей и незримых оков освобождают душу.

Подобно истинному мистика, Дольский занимается не только внешним, но и внутренним Деланием. Ведь: «Задача алхимии – сделать духовное совершенство материальным, а материальное духовным» [Ставицкий, 2013: 368]. Согласно даосской

алхимии, лишь контроль над внутренним потоком энергии «ци» позволяет выйти за пределы микрокосма в макрокосм [Дао Цзин]. «Найди Пустоту в своём теле и порази её. И она станет наполненной, ибо будет открыта миру твоя душа» [Ставицкий, 2013: 478]



Андрей В. Ставицкий,
иллюстрация к IV главе романа
«Седьмая печать»

Несмотря на то, что Арטיפиус сам был алхимиком, его Путь – это стремление Ребиса обрести вторую половину и стать полноценным, абсолютным. Древнегреческий философ Платон, говорил, что когда-то Андрогин был непобедимым существом, вбирающим в себя мужское и женское начала [Платон, 1965: 140]. Так и главный герой романа «Седьмая печать», ощущает себя частью Вечности и составляющей того, что во много раз выше его земного воплощения. Примечательно, но в последней главе автор говорит: «Дольский и Незнакомец стали единым» [Ставицкий, 2013: 650]. Значит, что они изначально были Одним. Причастность к Божественному наиболее лаконично отражена в

древней индийской формуле: «Ты есть То». Капля и Океан изначально едины, им нужно лишь осознать это и принять друг друга. Средневековый немецкий теолог Иоганн (Майстер) Экхарт однажды сказал: «Знающий и знание – едины. Это просто люди представляют себе, что они могут увидеть Бога так, как будто он стоит где-то там, а они – здесь. Но это не так. В знании – и Бог, и Я; мы – одно и то же» [Гарин, 2004: 105].

И только лишь пройдя все стадии внутреннего преобразования, можно приступить к трансмутации. Не удивительно, что алхимия тонкой нитью пронизывает весь роман, ведь она ключ и средство. Согласно её постулатам, Андрогин-Ребис является эманацией философского камня (лат. «*lapis philosophorum*»). В Книге сказано: «Ты ищешь только золото. Но что оно без души? Ты хочешь познать душу

Мира, но видишь лишь его тело. Ты никогда не знал, что Мир-Тело, извлечённое из земли, лишь будучи погружённым в воду и огонь, преодолевает их и достигает уровня Мира-Души» [Ставицкий, 2013: 368]. Преобразование металлов якобы для получения золота, на самом деле представляет собой, прежде всего, внутреннюю работу. «Сам человек, как микрокосм, имеет в себе всё необходимое для производства Камня» – говорит Автор [Ставицкий, 2013: 385]. Вспомним же призыв немецкого алхимика и последователя великого Парацельса Герхарда Дорна: «Превратитесь же в живые философские камни» [Гарин, 2004: 74]. Сама жизнь есть Великий Камень, состоящий соединения семи стихий, которые пронизывают роман «Седьмая печать».

Внутреннее освобождение и просветление лежит через снятие семи внутренних печатей, название которым: Земля, Вода, Огонь, Небо, Любовь, Свет, Дух. В беседе с Великим Пэмандром, будущий основатель учения алхимии Гермес, узнал тайну Сущего: «Ум, Бог, сотворит Своим Словом иной созидающий Ум – Демиурга, бога огня и дыхания, который создал затем семь Управителей, объёмлющих в своих кругах мир чувственных и управляющих им с помощью того, что называют Судьбой» [Герметический свод: Пэмандр]. Разъясняя туманный смысл этой фразы, Вселенский Ум сказал Гермесу: «Человек возносится через строение кругов, оставляя в первом из них способность расти и уменьшаться; во втором – лишается своей силы источник злобы и коварства; в третьем – обессиливается наваждение похоти; в четвертом тщеславие власти; в пятом безбожное высокомерие и дерзость; в шестом исчезает привязанность к богатству; в седьмом – лукавая ложь» [Герметический свод: Пэмандр]. Но, известно, что добро и зло – есть Одно, изначально единое. Лишь наше восприятие действительности творит из формы грех или добродетель. Ибо сказано в Книге: «Ищущий жизнь за гранью жизни должен преодолеть искушение её зова и подняться ввысь. Найти точку опоры в самом себе» [Ставицкий, 2013: 89]. Ведь сказал Христос «Сберегший душу свою потеряет её, а потерявший душу свою ради Меня сбережет её» (Мат. 10:39).

«Чем выше я поднимаюсь вверх, на крыльях свободы, тем яснее понимаю, что всё уже предопределено. Всё – до мельчайших деталей. Ибо эти детали уже есть в Слове, как Слово пребывает в Боге. И нет ничего вне Его. Нет. Ничего. Только одно Небытие. Смысл Небытия в том, что я – ничто. И, несмотря на это, я – это я. Я – ЭТО» [Ставицкий, 2013: 555]. Подобно легендарному сыну народа Израиля Еноху, Александр Дольский через семь Печатей Знания возносится к Божественному. «Взяли меня те мужи (ангелы) и возвели на шестое небо. Там увидел я семь пресветлых и многославных ангелов. Лица их сияли ярче солнечных лучей, и не различались они обликом, поведением или облачением. Ведают эти чины движением звезд, обращением солнца и изменениями луны. Наблюдая добрые и злые людские дела, они учиняют заповеди и поучения и творят сладкое богогласное пение и всяческие славные хвалы. Это – архангелы, стоящие над ангелами и каждым существом, будь оно небесное или земное. Им подчиняются ангелы, бдящие над всяким земным плодом, всякой травинкой и всякой пищей, которая дается всякой живой твари. Они



Андрей В.
Ставицкий, иллюстрация к VI
главе романа «Седьмая

стоят и над ангелами всех человеческих душ, записывающими дела и жития людей перед ликом Господним. Среди них – семь фениксов, семь херувимов и семь шестикрылых. И у них – один глас, и поют они единогласно, причем пение их невозможно описать. И радуется Господь подножию своему» [Книга тайн Еноха]. Так



Андрей В. Ставицкий,
иллюстрация к I главе романа
«Седьмая печать»

и в конце своей беседы с Гермесом, Пэмандр говорит, что «тот, кто прошёл очищение семью кругами-управителями, входит в огдоадическую (восьмую) природу, сохранив только собственную силу, и поет вместе с сущностями (Уси) гимны во славу Отца» [Герметический свод: Пэмандр]. Возможно, что «восьмая природа» и есть обретения внутреннего божественного первоначала. Тем не менее, чтобы познать Вселенную нужно выйти из орбит семи планет, ведь музыка октавы звучит вовсе ни одной нотой, но их сочетанием.

Древнее мистическое учение каббалы направлено на постижение божественной сущности посредством внутренней духовной и умственной работы. Каббалиста учат переводить в числа и преобразовывать буквы Тетраграмматона, высеченные в его собственном теле и душе – Четырёхбуквие «йод», «хе», «вау», «хе» [Ставицкий, 2013: 102]. Сия мистерия имеет глубокий метафизический подтекст, участвуя в ней, важно не

только пройти все сферы божественной эманации, но вобрать в себя их Знания [Шодем, 2004: 190]. И тогда каббалист сам превращается в Тору – Книгу-книг. Обратимся к средневековому мистику Якову Бемё: «Ведь мы, люди, имеем одну книгу, которая ведёт нас к Богу. У каждого она внутри него, и представляет она бесценное Имя Бога». «Её буквы – это пламя Его Любви, которую он в бесценном Имени Иисуса открывает нам в Своем сердце. Читай эти буквы в своём сердце и духе, и с тебя довольно этой книги. Все писания детей Бога направляют тебя к этой книге, потому что в ней заключены все сокровища мудрости...» [Гарин, 2004: 104].

Но, известно, что конец кроется в начале, как ответ в вопросе. Из гностического Евангелия от Фомы: «Ученики сказали Иисусу: Скажи нам, каким будет наш конец. Иисус сказал: Открыли ли вы начало, чтобы искать конец? Ибо в месте, где начало, там будет конец. Блажен тот, кто будет стоять в начале: и он познает конец, и он не вкусит смерти» [Евангелие от Фомы]. В Книге начертано, что знаменем Первой Печати является уроборос, поглотивший яйцо – великая аллегория цикличности Бытия. Проход через первый предел Знания охраняет, что в камне. То есть сама Вечность сторожит Нечто-Принцип. Но реальна ли Она? «Понимание требует слов, но Мир не может быть ограничен словами. Он испытывается бессловесно. Но знаки посылаются постоянно» [Ставицкий, 2013: 138].

Тень сомнения неминуемо ложится на чистоту помыслов. Но важно помнить, что «Врата сами выбирают входящего. Грааль сам находит избранного. Небо само сойдёт на землю, если ты готов» [Ставицкий, 2013: 74]. От вас зависит только то, сделаете ли вы первый шаг в неизведанное, найдёте ли в себе силы отказаться от себя нынешнего. «Вступая на Путь Света, ты кладёшь своё сердце, как розу на крест, и когда они сольются в одно, ты достигнешь Цели, что как символ-андрогин,

воплощает в себе *rose de rosin*, ибо за ней ничего уже нет. И не будет» [Ставицкий, 2013: 632]. И станешь абсолютным, достойным творением великого Творца.

«И когда он снял Седьмую Печать, сделалось безмолвие на небе. Безмолвие, имя которому Ты» [Ставицкий, 2013: 644]. Пройдя Путь до Конца, герой сам стал Началом. Он вобрал в себя слёзы Мира, обратив их в животворящий Океан. Духовное перерождение, подобно всякому алхимическому процессу, есть обоюдоострый меч. Мастер и его творения едины, а это значит, что Создатель, вместе с обновлением Вселенной, опустошает и собственный Ум, чтобы наполнить Великую Чашу заново. «Я – Путь и Видение, Спутник и Проводник, Цель и Средство, Тайна и Откровения. Я – Тот, Кто зовет тебя сквозь века; Тот, к Кому ты идёшь, чтобы никогда не вернуться» [Ставицкий, 2013: 639]

В последней главе романа, Александр Дольский задаётся вопросом: «Было ли это на самом деле, либо же оно только приснилось ему?». «Душа, отдающаяся внутреннему просветлению, познает в себе не только то, чем она была до просветления; но она познает и то, чем она становится через это просветление» [Гарин, 2004: 108]. Вековая истина заключена в том, что: «Гнозис можно познать только через непосредственный опыт» [Герметический свод: Тайная проповедь на горе]. И «вопрос станет ответом» [Ставицкий, 2013: 37].

Герой ощутил Великие перемены, а реальность, согласно учению Будды Шакьямуни – лишь иллюзия, майя, потому что она – преходяща. Когда Будда сидел под Древом Боддхи, он ощутил, что всё окружающее есть ни что иное как видимость, за которой таится сила, энергия, которая одновременно скрывает истинную природу мира и обеспечивает многообразие её проявлений. В Книге сказано: «Мир форм – мир запечатлённых желаний. Всякая форма есть смерть, иллюзия, ибо приходяща» [Ставицкий, 2013: 133]. Вечен лишь Путь. Путь к самому Себе.

Заключение (Conclusions)

Книга-книг, вбирающая в себя мудрость веков, «Седьмая печать» озаряет тьму над бездной духовного безмолвия. Она – миф, растущий в вас и вместе с вами, вбирающий в себя все проявления культуры как капля океан. Она – роман, сотворённый Словом Мастера и творящий истинную Жизнь. Вневременная метафора Андрея В. Ставицкого являет в книге человеку великие смыслы, которые можно постичь, лишь их прожив и пережив. Однако «Седьмая печать» вовсе не инструкция, но зеркало, отражающее Вас как часть Бесконечного Космоса. Текст до краёв заполняет собой внутренний Грааль человеческой души, чтобы тот пролился и слился с Океаном божественной первопричины. Ибо сказано: «Я – Путь и Видение, Спутник и Проводник, Цель и Средство, Тайна и Откровения. Я – Тот, Кто зовет тебя сквозь века; Тот, к Кому ты идёшь, чтобы никогда не вернуться» [Ставицкий, 2013: 639]. Так вступите же на Путь Вечности, чтобы обрести Себя.

Сложно описать то, что «Седьмая печать» открывает. Второго такого романа нет, он – живой организм, как и его читатель, который невольно становится



Андрей В. Ставицкий,
иллюстрация к VII главе романа

соавтором. Сам Принцип, заложенный в него, позволяет сделать вывод, что написанная история ещё не закончилась, и кто знает, что будет дальше. Что же, лишь автору дано, метафизически, завершить Творение, ибо своим пером он вершит судьбы всех тех, кто сделал его частью себя.

Литература

- Библия: Новый Завет / синодальный пер. Москва: Никея, 2016. 1593 с.
- Гарин И.* Что такое мистика? Москва: Терра – книжный клуб, 2004. 957 с.
- Герметический свод: Пэмандр. [Электронный ресурс]. URL: <http://apokrif.fullweb.ru/hermes/germ1.shtml> (дата обращения: 07.07.2024).
- Герметический свод: Тайная проповедь на горе. [Электронный ресурс]. URL: <http://apokrif.fullweb.ru/hermes/germ13.shtml>. (дата обращения: 07.07.2024).
- Гёте И.В.* Фауст. Москва: АСТ, 2023. 480 с.
- Дао Цзин. [Электронный ресурс]. URL: <https://chinese-poetry.ru/cycles.php?translator=60&cycle=%22Дао+дэ+цзин%22+%2F+%22Книга+о+пути+и+добродетели%22>. (дата обращения: 07.07.2024).
- Евангелие от Фомы. [Электронный ресурс]. URL: http://apokrif.fullweb.ru/nag_hammadi/ev-foma.shtml. (дата обращения: 07.07.2024).
- Иосиф Флавий.* Иудейские древности. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/iudeiskie_drevnosti/8. (дата обращения: 07.07.2024).
- Книга тайн Еноха. [Электронный ресурс]. URL: <http://apokrif.fullweb.ru/apocryph2/enoh.shtml>. (дата обращения: 07.07.2024).
- Труа К.* Персеваль, или повесть о Граале / перевод со старофранцузского Н.В. Забатуровой и А.Н. Триандафилиди. Москва: Common palace, 2014. 408 с.
- Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. Москва: Мысль, 2001. 558 с.
- Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла. Москва: АСТ, 2018. 320 с.
- Платон.* Избранные диалоги. Москва: Художественная литература, 1965. 441 с.
- Платон.* Менон. [Электронный ресурс]. URL: <https://royallib.com/read/platon/menon.html#0>. (дата обращения: 07.07.2024).
- Рерих Н.К., Рерих Е.И.* Агни Йога о героях и подвиге. Киев: Excelsior, 2001. 608 с.
- Ставицкий А.В.* Седьмая печать. Севастополь: Рибэст, 2013. 668 с.
- Ставицкий А.В.* Онтология современного мифа. Севастополь: Рибэст, 2014. 544 с.
- Старшая Эдда.* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rulit.me/books/starshaya-edda-read-71408-4.html>. (дата обращения: 07.07.2024).
- Фома Аквинский.* Сумма теологий. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-1/>. (дата обращения: 07.07.2024).
- Шолем Г.* Основные течения в еврейской мистике. Москва: Мосты культуры, 2004. 498 с.
- Эшенбах В.* Парцифаль. Москва: Художественная литература, 1974. 640 с.

Literature

- Bible: New Testament / synodal per. Moscow: Nikea Publ., 2016. 1593 p. (In Russian)
- Garin I.* What is Mysticism? Moscow: Terra - Book Club Publ., 2004. 957 p. (In Russian)
- The Hermetic Vault: Pemander. [Electronic resource]. URL: <http://apokrif.fullweb.ru/hermes/germ1.shtml>. (accessed: 07.07.2024). (In Russian)
- The Hermetic Vault: The Secret Sermon on the Mount. [Electronic resource]. URL: <http://apokrif.fullweb.ru/hermes/germ13.shtml>. (In Russian)
- Goethe I.V. Faust. Moscow: ACT Publ., 2023. 480 p. (In Russian)
- Tao Jing. [Electronic resource]. URL: <https://chinese-poetry.ru/cycles.php?translator=60&cycle=%22Дao+de+jing%22+%2F+%22Book+about+the+way+and+virtue%22>. (accessed: 07.07.2024). (In Russian)
- The Gospel of Thomas. [Electronic resource]. URL: http://apokrif.fullweb.ru/nag_hammadi/ev-foma.shtml. (accessed: 07.02.2024). (In Russian)
- Josephus Flavius.* Jewish Antiquities. [Electronic resource]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/iudeiskie_drevnosti/8. (accessed: 07.02.2024). (In Russian)
- The Book of Enoch's Mysteries. [Electronic resource]. URL: <http://apokrif.fullweb.ru/apocryph2/enoh.shtml>. (accessed: 07.07.2024). (In Russian)
- Troyes C.* Perceval, or the tale of the Grail / translation from Old French by N.V. Zababurova and A.N. Triandafilidi. Moscow: Common palace, 2014. 408 p. (In Russian)
- Losev A.F.* Dialectics of Myth. Moscow: Mysl Publ., 2001. 558 p. (In Russian)
- Nietzsche F.* On the Other Side of Good and Evil. Moscow: ACT Publ., 2018. 320 p. (In Russian)
- Plato.* Dialogues. Moscow: ACT, 2005. 381 p. (In Russian)
- Plato.* Menon. [Electronic resource]. URL: <https://royallib.com/read/platon/menon.html#0>. (accessed: 07.07.2024). (In Russian)
- Roerich N.K., Roerich E.I.* Agni Yoga about Heroes and Feat. Kiev: Excalsior Publ., 2001. 608 p. (In Russian)
- Stavitskiy A.V.* Seventh Seal. Sevastopol: Ribest Publ., 2013. 668 p. (In Russian)
- Stavitskiy A.V.* Ontology of modern myth. Sevastopol: Ribest, 2014. 544 p. (In Russian)
- The Elder Edda. [Electronic resource]. URL: <https://www.rulit.me/books/starshaya-edda-read-71408-4.html>. (accessed: 07.07.2024). (In Russian)
- Thomas Aquinas.* Summa Theologiae. [Electronic resource]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-1/>. (accessed: 07.07.2024). (In Russian)
- Sholem G.* The Main Currents in Jewish Mysticism. Moscow: Bridges of Culture, 2004. 498 p.
- Eschenbach W.* Parzival. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1974. 640 p. (In Russian)

Сведения об авторе:

Капля Ксения Александровна

Исследователь, кафедра истории Филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе (г. Севастополь, Россия).

E-mail: lanselot.in.love@mail.ru

Bionotes:

Kaplya Ksenia Aleksandrovna

Researcher, Department of History, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol (Sevastopol, Russia).

E-mail: lanselot.in.love@mail.ru

Для цитирования:

Капля К.А. «Снимая седьмую печать...» Путь к себе в романе А.В. Ставицкого «Седьмая печать» // МИФОЛОГОС. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования». № 2(10), 2024. С. 34–45.

For citation:

Kaplya K.A. 'Removing the Seventh Seal...' The Path to the Self in the Novel 'The Seventh Seal' by A.V. Stavitskiy // MYTHOLOGOS. Series "Mythical Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies". № 2 (10), 2024. Pp. 34–45.

УДК 811.554

**КОНЦЕПТ «ВНУТРЕННИЙ ЧЕЛОВЕК» КАК ОБЪЕКТ
КОГНИТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ЮКАГИРСКОГО
ЯЗЫКА)**

Лукина Маргарита Петровна

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов
Севера СО РАН (г. Якутск, Россия)

Аннотация

В статье предпринята попытка концептуализации фрагмента образа Арктики в свете традиционной культуры юкагиров, населяющих арктическую территорию Республики Саха (Якутия). Выделен основной макроконцепт «внутренний человек» в национальной картине мира юкагиров, в том числе концепты «душа умершего человека» и «духи». В тундренном юкагирском языке концепту *нуңни* (душа умершего человека) характерны мифические признаки. Концепт *духи* определяется в юкагирской наивной языковой картине мира как нечто сверхъестественные существа, которые можно разделить на «добрых» и «злых» и которому характерны религиозные признаки. В результате исследования сделан вывод о том, что концепты «душа умершего человека» и «духи», относящаяся к сфере «внутренний мир человека», отражают национально-культурное своеобразие юкагирского народа, его этноменталитет.

Ключевые слова: юкагиры; концепт; внутренний мир; внутренний человек; душа; дух.

**CONCEPT "INNER MAN" AS AN OBJECT OF COGNITIVE RESEARCH
(ON THE MATERIAL OF THE YUKAGHIR LANGUAGE)**

Lukina Margarita Petrovna

Institute of Humanitarian Research and Problems of Small-numbered Peoples of the
North Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia)

Abstract

The article attempts to conceptualize a fragment of the Arctic image in the light of traditional culture of the Yukaghirs inhabiting the Arctic territory of the Republic of Sakha (Yakutia). The main macro-concept "inner man" in the national world picture of the Yukaghirs, including the concepts "soul of a deceased person" and "spirits", is highlighted. In the Tundren Yukaghir language, the concept *nuñnia* (soul of a deceased person) is characterized by mythical features. The concept of spirits is defined in the Yukaghir naive linguistic picture of the world as something supernatural beings that can be divided into "good" and "evil" and is characterized by religious features. The study concludes that the concepts "soul of a deceased person" and "spirits" belonging to the sphere of "the inner world of man" reflect the national and cultural uniqueness of the Yukaghir people, its ethnomentalism.

Keywords: yukaghirs; concept; inner world; inner man; soul; spirit.

Введение (Introduction)

Изучение вопросов взаимодействия человека Арктики с окружающей средой и её влияние на сознание и поведение человека, концептуальный анализ от языковых средств к выявлению тех ментальных структур, которые репрезентируются данными средствами, является важной научной задачей.

Якутия – самый крупный регион России с экстремальными природно-климатическими условиями, где исторически проживают представители 5 коренных малочисленных народов Севера и Арктики – эвенки, эвены, юкагиры, долганы, чукчи. Арктическая зона Якутии – крупнейший регион Республики Саха (Якутия) с площадью 1541,1 тыс. кв. км (50% территории) и населением более 70 тысяч человек. В силу известных отрицательных факторов – неблагоприятный климат, вечная мерзлота, экологическая уязвимость, огромные расстояния, сильно удорожающие производство продукции, транспортные издержки и расходы населения на передвижение, – хозяйственное и культурное развитие территории остается весьма низким. Приведенные факторы обусловили необходимость формирования особой государственной политики в отношении устойчивого развития арктического региона. Устойчивое развитие Арктики предполагает реализацию прав на сохранение языков и традиционной культуры коренных народов Севера, максимальную ответственность за сохранность их культурного наследия.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения исчезающих миноритарных языков и культур коренных народов Севера, их сохранения и развития, изучения процессов межкультурной коммуникации в многонациональном государстве и тем обстоятельством, что до сих пор не проводилось комплексное изучение основных концептов Севера как арктического экоспространства на примере языков народов Арктики.

Литературный обзор (Literature Review)

В современном языкознании одно из ведущих мест занимает когнитивная лингвистика [Кибрик, 1997; Кубрякова, 1994; Фрумкина, 1989; Ченки, 1997; Пименова, 2011; Fillmore, 1983; Jackendoff, 1983; Rudzka-Ostyn, 1985 и др.]. В рамках когнитивной лингвистики исследованы аспекты внутреннего мира человека [Вежбицкая, 1997; Арутюнова, 1976; Пименова, 2011 и др.].

Современная когнитивная лингвистика характеризуется введением в свой концептуальный аппарат термина картина мира. Различают языковую, концептуальную, фольклорную, мифологическую, религиозную, философскую и научную картины мира. Языковой план выражения картины мира, особенностей национального или культурно-социального менталитета застывает в метафорах и мифологических представлениях. Именно поэтому, на наш взгляд, лингвофилософский анализ соотношения метафоры и мифа актуален и способен дать интересные результаты. И мифотворчество, и создание иносказательных средств выражения суть производные тончайших границ соприкосновения языка, мышления, культурно-исторической памяти индивидуального образного видения и массового сознания [Барышников, 2022: 30].

М.В. Пименовой введен термин наивная картина мира, т.е. «это не что иное, как сложившаяся давно и сохранившаяся донныне *национальная картина мира*, дополненная ассимилированными знаниями, отражающее мировоззрение и мировосприятие народа, зафиксированная в языке, ограниченная рамками консервативной культуры» [Пименова, 2012: 13].

На новом этапе развития лингвистики существует тенденция исследований фрагментов языковой картины внутреннего мира человека. В языке отражены знания о человеке: человек описывается как сложное образование, что лишь отчасти можно объяснить существующими и существовавшими ранее мифологическими и религиозными представлениями. Анализ концептов приводит к выявлению архаичных знаний о мире, которые не относятся к разряду научных, это народные,

обыденные знания, на них накладывают отпечаток меняющиеся религиозные и научные воззрения. Признаки концептов, вошедшие и закрепившиеся в национальной картине мира, консервативны. И в то же время картина мира народов меняется, структура признаков концептов расширяется за счёт продолжающегося познания мира. Развитие науки, культурные процессы дополняют сведения о мире, в том числе о мире внутреннем.

В языке хранится многое из того, что было познано народом на протяжении своей истории; «мы должны понять, что и каким образом когда-то открывали для себя наши предки, восстановить, хотя бы в общих чертах, картину их познания мира и объяснить себе эти достижения как успех цивилизации и человеческого духа в их национальных формах – потому что любая культура ... рождается и развивается в национальных формах» [Колесов, 2000: 8].

Юкагирский народ отнесен к «исчезающему этносу мира», а их язык – к «исчезающему уникальному языку мира». Культура юкагирского народа является древнейшей; в начале XVII в. к приходу русских первопроходцев, численность юкагириков насчитывалось до 5 тыс. чел. и занимали всю территорию между нижним течением р. Лены и Колымой, включая территории р. Омолон, Анюя, Ясачная, Поповка и Коркодон. В настоящее время, последние носители юкагирского языка (прибл. количество – 40 чел.) проживают в Республике Саха (Якутия) в двух районах: в Нижнеколымском и Верхнеколымском. Общая численность юкагириков составляет приблизительно 1200 чел. Их языки в науке известны как «тундренный юкагирский» и «колымский юкагирский» языки. Многое из древней истории и культуры юкагириков покрыто мраком неизвестности, т.к. еще до прихода русских, из-за эпидемий оспы, исчезли с лица земли большинство юкагирских племен.

Первым исследователем юкагирской культуры и языка является В.И. Иохельсон, который в 1900 г. выпустил книгу «Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе», а в 2005 г. вышел первое издание на русском языке фундаментальный труд В.И. Иохельсона «Юкагиры и юкагиризированные тунгусы», в котором рассмотрены различные аспекты этнографии, антропологии, социальной жизни, семейного быта, духовной и материальной культуры юкагириков [Иохельсон, 2005]. Во введении своей книги В.И. Иохельсон писал: «Изучение народа, который в значительной степени утратил свои этнические особенности, народа крайне малочисленного и не имеющего будущего, – трудная, а с практической точки зрения неблагодарная задача. Но этнологам известно, что познание малых народов не менее важно, чем изучение народов больших. С этнологической точки зрения сведения о народе, находящемся на стадии вымирания, особенно важны...» [Иохельсон, 2005: 25].

Как было показано в работах исследователей когнитивной лингвистики, первичную роль в познании играет внешний мир [Камалова, 1994]. Довольно широко распространено мнение, что человек живёт в двух мирах – объективном внешнем и субъективном внутреннем. Два мира объединяются в человеке. Такое мнение основывается на логическом осмыслении действительности: мы видим человека, имеющего, кроме общего для всех внешнего мира, индивидуальный внутренний мир. Следовательно, он объединяет в восприятии эти два мира.

Внешний мир юкагириков – наиболее суровый климат по всему Северу, который характеризуется как резко континентальный. В зимний период, во время полярных ночей, климат воздействует угнетающе не только на растительность и животный мир, но и на людей, а вдоль побережья Восточно-Сибирского моря, северные морские

ветры значительно понижают температуру и летом. В таких условиях человек особенно остро чувствует зависимость от окружающего его внешнего мира и что человек – это часть природы. В силу таких обстоятельств, – чувства тревоги и страха перед необъяснимыми явлениями природы, – обнаруживается верования юкагиров в сверхъестественные силы, в духов и тотемы. Смерть, сны, также способствовали развитию конкретных представлений о душе и духах.

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

Концепт "внутренний человек".

Макроконцепт "внутренний человек" является универсальным. Человек – существо, состоящее из плоти и духа, материального и идеального начала. Внешний и внутренний миры представляются человеку через призму его культуры и языка, как неотъемлемой части этой культуры. В ходе практической деятельности человек чаще имеет дело не с непосредственным миром, а с репрезентацией мира, с когнитивными моделями и языковыми схемами, существующими в языке.

Концепт "внутренний человек" по отношению к юкагирской культуре представляет собой сложный комплекс представлений о мифологических представлениях человека и его внутреннем мире. Одними из составляющих макроконцепта "внутренний человек", в первую очередь, являются концепты *Душа* и *Духи*.

1. *Душа*. Концептуальная организация *души* прежде всего рассматривалась в рамках различных религиозных традиций. *Души* или *тени* по верованиям юкагиров имеют люди, животные, растения; природа в целом одушевлена, в том числе и неодушевленные предметы.

В языковой наивной картине внутреннего мира у тундренных юкагиров концепт *нуңнии* (*душа умершего человека*) отождествляется с "внутренним человеком". В тундренном юкагирском языке (далее ТЮЯ), концепту *нуңнии* (*душа умершего человека*) характерны мифические и религиозные признаки. Юкагиры полагают, что пока ребенок находится в чреве матери, *нуңнии* (*душа умершего человека*) какого-нибудь умершего родственника со стороны отца или матери, вселяется в него и что пол и имя ребенка предопределяется полом и именем этого родственника. Ребенок сам потом объявляет имя этого *нуңнии*, когда начинает говорить: Микалай – Ньяавал пэлдудиз **нуңнии**. **Нуңнии** дитэ мираануни чугуойнэн мираарэ. – Николай является **перевоплощением** старика Нявал. Словно свой *нуңнии*, Николай начинает ходить, когда спешит [Курилов, 2001: 293].

Лексема *нуңнии* (*душа умершего человека*) в ТЮЯ имеет большое количество оттенков значений, что подтверждает важность этого концепта для духовной жизни носителей этого языка: 1) если *нуңнии* (*душа умершего человека*), то *нуңниидилэ* – *суц.* прирученный олень, которого забивают при смерти хозяина: Мумульдизэльдэ илэ **нуңниидилэ** нориил эл амуольэл. – Оленя с пантами нельзя использовать **в качестве ездового, которого забивают при смерти человека** [Курилов, 2001: 293]; 2) *нуңниираал* – *эвф.* гроб; лиственница, предназначенная для гроба: **Нуңниираалдуол** ванчиичэна. – Пошли искать **лиственницу для гроба**; 3) *нуңнииньил* – *суц.* сновидение: Лайэн энъизэ мони: «Тидэн виэйуолпэги **нуңнииньилга** йавнэр лиидэч». – Потом мать сказала: «То, что они сделали, **когда видела сон**, все распалось»; 4) *нуңниинуйрукун* *перен.* вялый, похожий на сонного (о ленивом, слабом человеке): Хадунудэн кодэ ланудэн банут?! Маранмэ **нуңниинуйрукунэк**. – Откуда будет похож на человека?! Словно **сонный**.

Концепт *нуңнии* (*душа умершего человека*) является характерным и для современной юкагирской языковой картины мира. К примеру, во время экспедиции к тундренным юкагирам в пос. Андрюшкино Нижнеколымского района, мы были свидетелями того, что юкагиры по сей день сохраняют древнюю религию, т.е. верование в *нуңнии*. Когда были в гостях, нам рассказали такую историю: «Наша дочь – **нуңнии** первой жены моего мужа. Она умерла при родах, ее звали Валя. А как мы узнали об этом? Когда дочке было 3 года, она, вдруг, говорит: «Я пришла оттуда» и показывает в сторону кладбища. – «Меня зовут Валя». Вот, мы и назвали ее Валя».

В юкагирском языке концепт *нуңнии* (*душа умершего человека*) не соответствует русскому концепту *душа*. Так, для данного концепта характерны мифические и религиозные признаки и именно по признакам данного концепта можно судить о национальных чертах характера носителей юкагирского языка, хотя юкагиры в наше время утратили многие древние верования. В свое время, В.И. Иохельсон записал сведения о верованиях юкагиров относительно *души* от юкагиров. Так, старик Тюлях с Ясачной рассказал ему о том, что имеется три души *аиби* (колымский юкагирский язык, далее КЮЯ). Одна обитает в голове, другая – в сердце, а третья – во всем теле. Все живое имеет три *аиби*, а неподвижные предметы имеют только одну *аиби* [Иохельсон, 2005: 228].

2. *Духи*. Концепт *духи* определяется в юкагирской наивной языковой картине мира как нечто сверхъестественные существа, которые можно разделить на «добрых» и «злых». По юкагирскому верованию благодетельные существа могут нанести вред человеку, если не одобряют его поступки, а враждебные к человеку духи не всегда приносят вред человеку. Например, шаман при лечении больных и для борьбы с другими злыми духами может использовать и злых духов. В этом заключается этический элемент верований юкагиров [Иохельсон, 2005: 206].

«Добрые» духи – это верховное божество *сукун* (ТЮЯ), основное значение которого «*нечто*»; отец-огонь - *Лачин Мэруу* (ТЮЯ); солнце – *йэртэйэ* (ТЮЯ); луна – *киндэ* (ТЮЯ); небо – *хуруул* (ТЮЯ); христианский Бог – *Хойль* (ТЮЯ), а также хозяева-духи: *хозяин земли*, - *Лэбиэн-Погиль* (КЮЯ), *хозяин воды* – *Оодьшин-Погиль* (КЮЯ), *хозяин моря* – *Чобун-Погиль* (КЮЯ). «Злых» духов, враждебных человеку называют – *көрэл* (ТЮЯ), которых еще называют – *эл курилуодьэ рукун*, т.е. «невидимые духи».

Лексема *Сукун* в юкагирском языке имеет большое количество значений, что подтверждает важность этого концепта для духовной жизни юкагирского народа.

1. *Сукун* по верованиям тундренных юкагиров – это божество, которое управляет всеми видимыми явлениями природы. Так, если говорят *Сукун илирэйэрэйл*, т.е. «нечто стало ветреным», то это означает, что заветрило, началась пурга: **Сукун илийэрэйлха**, сапул йавнэр йаруџаанаани. – Когда **поднялся ветер** (занепогодило), деревья все закачались; *Сукун ханьхаал*, т.е. «нечто стало холодным», то это означает, что похолодало (осенью): Хадьир, **сукун ханьхаадаџа** сисхайгөдьэ дитэ мэт ньаачин саџанаанаанутэй. – Когда **похолодает**, как пауки передо мной начнут сидеть [Курилов, 2001: 446].

2. *Сукун* используется в значении *небо*: **Сукун** арав курчидаџанэ моннундьэли «**сукун мэр аравчэньи**». – Когда **небо** очистится (от туч), говорим «**небо голое**» [Курилов, 2001: 446]. В юкагирском языке для обозначения *Небо* есть и другое слово *Хуруул*: Хуруулџа льэй. – На небе находится он [Курилов, 2001: 526].

3. *Сукун* – в значении *мир, свет, жизнь*: Арэй маархададил тудэйлэк эндэн, нимэньэрэн **сукунэ** лэйтэйм. – Один юноша, уже живя один, имея свой дом, узнал, что такое **свет (жизнь, мир)** [Курилов, 2001: 446].

4. *Сукун* – в значении *земля*: **Сукун** чаахардэба – мэ пэнгэйтэйэң. – **Земля** подмерзнет- вернись [Курилов, 2001: 446].

5. *Сукун* – в значении *год, возраст*: Уучиил **сукунба** льэйуолба ньордэги мэр албамлаануни. – Ягеля бывает мало там, где были в прошлом году [Курилов, 2001: 446].

6. *Сукун* – в значении *вещи, пожитки (одежда, обувь и т.д.)*: Тит эвльэлаха митхат искуолиэнь кэвэч, **сукунги** виэльэлба. – Когда вас еще не было, (она) от нас уехала в школу, когда сшила (я) ей **одежду** [Курилов, 2001: 446].

Наиболее почитаемым из «добрых» духов в юкагирской культуре является отец-огонь – *Лачин Мэруу*, солнце – *йэрпэйэ*, небо – *хуруул* (ТД). Отец-огонь – *Лачин Мэруу* является защитником семейного очага, живет в очаге. Без него невозможно зажечь огонь, он зажигает дрова и живет в пламени: Хайчиэ **Лачин Мэруу** тудэйлэдэ нондичиитэй-даби. – Дедушка **Огонь Мэруу** и сам ослабнет наверняка [Курилов, 2001: 201].

Солнце – *йэрпэйэ* у юкагиров считается благодетельным духом, защитником народа, охранителем справедливости и нравственности. *Небо* – *хуруул* по верованиям юкагиров является благодетельным духом, снабжающим народ пищей. «Злые» духи, враждебные человеку – *көрэл* или *эл курилуодьэ рукун*, т.е. «невидимые духи», по верованиям юкагиров могут входить в тело человека и быть причиной разных болезней. Этих духов множество, они обитают в подземном мире, подразделенном на два яруса. Особый класс духов представляют духи шаманов – *иэдьишэ* (КЮЯ). В основном они являются душами животных и птиц. Шаману помогают и души мертвых – *волмэң-оно* (ТЮЯ), которые считаются самыми могущественными защитниками шамана.

Как видно из приведенных примеров концепты *душа* и *духи*, имеющие признаки мифического и языческого религиозного верования, отражают «внутренний мир юкагиров». Признаки, фиксируемые данными юкагирского языка и через которые отображаются качества концепта *духи*, указывают на выполняемые ими функции в юкагирской языковой картине мира.

Проведенный анализ того, что можно назвать макроконцептом "внутренний человек", показывает, что в юкагирском языке нет конкретного слова для его обозначения. Наиболее значимыми для юкагирской языковой наивной картины внутреннего мира выступают концепты *душа* и *духи*. Этот вывод позволяет сделать количество выделенных у них признаков, соответствующих значению "внутренний человек".

Заключение (Conclusions)

Таким образом, в результате исследования концептов, обобщенных значением "внутренний человек", можно указать на закрепленные основные его функции. Юкагирская языковая наивная картина внутреннего мира – внутренний мир человека моделируется в языке по "подобию" внешнего мира. Внутренний мир человека, в силу своей особой природы (невидимости), в концептуальной системе наивной языковой картины мира юкагиров, предстает в виде зеркального, но не идентичного, отражения внешнего физического мира.

Концепты, относящиеся к сфере “внутренний мир человека”, отражают национально-культурное своеобразие юкагирского народа, его этноменталитет.

Литература

- Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. Москва: Наука, 1976. 383 с.
- Барышников П.Н.* Мифологические концепты в словаре интероцептивных ощущений // Мифологос. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова. 2022. №2, С. 23–32. (Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования»).
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. Москва: Русские словари, 1997. 411 с.
- Иохельсон В.И.* Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. Новосибирск: Наука, 2005. 675 с.
- Камалова А.А.* Формирование и функционирование лексики со значением психического состояния в русском литературном языке. Архангельск: Изд-во Помор. междунар. пед. ун-та, 1994. 167 с.
- Кибрик А.А.* Когнитивные исследования по дискурсу. Москва: Вопросы языкознания, 1994. №5, С. 125–139.
- Кибрик А.А., Плунгян В.А.* Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: Сборник обзоров. Москва: Изд-во МГУ, 1997. С. 276–339.
- Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. Санкт-Петербург: филол. фак-т СПбГУ, 2000. 325 с. (Серия «Филология и культура»).
- Кубрякова Е.С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология - когнитивная наука. Москва: Вопросы языкознания, №4, 1994. С. 34–47.
- Курилов Г.Н.* Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 608 с.
- Пименова М.В.* Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения: сборник статей / отв. ред. М.В. Пименова. Москва: ИЯ РАН, 2011. 896 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 15).
- Пименова М.В.* Языковая картина мира: учебное пособие. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2012. 112 с.
- Фрумкина Р.М.* Язык и когнитивная деятельность / ред. Р.М. Фрумкина. Москва: Наука, 1989. С. 72-86.
- Ченки А.* Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М.: Изд-во МГУ, 1997. 340-369.
- Fillmore Ch.J.* How Do We Know Whether You're Coming or Going // Essays on Deixis/ Rauh G. Tübingen: Narr, 1983. Pp. 219–227. (In Russian).
- Jackendoff, R.* Semantics and Cognition. Cambridge (MA): MIT Press, 1983. Pp. 12-49.
- Rudzka-Ostyn, B.* Metaphoric Processes in Word Formation: The Case of Prefixes Verbs // The Ubiquity of Metaphors / W.Paprotte, R.Dirven (eds). Amsterdam: Benjamins, 1985. Pp. 209–241. (In Russian).

References

- Arutyunova N.D.* Proposal and its Meaning: Logical and Semantic Problems. Moscow: Nauka Publ., 1976. 383 p. (In Russian).
- Baryshnikov P.N.* Mythological Concepts in the Dictionary of Interoceptive Sensations // *Mythologos*. Moscow: Lomonosov Moscow State University. 2022. №2, Pp. 23–32. (Series "Mythical Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies"). (In Russian).
- Vezhbitskaya A.* Language. Culture. Cognition. Moscow: Russian Dictionaries Publ., 1997. 411 p. (In Russian).
- Iokhelson V.I.* Yukagirs and Yukagirized Tungus. Novosibirsk: Nauka Publ., 2005. 675 p. (In Russian).
- Kamalova A.A.* Formation and Functioning of Lexicon with the Meaning of Mental State in Russian Literary Language. Arkhangelsk: Izd. Pomor. intern. ped. un-ta Publ., 1994. 167 p. (In Russian).
- Kibrick A.A.* Cognitive Studies on Discourse. Moscow: Voprosy paganoznania Publ., 1994. №5, Pp. 125–139. (In Russian).
- Kibrick A.A., Plungian V.A.* Functionalism // *Fundamental Directions of Modern American Linguistics: Collection of Reviews*. Moscow: Izd-vo MSU Publ., 1997. Pp. 276–339. (In Russian).
- Kolesov V.V.* Ancient Russia: Heritage in a Word. The World of Man. SPb.: philological faculty of SPbSU Publ., 2000. 325 p. (Series "Philology and Culture"). (In Russian).
- Kubryakova E.S.* Initial Stages of Cognitivism Formation: Linguistics – Psychology – Cognitive Science. Moscow: Voprosy paganoznaniya, No. 4, 1994. Pp. 34–47. (In Russian).
- Kurilov G.N.* Yukagir-Russian Dictionary. Novosibirsk: Nauka Publ., 2001. 608 p. (In Russian).
- Pimenova M.V.* Cognitive linguistics: new paradigms and new solutions: a collection of articles / edited by M.V. Pimenova. Moscow: Iya RAS Publ., 2011. 896 p. (Series "Conceptual Studies". Vol. 15). (In Russian).
- Pimenova M.V.* Linguistic Picture of the World: Textbook. Moscow: FLINTA: Nauka Publ., 2012. 112 p. (In Russian).
- Frumkina R.M.* Language and Cognitive Activity / edited by R.M. Frumkina. R.M. Frumkina. Moscow: Nauka Publ., 1989. Pp. 72–86. (In Russian).
- Chenki A.* Semantics in Cognitive Linguistics // *Fundamental Directions of Modern American Linguistics*. Moscow: Izd vo MSU Publ., 1997. Pp. 340–369. (In Russian).
- Fillmore Ch.J.* How Do We Know Whether You're Coming or Going // *Essays on Deixis* / Rauh G. Tübingen: Narr, 1983. Pp. 219–227. (In Russian).
- Jackendoff, R.* Semantics and Cognition. Cambridge (MA): MIT Press, 1983. Pp. 12–49.
- Rudzka-Ostyn, B.* Metaphoric Processes in Word Formation: The Case of Prefixes Verbs // *The Ubiquity of Metaphors* / W.Paprotte, R.Dirven (eds). Amsterdam: Benjamins, 1985. Pp. 209–241. (In Russian).

Сведения об авторе:

Лукина Маргарита Петровна

старший научный сотрудник Отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, кандидат филологических наук (г. Якутск, Россия)

E-mail: margarita-lukina@yandex.ru

orcid: 0000-0002-6618-0222

Bionotes:

Lukina Margarita Petrovna

Senior Researcher of the Northern Philology Department of the Institute of Humanitarian Research and Problems of Small-numbered Peoples of the North SB RAS, Candidate of Philology (Yakutsk, Russia)

E-mail: margarita-lukina@yandex.ru

Для цитирования:

Лукина М.П. Концепт «внутренний человек» как объект когнитивного исследования (на материале юкагирского языка // МИФОЛОГОС. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования», № 2(10), 2024. С. 46–54.

For citation:

Lukina M.P. Concept 'Inner Man' as an Object of Cognitive Research (on the Material of the Yukagir Language) // MYTHOLOGOS. The Mythic Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies Series, no. 2(10), 2024. Pp. 46–54.

УДК 159.9.01

ИЗМЕНЕННЫЕ СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ И ВНУТРЕННИЙ ОПЫТ**Найдыш Ольга Вячеславовна**

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы (Москва, Россия)

Аннотация

В статье рассматривается проблема сущности внутреннего опыта, его роли в формировании измененных состояний сознания, одним из которых выступает мифологическое сознание. Отмечается, что особенность внутреннего опыта состоит в том, что в нем субъективность проявляет себя как объективная характеристика личности, в которой синтезированы ее природно-биологические и социально-культурные черты. Анализ опирается на концепцию «жизненного мира» Я. фон Икскуля, принципы психологической теории деятельности, результаты современных исследований индивидуального опыта, полученные в психологии, зоопсихологии, этологии, эволюционной эпистемологии и др. Показано, что внешний и внутренний опыт выступают как два дополняющих друг друга полюса индивидуального опыта, эволюционные корни которого уходят в психику животных, в процессы научения. Если внешний опыт обобщает содержание системы сенсорного распознавания элементов внешней среды, формирует когнитивный функционал сознания, то внутренний опыт формируется в психофизиологической системе принятия решений, смысловой координации мотивационной деятельности организма, формирует систему ценностей и смыслов, проявляющихся в форме чувственно-эмоциональных переживаний, в том числе устойчивые психические состояния, формирующие измененные состояния сознания присущим им эмоциональным фоном психической жизни. Так внутренний опыт, выполняя роль *смыслового* корректора поведенческой активности субъекта, выступает основанием различных измененных состояний сознания.

Ключевые слова: индивидуальный опыт, внешний опыт, внутренний опыт, измененные состояния сознания, смыслы, ценности, знания, мифология.

ALTERED STATES OF CONSCIOUSNESS AND INTERNAL EXPERIENCE**Naydysh Olga Vyacheslavovna**

RUDN University (Moscow, Russia)

Abstract

The article discusses the problem of the essence of internal experience, its role in the formation of altered states of consciousness, one of which is mythological consciousness. It is noted that the peculiarity of internal experience is that in it subjectivity manifests itself as an objective characteristic of the personality, in which its natural-biological and socio-cultural traits are synthesized. The analysis is based on the concept of the “life world” by J. von Uexküll, the principles of the psychological theory of activity, the results of modern studies of individual experience obtained in psychology, zoopsychology, ethology, evolutionary epistemology, etc. It is shown that external and internal experience act as two complementary poles of individual experience, the evolutionary roots of which go back to the psyche of animals, to the processes of learning. If external experience generalizes the content of the system of sensory recognition of elements of the external environment, forms the cognitive functionality of consciousness, then internal experience is formed in the psychophysiological system of decision-making, semantic coordination of the motivational activity of the body, forms a system of values and meanings,

manifested in the form of sensory-emotional experiences, including stable mental states that form altered states of consciousness with their inherent emotional background of mental life. Thus, internal experience, fulfilling the role of a semantic corrector of the subject's behavioral activity, acts as the basis for various altered states of consciousness.

Key words: individual experience, external experience, internal experience, altered states of consciousness, meanings, values, knowledge, mythology.

Введение (Introduction)

В настоящее время в области философско-психологических исследований все более актуальным становится изучение измененных состояний сознания (ИСС). К таким состояниям сознания относят «медитативные, гипнотические, религиозные и мистические состояния, состояния при клинической смерти, шаманский транс, состояния, вызванные приемом психоактивных веществ (таких как алкоголь, наркотики и др.), уменьшением или усилением притока внешних стимулов или нарушением температурного и кислородного баланса (гипер– и гипотермия, гипо– и гипервентиляция, в частности, голотропное дыхание, горная болезнь и т. д.)» [Гордеева 2012; 30]. И хотя предварительный опыт анализа ИСС уже накоплен, тем не менее «природа и собственно психологические механизмы появления и развития ИСС продолжают оставаться загадкой, систематические исследования этого вопроса... пока достаточно немногочисленны и носят разрозненный характер» [Гордеева 2012; 5]. Проблематика ИСС актуальна и для построения единой теории мифотворчества. Ведь несомненно, что, по крайней мере, некоторые типы ИСС закономерно связаны с мифологическим мировосприятием.

Анализ показывает, что, как правило, возникновение измененных состояний связано с проявлением такого компонента сознания как внутренний опыт [Батай 1997]. И хотя в разных гносеологических парадигмах внутренний опыт получает различные оценки и интерпретации, в подчеркивании связи ИСС с внутренним опытом, безусловно, есть рациональное зерно. Внутренний опыт – это не фантастическое гипотетическое предположение, не иллюзия. Он реально существует и оказывает существенное воздействие на формирование многих состояний сознания. При этом, он принципиально отличается от внешнего опыта (т.е. непосредственного взаимодействия субъекта с объектом посредством органов чувств), формирующего в сознании образ внешней субъекту непосредственной «чувственной реальности». Так, внутренний опыт носит слабо рефлекслируемый характер, в значительной мере выражается чувственно-эмоциональными переживаниями, находится под воздействием потребностно-мотивационных установок и др.

Представления о внутреннем опыте сложились достаточно давно. Их истоки прослеживаются еще в античности (например, в сократических школах, у киников и др.). В средневековой теологии и философии они служили основой спиритуалистических и мистических воззрений. Научно-рациональные концепции внутреннего опыта как активного фактора познавательного процесса начали складываться только в XVII в. (Р. Декарт, Дж. Локк и др.). Так, по мнению Дж. Локка, внутренний опыт – это когнитивная структура, обеспечивающая переход от чувственно-образного к абстрактно-понятийному уровню познания. Он видел во внутреннем опыте рефлексию над содержанием внешнего опыта, с помощью которой мы узнаём о действиях собственного ума, порождающую абстрактные идеи (восприятие, рассуждение, познание, сомнение, вера, желание и др.). Вместе с тем, вплоть до настоящего времени общепризнанного понимания сущности внутреннего опыта так и не сложилось. В разных научно-исследовательских парадигмах он

отождествляется с интроспекцией, самонаблюдением; бессознательным; с миром переживаний, который отличается от предметного сознания и самосознания и выражает существо духовной жизни; а также, принципиально не сообщаемой Другому частью духовного мира, не транслируемой в рациональной коммуникации [Батай 1997] и др. Главная трудность в понимании внутреннего опыта состоит в том, что в нем субъективность проявляет себя как объективная характеристика личности, в которой амальгамированы, слиты, интегрированы ее природно-биологические, так и социально-культурные черты. Поэтому в понимании внутреннего опыта непонятно, о каких органах чувств субъекта вообще идет речь, и «кто в этом случае выступает как субъект?» [Лекторский 2001: 134].

На наш взгляд, в понимании внутреннего опыта может быть продуктивным анализ, опирающийся на сложившийся в отечественной психологии принцип деятельности. Так, например, С.Л. Рубинштейн подчеркивал, что познание «объективной реальности есть процесс, деятельность субъекта, в ходе которой образ предмета становится все более адекватным своему объекту» [Рубинштейн 1957: 39]. И как в любом другом процессе, в познании «внешние причины действуют через внутренние условия» [Рубинштейн 1957: 40], поэтому мышление не непосредственно определяется объектом, а «опосредованно через внутренние законы мыслительной деятельности, - законы анализа, синтеза, абстракции и обобщения, - преобразующей чувственные данные, не выявляющие в чистом виде существенные свойства объекта, и приводящей к его мысленному восстановлению» [Рубинштейн 1957: 40]. Деятельностный подход позволяет включить личность в описание психической реальности, возникновения тех или иных (в том числе и измененных) форм сознания. Ведь субъект в деятельности не только проявляется и обнаруживается, он в ней создается, приобретает способность саморазвития и самосовершенствования. При этом направленность такого созидания (жизненный путь) личности определяются мерой ее активности, внутренними условиями (индивидуализированностью нейрофизиологической организации), избирательностью, сферой общения и др. В той мере, в какой эти факторы определяются надындивидуальными (социокультурными) обстоятельствами, появляется возможность в процессе социализации целенаправленно формировать сознание индивида, его личностные характеристики. (Так возникает поле педагогической деятельности).

Понятие смысловой реальности

Поскольку внешний и внутренний опыт выступают как два дополняющих друг друга полюса индивидуального опыта, а его эволюционные корни уходят в психику животных, в процессы научения, то для прояснения сущности внутреннего опыта важны результаты современных исследований индивидуального опыта, полученные в психологии, зоопсихологии, этологии, социобиологии, эволюционной эпистемологии, когнитивной биологии и др. Пути к пониманию сущности внутреннего опыта были намечены в теории совершенства биологического организма немецкого биолога эстонского происхождения Я. фон Икскуля [Uexküll 1909].

Данная теория сформировалась как оппозиция эволюционным трактовкам (в том числе дарвиновской) совершенства биологического организмов, в которых совершенство организма отождествлялось с двумя закономерностями. Во-первых, со сложностью организма, его местом на ступенях эволюции от низшего, простейшего к высшему, более организованному. Во-вторых, со степенью соответствия сложности организмов его потребностям, которые даны ему заранее, извне. Находившийся под влиянием идей Ж. Кювье, в том числе его концепции

«структурного плана организма», в отличие от дарвинистов, Я. фон Икскюль исходил из того, что совершенство биологического организма определяется тем, в какой мере его структурный план (т. е. его анатомическая, морфологическая, физиологическая организации) реализован данным биологическим видом. Кроме того, он считал, что потребности не даны изначально организму, а формируются им самим, являются результатом его собственной активности и определяются его структурной организацией.

Идейным центром теории совершенства биологического организма Я. фон Икскюля является понятие «жизненный мир или внешний мир животного» (Umwelt). Это та часть природной среды, на которую организм способен непосредственно воздействовать, и в которой сосредоточено все необходимое для его жизнедеятельности. Жизненный мир – это целостная система, которая центрируется потребностями, т.е. необходимыми связями, которыми организм «включен» в мир, и которые изменяются по мере роста его активности, ведущей к расширению жизненного мира. Именно в разнообразии и богатстве потребностей организма Я. фон Икскюль усматривал главный критерий его совершенства биологического организма.

В концепции «жизненного мира» важную роль играет понятие «внутреннего мира» животного (Innenwelt), т.е. нейромодели объективной реальности, направляющей действия организма в его взаимодействиях со средой, в которой Икскюль выделял две подсистемы. Первая – подсистема, обеспечивающая восприятие характеристик жизненного мира (Merknetz). Вторая - подсистема аппарата действия, которым организм воздействует на внешний мир (Wirknetz). Две эти подсистемы являются звеньями функционального круга (Funktionkreis), осуществляющего выбор организмом определенной программы действий в отношении воспринимаемого объекта. Необходимый момент выбора такой программы действий – учет соответствия или несоответствия тех или иных действий содержанию объекта. Процедура такого учета порождает в деятельности функционального круга особую реальность – *смысловую*.

Так на поле биологических идей XX в. возникло понятие смысла как особого состояния «внутреннего мира» организма, обеспечивающее соответствие внешней среды обитания «внутреннему миру» (структурному плану) организма. Отдельные предметы внешней среды (жизненного мира) наделяются смыслом, т.е. свойством, в котором закодирована их функция в системе жизненного мира. Смысл связывает «жизненный мир» и «внутренний мир» (перцептивную и эффекторную системы, восприятие и действие) и придает жизнедеятельности организма способность избирательности. В смыслах отражаются отношения субъекта с элементами системы жизненного мира, поэтому «предмет оказывается лишен смысла, если он воспринимается как не связанный с чем-либо еще» [Нюттен 2004; 66.], ведь «первая фаза поведения включает в себя построение осмысленной ситуации, в которой действует субъект» [Нюттен 2004; 72.]. Другими словами, смысл это интегративное (эмержентное) свойство потребностно-мотивационной сферы организма, обеспечивающее соответствие внешней среды обитания внутреннему миру (структурному плану) организма. Внутренний опыт является местом концентрации смысловой реальности, направляющей активность организма, его побудительные силы, поведение. Внутренний опыт придает деятельности субъекта смысл, выполняет сигнально-регулирующую функцию.

В дальнейшем развитии этологии, социобиологии, эволюционной эпистемологии и др. концепция жизненного Я. фон Иксюля получила более глубокое обоснование. В частности, расширились представления об индивидуальном опыте субъекта, системах нейрофизиологической регуляции поведения субъекта [Лоренц 1998]. Кроме того, его идеи были перенесены и в философскую антропологию, где показали свою эвристичность в исследовании тех связей, которыми человек включен в природно-биологические и социально-культурные основы его жизнедеятельности (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, М. Мерло-Понти, Х.- Г. Гадамер и др.). При этом, были конкретизированы представления об открытом в будущее, расширяющемся и обогащаемся жизненным мире человека и о ценностно-смысловом функционале сознания, содержание которого проявляется в форме чувственно-эмоциональных переживаний.

Понятия внешнего и внутреннего опыта

Внешний и внутренний опыт – это относительно самостоятельные формы индивидуального опыта организма. Он формируется на основе накопления и обобщения отраженных организмом свойств внешнего мира и призван обеспечивать взаимодействие организма со средой его обитания. Индивидуальный опыт имеет сложную структуру. Во-первых, в нем содержится накопленный и генетически закрепленный в процессе эволюции опыт вида в виде врожденных, инстинктивных программ поведения. Такие программы носят фиксированный характер, реагируют на отдельные признаки объекта в отрыве от него самого, не несут сведений о его конкретном содержании, выполняют роль абстрактных ориентиров, направляющих действие организма. Они видотипически кодируют поведение организма. Во-вторых, индивидуальный опыт содержит результаты научения, т.е. процесса, обеспечивающие приспособление организма к конкретным особенностям среды его обитания [Фабри, 2004:95-123].

В эволюции психики научение возникает в условиях, когда от психической регуляции требуется обеспечить приспособление организма не к константным, а к изменяющимся свойствам среды. Научение позволяет вычленять биологически нейтральные свойства среды, придавать им биологическую значимость. На основе научения (в дополнение к инстинктивным программам поведения) формируются индивидуализированные программы поведения, включающие в себя как сенсорные, так и эффекторные функционалы психики. Именно на базе научения расширяются границы активности организма, мера его свободного поведения, развивается исследовательское поведение животных, в конечном счете, формируются предпосылки познавательной деятельности. Потребность организма в познании возникает по мере возрастания его поведенческой активности (эволюционирующей от локомоции и простых форм манипуляций до игровой и орудийной деятельности организма), повышения требований к ее точности и надежности.

Поведенческая активность определяется тремя системами. Во-первых, это система распознавания элементов внешней среды, выполняющей познавательную функцию; во-вторых, система непосредственной моторной реализации программы поведения; в-третьих, инстанцией принятия решений, выбора той или иной программы поведения. Все они связаны между собой и взаимно опосредуют друг друга. Стержнем такой связности является, направленная на окружающую среду, двигательная активность организма, Она является источником, «мотором», основой познания и освоения субъектом среды обитания. Важную роль в их интеграции выполняет память, обеспечивающая накопление индивидуального опыта их

функционирования и взаимодействия, в котором выделяются два компонента – внешний и внутренний опыт. Система распознавания элементов внешней среды обеспечивает отражение среды и накопление опыта взаимодействия организма со средой.

Внешний опыт обобщает содержание и обеспечивает воспроизводство системы сенсорного распознавания элементов внешней среды, формирует когнитивный функционал сознания. Ключевую роль здесь играет уровень сенсорно-перцептивной психики, восприятия, на котором отражение осуществляется в виде целостных образов предметов, объектов среды. Сенсорно-перцептивное отражение является эволюционной когнитивной базой для формирования мышления как операндно-операциональной системы, обеспечивающей опосредованное и обобщенное отражение мира, имеющей свои уровни – образный, абстрактно-понятийный и др. [Найдыш В.М. 2019]. При этом, эволюция чувственно-образного отражения происходит в тесной связи с совершенствованием моторики организма. Акты познания и акты поведенческого действия опосредуют друг друга. Система моторной реализации поведенческих программ предполагает непрерывное взаимодействие моторных и сенсорно-перцептивных компонентов. Важную функцию выполняет инстанция принятия решений, которая тесно связана как с системой распознавания элементов внешней среды, так и с системой моторной реализации программ поведения. Благодаря такой связи возникает эмоционально-аффективная мотивация поведения, позволяющая единому мотиву направлять и координировать деятельность организма, доводя каждую ее фазу до завершения. [Лоренц 1998].

История мотивационной координации деятельности организма с помощью механизмов памяти обобщается во внутреннем опыте.

Внутренний опыт и мифотворчество

В отличие от внешнего опыта, внутренний опыт лишь в самой незначительной мере проясняется самонаблюдением (интроспекцией), самопознанием, зато подвержен волевой интенциональности и др. Внутренний опыт приобретает эмоционально-аффективную «окраску», которая все в большей мере берет на себя роль *смыслового* корректора и организатора поведенческой активности субъекта. Если внешний опыт формирует когнитивный функционал сознания, то внутренний опыт формирует систему ценностей и смыслов, в которой выражается экзистенциальное отношение человека к миру. Человек не только *познает* мир, но и *оценивает* его свойства с точки зрения их значимости для удовлетворения своих потребностей, наделяет их *смыслами*. Любой образ реальности есть всегда смыслообраз, в нем заключено двойственное отношение: к отображаемому предмету и к субъекту, условиям отражения. Смыслообраз это когнитивно-смысловая амальгама, в которой может доминировать либо когнитивная, либо ценностно-смысловая составляющая.

Ценностно-смысловая сторона деятельности сознания получает эмоционально – аффективную форму выражения, проявляется в *переживаниях* субъекта. Ценностно-смысловые установки проявляются в форме чувственно-эмоциональных переживаний, включая сюда и настроения как устойчивые психические состояния, формирующие эмоциональный фон психической жизни человека, влияющие на состояния его сознания. И онтогенетически, и филогенетически чувственно-эмоциональное переживание является первичным проявлением психологической реальности, или как писал С.Л.Франк, «существом душевной жизни», признаком наличия духовности предшествующим выделению «предметного сознания» [Франк

1997: 74–75]. Чувственно-эмоциональные переживания – это область непосредственного субъективного бытия, открытая только переживающему человеку. В таком своем качестве она выступает основой содержания внутреннего опыта. А субъективность, неповторимость внутреннего опыта открывает простор для формирования на его основе нерелексируемых измененных состояний сознания, одной из форм которых выступает мифотворчество.

Мифотворчество – это формирование смыслообраза, в котором его ценностно-смысловая составляющая доминирует над когнитивной. В мифообразе целью познавательной деятельности является не объективное знание предмета отражения, а снятие противоречия между субъектом (его ценностями, смыслами и переживаниями) и объектом, его образом в сознании субъекта. В первобытной культуре разрешение такого противоречия могло осуществляться только на основе доминирования ценностно-смыслового функционала сознания над его когнитивным функционалом. Поэтому «мыслительное поле» мифообраза определяется не содержанием объекта, а психофизиологическими, социокультурными (в частности, знаковой системой, кодирующей значение абстракций, и др.) характеристиками субъекта.

Заключение (Conclusions)

Таким образом, не только внешний, но и внутренний опыт оказывается важным фактором формирования сознания. Если внешний опыт определяет накопление когнитивного содержания сознания, то внутренний опыт определяет особенности структурных оснований конкретных формообразований сознания. При этом, между внешним и внутренним опытом могут возникать противоречия. Особенно это характерно в ситуациях в условиях, когда образ реальности формируется воображением, т.е. для неинтерпретируемых имажинарных форм сознания. В этих случаях содержание вторичной образности, т.е. внешнего опыта, может противоречить установкам внутреннего опыта. Такой «когнитивный диссонанс» формирует потребность в согласовании внешнего и внутреннего опыта, выработке установок на снятие противоречий между ними. Одним из способов разрешения такого рода противоречий является образование измененных состояний сознания. Они оказываются в роли «виртуального демпфера», снимающего (на уровне чувственно-эмоциональных переживаний) напряжение между внешним и внутренним опытом, гармонизирующим их связи в системе сознания, смягчающим антагонизм объективной и субъективной составляющих духовного мира личности.

Литература

- Батай Ж.* Внутренний опыт. СПб., Изд. Аxioma, 1997. 334 с.
- Гордеева О.В.* Измененные состояния сознания: Природа, механизмы, функции, характеристики // Измененные состояния сознания. Хрестоматия / Москва: Когито-Центр, 2012. 254 с.
- Лекторский В. А.* Эпистемология классическая и неклассическая. Москва: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
- Лоренц К.* Обратная стороны зеркала. Москва: Республика. 1998, 393 с.
- Найдыш В.М.* Генезис мышления в свете неклассических эпистемологий // Человек. 2019. № 1. С. 12–28.
- Найдыш О.В.* Смысловая реальность и мифотворчество // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов III Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2019 года, г. Севастополь) /

Севастополь: Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Севастополе, 2019. С. 158–161.

Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. Москва: Смысл. 2004. С. 66.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Изд. АН СССР. М., 1957. 332 с.

Фабри К.Э. Основы зоопсихологии. 3-е изд. УМК «Психология». Москва, 2004, 464 с.

Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию // *С.Л. Франк.* Реальность и человек. Москва, 1997. С. 4–207.

Uexküll J. von. Umwelt und Innenwelt der Tiere. Berlin: Verlag von Julius Springer, 1909. 259 p.

References

Bataille G. L'expérience intérieure. 1943, Gallimard. 252 p.

Gordeeva O.V. Altered states of consciousness: Nature, mechanisms, functions, characteristics // Altered states of consciousness. Reader / Moscow: Cogito-Center Publ., 2012. 254 p. (in Russian).

Lektorsky V. A. Classical and non-classical epistemology. Moscow: Editorial URSS Publ., 2001. 256 p. (in Russian).

Lorenz K. Behind the Mirror: A Search for a Natural History of Human Knowledge: Harcourt Brace Jovanovich, 1977. 261 p.

Naidysh V.M. Genesis of thinking in view of non-classical epistemology // Human being. 2019. N 1. Pp. 12–28. (in Russian).

Naydysh O.V. Meaningful Reality and Mythmaking// Myth in history, politics, culture [Electronic resource]: Collection of materials of the 3rd International scientific interdisciplinary conference (June 2019, Sevastopol) / Ed. O.A. Gabrielyan, A.V. Stavitskiy, V.V. Khapaev, S.V. Yurchenko. Sevastopol: Branch of Lomonosov Moscow State University, 2019. Pp. 158–161. (in Russian).

Nuttin J. Motivation, planning, and action. A relational theory of behavior dynamics: Transl. Leuven: Leuven University Press; Hills. (NJ): Erlbaum, 1984. 251 p.

Rubinstein S.L. Body and mind. Moscow: AN USSR. 1957. 332 p. (in Russian).

Fabry K.E. Fundamentals of zoopsychology. 3rd ed. УМК "Psychology". Moscow, 2004, 464 p. (in Russian).

Frank S.L. Soul of man. Experience of introduction to philosophical psychology // *S.L. Frank.* Reality and man. Moscow, 1997. Pp. 4–207. (in Russian).

Uexküll J. von. Umwelt und Innenwelt der Tiere. Berlin: Verlag von Julius Springer, 1909. 259 p.

Сведения об авторе:

Найдыш Ольга Вячеславовна

кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры онтологии и теории познания Российского университета дружбы народов им П. Лумумбы.

(г. Москва, Россия).

E-mail: olga.naydysh@bk.ru

Bionotes:

Naidysh Olga Viacheslavovna

Candidate of Philosophy, Senior Lecturer at the Department of Ontology and Epistemology at the P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia).

E-mail: olga.naydysh@bk.ru

Для цитирования:

Найдыш О.В. Измененные состояния сознания и внутренний опыт // МИФОЛОГОС. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования». № 2 (10), 2024. С. 55–63.

For citation:

Naydysh O.V. Altered States of Consciousness and Inner Experience // MYPHOLOGOS. Series "Mythical Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies". № 2 (10), 2024. Pp. 55–63.

МИФОТВОРЧЕСТВО В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ

УДК 1:008

НЕКЛАССИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ О ПРИРОДЕ РАЦИОНАЛЬНОГО И МИФОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ставицкий Андрей Владимирович

Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе (г. Севастополь, Россия)

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению природы рационального и мифологического мышления с позиций, характерных для неклассической мифологии, которая исходит из максимально расширительного понимания мифа как культурной универсалии. Согласно им, миф не исчез с возникновением науки и утверждением доминирования логического мышления, поскольку присущ человеку на всех стадиях его существования, т.к. является свойством человеческого сознания. В соответствии с этим человек мыслит одновременно и рационально, и иррационально, воспринимая мир через со-переживание, проецируя на него свои мечты, страхи, желания.

Ключевые слова: миф; современный миф; мифологическое мышление; мифотворчество; неклассическая наука; неклассическая мифология; универсальный подход к мифу; общая теория мифа

NON-CLASSICAL MYTHOLOGY ON THE NATURE OF RATIONAL AND MYTHOLOGICAL THINKING: EPISTEMOLOGICAL ASPECT

Stavitskiy Andrey Vladimirovich

Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol
(Sevastopol, Russia)

Abstract

The article is devoted to the consideration of the nature of rational and mythological thinking from the positions characteristic of non-classical mythology, which proceeds from the most expansive understanding of myth as a cultural universal. According to them, myth did not disappear with the emergence of science and the assertion of the dominance of logical thinking, because it is inherent in man at all stages of his existence, as it is a property of human consciousness. According to this, man thinks both rationally and irrationally, perceiving the world through co-experience, projecting his dreams, fears, desires onto it.

Keywords: myth; modern myth; mythological thinking; myth-making; non-classical science; non-classical mythology; universal approach to myth; general theory of myth

Введение (Introduction)

Одним из гносеологических недоразумений в представлениях о человеческом мышлении является постоянный акцент на его принципиальной рациональности. И хотя, возможно, каждому человеку всем сердцем и душой хочется быть достойным гордого звания homo sapiens, сводить человеческое мышление к рациональности будет крайне опрометчивым, поскольку тогда будет проигнорирован его естественный полиморфизм, позволяющий человеческому мозгу оперировать необходимой информацией сразу в разных формах и на нескольких уровнях, когда

она одновременно воспринимается и осмысливается, с одной стороны, рационально, аналитически, логически, а с другой – образно-художественно, ассоциативно, символически, синтетически, т.е. мифологически. И не может иначе. Об этих когнитивных особенностях человеческого мышления и пойдёт речь в статье.

Литературный обзор (Literature Review)

Фундаментальной теоретической основой данного исследования выступают философские идеи, заложенные в трудах Ф. Ницше, В. Соловьева, А. Бергсона, Н.А. Бердяева, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, О. Шпенглера, а также подходы и установки, разработанные в рамках неклассической науки Н. Бором, В. Гейзенбергом [Гейзенберг 1987], Т. Куном, С.А. Лебедевым, В.В. Налимовым, Р. Пенроузом [Пенроуз 2003, 2005], М. Полани [Полани 1985], П. Фейерабендом, Р. Фейнманом [Фейнман 2020], Э. Шредингером, К. Хюбнером [Хюбнер 1994], А. Эйнштейном и др. учёными и теоретиками науки новейшего времени.

Помимо этого, большое внимание было уделено работам по природе мышления Л.С. Выготского [Выготский 2921], Ж. Пиаже, А.Р. Лурии, С.Л. Рубинштейна и др.

В вопросах, касающихся анализа природы мифа и мифотворчества автор опирался на принципы неклассической мифологии, заложенные в трудах А.Ф. Лосева [Лосев 1999], Э. Кассирера, К.Г. Юнга [Юнг и др. 1998], М. Элиаде, Дж. Кэмпбелла [Кэмпбелл 2018], К. Леви-Строса [Леви-Строс 2007], Р. Барта [Барт 1994], Ю.М. Лотмана [Лотман 2004], Г.Д. Гачева [Гачев 2003], А.А. Потебни [Потебня 1999] и др., наглядно показавших, что миф является культурной универсалией, а мифотворчество – естественной потребностью человека в формировании ценностных смыслов.

Особо следует отметить важность работ по мифотворчеству современных исследователей – В.М. Найдыша [Найдыш 2002, 2004], А.М. Лобока, Н.И. Мартишиной, В.С. Полосина, В.М. Пивоева, А.В. Ставицкого, В.Д. Шинкаренко, Е.Л. Яковлевой и других, большинство из которых активно участвуют в ежегодной международной научной конференции «Миф в истории, политике, культуре» [Миф в истории, политике, культуре 2020–2024].

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

На данном этапе развития науки мы имеем дело с такой проблематикой, которая неизбежно вынуждает нас возвращаться к истокам научного знания, местами пересматривая его в тех сферах, где были допущены принципиальные ошибки, мешающие нам двигаться дальше. И проблема мифа – одна из них, хотя уже двести лет стоит вопрос о необходимости рассматривать его максимально расширительно с учётом того, что он является базовой культурной универсалией, которая создаёт возможность человеку вырабатывать те ценностные смыслы, которыми он будет жить, чтобы любить и творить. И хотя нередко миф обманывает нас, он делает это таким образом, чтобы мы могли получить желанные нам ответы в соответствии с вызовами и угрозами. И даже там, где нам нужно убедить себя в том, что мы миф не просто победили, утверждая провозглашенный ещё на заре индустриального общества культ Разума, но и полностью изжили из своего сознания, миф будет нам всячески помогать убедить себя в этом, используя все имеющиеся у него в распоряжении средства.

Однако стоит ли в этом обвинять миф, если мы хотим того сами? Но тогда в свою очередь лучше понять, как человек умудряется так мыслить, что мифотворчество становится неизбежным? Что оно нам даёт, а чего лишает? Как сочетается мифотворчество с разумом? Почему человек не хочет предпочесть одно

другому, умудряясь быть одновременно и разумным, и мифическим? Какую потребность удовлетворяет миф, которую не может дать разум?

Ответ довольно прост. Человек не может просто мыслить мир. Он должен его ещё и СО-ПЕРЕЖИВАТЬ, воспринимая и осмысливая психически, ибо не робот, а человек. Причём так, словно сам является со-участником. И уже в силу этой причастности он будет заниматься мифотворчеством, не отдавая в том себе отчёта. Впрочем, даже если бы этого не было, и человек был бы бесчувственным как машина, он сам, имея дело с познаваемой в ощущениях бесконечностью, вынужден постоянно её домысливать, соотнося с собой и своими уже имеющимися знаниями. Что даёт ещё один убойный повод к мифотворчеству, вынуждая нас искать подсказки в этиологии. Ведь, позволяя увидеть социальную реальность в непривычном для неё ракурсе, этология даёт возможность понять роль религии, вводящей людей в те этические рамки, без которых человек становится хуже животного. Так, согласно идеям основателя этологии Конрада Лоренца, «У сильно вооруженных животных (лев, волк, ворон, змея) – сильная мораль. Лев ударом лапы ломает шею быку, волк клыком в доли секунды испарывает брюшину оленю, ворон ударом клюва может убить кошку или зайца, укус гадюки смертелен. Но они никогда не применяют боевые приемы против своих. Это для них табу. А у слабых зверей – слабые и запреты. И нежный голубок может заклевать соперника в стае – а потом еще и тушку его ощиплет... Человек по природе – слабо вооруженное животное, и у него нет запрета убивать себе подобных. Парадокс: человек стал самым вооруженным на планете, хоть и остался со слабой моралью. Ее надо развивать и поддерживать. Этой задаче, в частности, служит религия» [Дольник]. И жаль, что сциентизм этот аспект религии полностью игнорирует, не предлагая ничего взамен для рассмотрения важной для человека мифологически оформленной темы экзистенции – внешней и внутренней, где сам человек воспринимается как микро-вселенная, где господствует данная в ощущениях, та «невыносимая лёгкость бытия», которая нас мучает, вдохновляет, завораживает и представляет мир внутри нас. «Я есть мой мир» – заявлял в своё время Л. Витгенштейн. «Если бы я не носил в себе весь мир, я был бы слепцом со здоровыми глазами», – считал И. Гете. И из этой по-разному выраженной мысли следует, что свои миры мы носим в себе. В них язык и символически оформленные образы сливаются в одно, подводя нас к проблеме максимально комплексного подхода к мифу, которая требует разработки мифологической феноменологии как синтетической научной дисциплины, позволяющей структурно оформить миф как социокультурное явление в его максимально расширенной форме, что и станет основой общей теории мифа, над которой работают исследователи XXI века, открывая и исследуя новые свойства и возможности мифа в современном обществе.

Одна из сфер применения мифа связана с тем, что решение чисто научных проблем мало соприкасается с решением проблем экзистенциальных. И этот факт лишь подтверждает установленный науке самой наукой предел, как явлению локальному. Но локальность эта тоже относительна и в какой-то степени безгранична. В том числе и потому, что наука постоянно питается мифами и вырабатывает их, за счёт их развиваясь и совершенствуясь. Ведь миф делает объектом познания всё то, что для человека важно и значимо. И если, в духе Л. Витгенштейна, признать, что какое бы определение явления мы бы ни дали, всегда будет иметь место его неправильное понимание, так как то, что действительно имеют авторы в виду, выразить нельзя, и не стоит пытаться [Витгенштейн 2020: 129], мы можем высказать гипотезу, что наука, несмотря на громкие заявления по поводу полного преодоления

мифа в себе, в массе своей никогда за пределы мифотворчества не выходила, всегда пребывая в нём уже в силу особенностей нашего сознания, мышления и познания. И даже такие логически выверенные философские конструкции, которые в своё время разрабатывали Б. Рассел и Л. Витгенштейн, как бы ни были они рациональны, творят мифы не менее плодотворно, чем делают это в своих романах писатели-фантасты. С той лишь разницей, что их научные мифы за маской предельно выраженной рациональности почти не распознаются. Но рациональность неизбежно «взрывает» мифами любую реальность через домысливание, как только проецируется на бесконечность. Но и не проецироваться на бесконечность она не может хотя бы потенциально. В этом плане известная мысль Л. Витгенштейна о том, что наука – лишь одна из «языковых игр», вполне возможно, небесперспективна. Но что даёт она для понимания взаимосвязи мыслеобраза и языка? Может ли она зафиксировать границы выражения мыслей, как границы мира как такового? В народе считают, что «язык до Киева доведёт», но может ли он объять Вселенную, оставаясь в пределах языка? Как науке понять то, что не выразить словами, но мыслится на уровне интуиции? Может ли язык сам выйти за пределы тех образов, которые даёт нам миф? И что тогда есть язык мифа, если он не знает своих границ? Наука не даёт на эти вопросы ответов. Витгенштейн там более. Однако отчасти к ним может подвести имеющий место факт «сползания» в миф общества в его представлениях о том, что есть, было и будет, особенно заметное в постсоветских странах после развала СССР.

Чем же вызвано столь быстро нарастающее «сползание» постсоветского общества в «мифологическую эпоху»? По мнению ряда исследователей, в первую очередь, это связано с развалом СССР и расцветом т.н. постмодерна, который произвел кардинальный перелом в обществе и сознании людей. В результате уровень сложности ситуации «двойного перелома» значительно превысил познавательные и адаптационные возможности индивидуума. Отсюда проистекает парадоксальная «архаизация современного общества», в котором «человек разумный» преобразуется в «человека мифологического». При этом новая архаика сопровождается процессами хаотизации, плюрализации и маргинализации сознания, а также общей деструкцией постсоветской ментальности [Загвозкина 2005].

Заметим, что в целом данная позиция не лишена оснований. Однако, не отрицая происходящих процессов в принципе, уточним, что своеобразное превращение «человека разумного» в «человека мифологического» связано не столько с архаизацией общества, которое как бы автоматически должно сопровождаться и архаизацией (а в обывательском представлении – дебилизацией) сознания или с расцветом т. н. «имагинационных» технологий, сколько с попытками компенсировать пробелы в представлениях, связанных с тем, что в обществе произошло энтропийного, за счёт мифологии. Следовательно, подобный подход и вариант решения проблемы упрощает анализ, но полного ответа не даёт, оставляя вопрос: как, по какой причине «человек разумный» вдруг стал «человеком мифологическим», – открытым. Что же в данном случае недоговаривается? Действительно ли «архаизация» общества и сознания есть результат исключительно изменившихся в худшую сторону социальных обстоятельств и потери образа будущего?

Конечно, с одной стороны на человека влияют изменившиеся за последние десятилетия социально-экономические условия, связанные с тотальной архаизацией (а точнее – с развалом) социальной сферы и экономики. С другой – информационные («имагинационные») технологии, нивелирующие личное сознание до уровня

массового. И отрицать эти факторы было бы неразумным. Но при этом, следует признать, что подобная аналитика игнорирует тот факт, что человека нельзя практически незаметно для него подвести к такому внутреннему состоянию, для которого у него нет причин. «Благородный» человек не может стать «подлым», если эта подлость не была заложена в нём ранее. «Правдивый» не станет «лжецом», если не умеет лгать, как бы среда на него ни влияла. И точно также, если в человеке давно и окончательно победила рациональность, он не будет возвращаться к мифологическому сознанию. Следовательно, победа рационального над мифологическим в человеческом сознании наукой была сильно преувеличена. Значит, всё это в человеке есть, было и никуда из его сознания не уходило, но подавлялось и купировалось. Просто новые социальные условия вынудили человека более активно использовать те стороны его сознания, которые позволяют ему чувствовать в новой среде себя максимально комфортно.

Иначе говоря, человеческое сознание не только в состоянии нести в себе и «рациональное», и «мифологическое» начала, но никогда от них не отказывалось, что бы учёные об этом ни говорили, используя эти начала в той степени, в какой это необходимо для самого человека. Вот почему в современном обществе мы не найдём людей, исключительно «разумных» или «мифологических», так как каждый человек несёт в себе и то, и другое, просто не всегда отдавая себе в этом отчёт. Поэтому в разных ситуациях, в зависимости от личной или социальной потребности, человек будет прибегать к тем способам мышления, которые ему в данный момент лучше подходят. И делать это он будет, разумеется, подсознательно, то есть незаметно для себя. Отсюда следует вывод, что сознание людей не архаизировалось, но лишь в условиях кардинального социального перелома переключило акцент с преимущественно аналитического, рационального («левополушарного») мышления на «мифологическое», ассоциативное, синтетическое («правополушарное»), дабы тем самым компенсировать отсутствие реального позитива позитивом «мифологическим», черпая силы не в просчитанных действиях, а в более помогающих ему сейчас вере, надежде, любви.

В своё время подобные процессы в поэтической форме отразил британский поэт Т.С. Элиот:

Вечная гонка по кругу идей и новаций,
Изобретений, открытий, экспериментов
Откроет нам сущность движения, но не покоя.
О жизнь, растроченная в существовании...
О мудрость, утраченная в знании...
О знание, потерянное в информации...

И хотя мы и сейчас наблюдаем нечто похожее, есть надежда, что осознание потерь свидетельствует о других приобретениях, где можно сказать, что по отношению к отражаемому человеком миру миф осуществляет ургическую функцию Делания, превращая хаос в космос¹, но оставаясь непознанным хаосом для него, которым этот мир живёт. Однако насколько и в какой степени созданный наукой образ мифа соответствует действительности? Наверное, в той степени, в какой сама наука способна отражать столь сложную образно оформленную метареальность,

¹ В данном случае космос понимается как порядок, противоположный хаосу, мироздание.

которая, несмотря на кажущуюся простоту, порой оказывается более сложной, чем сама наука и научные знания.

Впрочем, как говорил К. Поппер, «наука погрешима, ибо дело рук человеческих». И в свете этого будет уместным вспомнить историю одного научного открытия, которое стало знаменитым не в силу своей общенаучной значимости, но по причине нетипичного поведения исследователя, отказавшегося от весьма крупного вознаграждения.

Несколько лет назад в мировых СМИ появилась информация, что знаменитый российский математик Г. Перельман доказал, что Бога нет [Лаговский]. Хотя с тех пор, как Фома Аквинат вывел пять доказательств существования Бога, мир достаточно поумнел, чтобы закрепить в общественном мнении мысль, что доказать или опровергнуть существование Господа нельзя. Но, видимо, сведения о возросшей мудрости человечества оказались сильно преувеличенными.

Согласно гипотезы А. Пуанкаре, ставшей после доказательства Г. Перельмана теорией, Вселенная – единственная «фигура», которую можно стянуть в точку. Но если это так, то, вполне возможно, ей подвластен и обратный процесс. Однако, если Вселенную можно «растянуть» из точки, что служит косвенным подтверждением теории Большого взрыва, то является ли это опровержением божественного происхождения Вселенной? Отдельные учёные отвечают на этот вопрос положительно. Хотя на каком основании атеисты и сторонники теории Большого Взрыва указывают Богу, что Он может делать, а что нет, и каким образом, если наш мир сотворён Господом, ему создавать его: с помощью Большого Взрыва или, проецируя как Голограмму [Талбот 2004], совершенно не понятно.

Кстати, в качестве альтернативы этой версии другой математик и по совместительству священник, бывший краковский архиепископ Микаэль Геллер произвёл математические расчёты, доказывающие существование Бога, за что получил престижную Темплтоновскую премию [Кузина]. Хотя в целом известно, что математика для учёного – лишь язык, инструмент для достижения необходимых результатов, которые могут меняться в зависимости от того, какие данные в расчёты заложены.

Доказав гипотезу А. Пуанкаре, выдающийся российский математик Г. Перельман решил, что научился управлять Вселенной [Перельман признался...]. И хотя, возможно, у него оснований так думать больше, чем у кого-либо на свете, в совокупности эти основания крайне преувеличены, так как человек не всегда может управлять даже самим собой. В лучшем случае он может считать, что знает несколько больше остальных, так как разобрался в ещё одной загадке природы. Но что даёт она для понимания механизма управления Вселенной в условиях развёрнутой в бесконечность множественности нелинейных динамических систем, которые не могут быть полностью охвачены ни какой-то одной формулой, ни одним законом бытия? Что может понимать человек там, где в движении пребывает бесконечность, делающая бесконечностью каждый самый малый свой фрагмент? И здесь поневоле вспоминаются знаменитые слова Сократа «Я знаю только то, что ничего не знаю, но другие не знают и этого».

Отметим, что среди семи фундаментальных математических «задач тысячелетия», заявленных частным математическим институтом Клэя (Кембридж, штат Массачусетс, США), одной из нерешённых, но крайне важных проблем математики являются т.н. уравнения Янга-Миллса, выраженные в гипотезе, согласно которой, если элементарная частица обладает массой, то существует и её нижний

предел. Но, чтобы до него добраться, необходимо создать «теорию всего» – уравнения, объединяющие все силы и взаимодействия в природе. Поэтому, если спрашивать, реализация каких гипотез даёт больше оснований считать себя знающим, как устроен мир, то, по всей видимости, уравнения Янга-Миллса имеют больше шансов в этом отношении, чем решённая Г. Перельманом гипотеза А. Пуанкаре. Однако, как известно, каждый рано или поздно достигает своего уровня некомпетентности. И в этом смысле «полнота познания должна включать некоторое понимание глубины нашего неведения», – как считал Р. Милликен¹. Но является ли в данном случае должное обязательным, если человек хочет считать правильным обратное и не собирается признаваться в очевидном? Ведь чаще всего мы видим, что знаем, а знаем привычное и верим в то, что хотим, утверждая мир таким, каким его мыслим.

Согласно здравому смыслу, научное открытие уменьшает область неизвестного. Но не менее логично утверждать, что она при этом, подобно яме, ещё больше увеличивается: чем больше из неё вынимают земли, тем больше она становится, поскольку речь идёт не о чём-то локальном, а о бесконечности. Однако, независимо от того, имеем ли мы в вопросе познания дело с бесконечностью или нет, очевидно, что область, подлежащая нашему познанию, достаточно большая, чтобы её сравнивать с бесконечностью. Но при этом бесспорно будет увеличиваться другое – область между знанием и незнанием. И оно-то и создаёт впечатление, соотносимое с эффектом ещё большего незнания, которое ощущает каждый настоящий исследователь, поскольку каждый найденный им долгожданный ответ помимо собственно ответа тут же порождает ещё больше вопросов, на которые так же надо отвечать и которые ясности не добавляют, вынуждая признать, что чем больше мы узнаём, тем меньше знаем.

Отсюда следует, что степень ума и компетентности человека обратно пропорциональна его мнению о них. Так, согласно эффекту Даннинга-Крюгера (1999 г.), менее компетентные люди в целом имеют более высокое мнение о собственных способностях, чем это свойственно людям компетентным. Но эти их впечатления, по сути, обманчивы, так как являются следствием не адекватного отражения реальности, а субъективных ощущений, впечатлений, прозрений и заблуждений, которые составляют личностное знание каждого [Полани 2013]. Однако почему бы данные расчёты не применить к научному сообществу и науке как таковой? Ведь это не просто желательно, но и необходимо ради неё самой.

К сожалению, несмотря на риторику о стремлении к истине, наука не может гарантировать объективность исследования в полной мере, и вынуждена признать это. Применительно к современной мифологии данный факт приводит к тому, что предмет дисциплинарного знания становится ускользающим, что вынуждает активизировать междисциплинарную коммуникационную практику, на базе которой только и возможно изучение мифа как целого через воспроизведение былой, казалось бы, утраченной взаимозависимой общности людей, культуры и языка. «Проникнув с помощью современных технических средств в новые сферы природы, мы узнали, что даже такие простейшие и важнейшие понятия прежней науки, как пространство, время, место, скорость, становятся здесь проблематичными и требуют переосмысления, – написал по этому поводу в одной из своих работ лауреат Нобелевской премии (1932 г.) физик В. Гейзенберг. – Подобно затупившимся

¹ Роберт Милликен (1868-1953 гг.) – американский физик, лауреат Нобелевской премии (1923 г.).

инструментам, понятия нашего языка по отношению к новому ускользающему от них опыту оказываются уже не корректными» [Гейзенберг 1987: 212–213].

Впрочем, проблема переосмысления основных достижений и выводов науки касается не только мифа и мифотворчества, но и других отраслей научного знания, особенно – гуманитарных, когда «совсем незначительные поправки к теории могут потребовать радикальной перестройки понятий и представлений, лежащих в ее основе» [Фейнман 2020: 246]. Недаром, исследуя биофизические аспекты функционирования мозга, включая мысленную визуализацию и виртуальную реальность, известный британский математик и физик Р. Пенроуз, поставив проблему невычислимости в математическом мышлении, выдвинул идею спасения вычислительной модели разума через хаос и разработку эзотерической математики [Пенроуз 2003, 2005]. И уже независимо от того, прав он или нет, допуская в научный дискурс подобные гипотезы, его парадоксальный подход к, казалось бы, устоявшимся теориям и явлениям свидетельствует о том, что в науке «игра смыслов» продолжается, хотя она невозможна без мифотворчества, т.к. если наука занимается фактами, то миф – их смыслом и значением. Причём, «игра смыслов» идёт уже на том уровне, когда допущения вроде «эзотерической математики», пусть и непривычные пока, становятся возможными даже для тех, кого принято считать сторонниками самой строгой из наук. Хотя в данном случае, скорее всего, предложенной трансформации подвергнутся и сами термины, которые будут дополнены новым смыслом. И миф в таком деле может существенно помочь. Ведь его пластичность и изначальная нацеленность на информационную цельность, его мотивационный и смыслополагающий аспекты, а также способность задавать и придавать информации новые символически означенные смыслы, делают миф крайне важным элементом научного творчества в условиях работы с непознанным, т.к. «мифологические образы и символы полны непреходящего и вечного смысла, в них заключены глубокие интуиции, утверждающие незыблемые духовные ценности, которые не стареют, остаются одинаково важными во все времена человеческой истории и не подвластны времени и пространству» [Альбедиль 2003: 325].

Заключение (Conclusions)

Как видим, неклассическая мифология отстаивает необходимость учитывать имеющий место интеллектуальный полиморфизм, когда человек, возможно, не всегда осознанно, но практически постоянно использует как рациональные аспекты мышления, так и иррациональные, подсознательные, мифологические, успешно решая свои задачи тем способом, который для него наиболее подходит. Но только не хочет себе в этом признаваться, считая, что *homo sapiens* подобное не пристало.

В свете изложенного, возможно, главная проблема социокультурного мифотворчества заключается в том, что миф является важнейшим фактором социального (культурного, национального, религиозного) самосохранения, а имеющий место кризис науки следует рассматривать как кризис роста, но его преодоление требует от науки существенных изменений. А пока, хотя современная научная картина мира довольно правдоподобна, ответов на глобальные вызовы современности наука в её нынешнем виде дать не может уже потому, что она оказалась не в состоянии придать человеческому мировоззрению те высокие созидательные смыслы, без которых человечество не только развиваться дальше не в состоянии, но и, возможно, не сможет выжить. И вот здесь помощь мифа, помощь религии, помощь духовного и одновременно интуитивного начала может оказаться для науки и человечества очень кстати. Осталось дело за малым – принять миф таким,

как он есть. Но готова ли наука к подобному? В рамках мифологии как науки предпосылки для этого имеются и их можно разделить на исторические, теоретические и организационные, где первые связаны с потребностью в целостном знании и новыми возможностями современной неклассической науки, вторые – строятся на подходах, идеях и разработках ведущих исследователей мифа XX века (А.Ф. Лосев, Э. Кассирер, К.Г. Юнг, К. Леви-Строс, Р. Барт, К. Хюбнер, Ю.М. Лотман, Г.Д. Гачев и др.), позволивших открыть миф заново, а третьи – обеспечиваются совместной и скоординированной работой современных исследователей мифа в рамках семинаров, конференций, круглых столов, изданий коллективных трудов, что позволяет определить общие позиции и сформировать научную мифологическую парадигму. И здесь главное – понять миф в его расширительном понимании и его роль в обществе, поставив под сомнение и преодолев мешающее идти дальше привычное, общепринятое.

«Одно из неприятных свойств нашего времени состоит в том, что те, кто испытывает уверенность, глупы, а те, кто обладает хоть каким-то воображением и пониманием, исполнены сомнений и нерешительности», – не без сарказма утверждал Б. Рассел¹, невольно своей уверенностью рассуждений подставляя самого себя. Только разве это свойство «нашего времени»? Во все времена думающий человек сталкивался с парадоксом, согласно которого, чем больше узнаёшь, тем меньше знаешь, т. к. любая новая информация или решённая проблема тут же порождает новые вопросы и создаёт проблемы, которые снова надо решать. Причём этих вопросов и проблем оказывается значительно больше, чем было ранее. Понятно, что так происходит потому, что по мере расширения сферы знания, расширяется и граница его с незнанием, которая данные вопросы ставит. И если человек это видит, он будет испытывать те чувства, которые возникают у человека, когда он приходит к пониманию того, как мало знает по сравнению с тем, что должен знать. Но как показывает человеческий опыт, такие чувства для людей являются нормальными, в том смысле, что с ними можно и нужно жить. Хотя на миф в целом подобные замечания не распространяются, пока именно его обвиняют в заблуждениях человечества, снимая ответственность с себя. Впрочем, есть надежда, что если не в обществе, то хотя бы в науке наступит такой момент, когда о мифе будет стыдно рассуждать, если не изучал его и не понимаешь, как целостность, руководствуясь упрощёнными и уничижительными представлениями о нём. Ведь, по мнению М.Ф. Альбедиль, мифология обеспечивает «встречу в человеке сознательного с бессознательным» [Альбедиль 2003: 325]. И если в данном случае не останавливаться на красивой метафоре, то получается, что миф является способом активизации тех бессознательных интуиций, без которых не бывает ни творческих порывов, ни великих открытий, ни полноценного духовного бытия. Иными словами, в данном случае миф выступает эффективным инструментом мотивации подсознательного и подключения его потенциала для максимально возможной творческой мобилизации. А сейчас миру, науке, России, человечеству, как никогда нужна мобилизация духовных и творческих сил для решения тех глобальных проблем, которые поставили под угрозу исчезновения существование человека как вида. И без помощи мифа в его

¹ На англ.: «One of the painful things about our time is that those who feel certainty are stupid, and those with any imagination and understanding are filled with doubt and indecision Why the unskilled are unaware: Further explorations of (absent) self-insight among the incompetent» [Электронный ресурс] URL: http://www.psy.fsu.edu/~ehrlinger/Self_&_Social_Judgment/Ehrlinger_et_al2008.pdf

современном понимании эту проблему не удастся ни грамотно поставить, ни правильно решить.

Литература

Альбедиль М.Ф. Зеркало традиций: Человек в духовных традициях Востока. Санкт-Петербург: Азбука-классика, Петербургское востоковедение, 2003. 288 с. («Мир Востока»).

Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Москва: Изд. группа Прогресс, Универс, 1994. 616 с.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. Пер. с нем. Л. Добросельского. Москва: Издательство АСТ, 2020. 160 с.

Выготский Л.С. Мышление и речь: психологические исследования. Москва: Национальное образование. 2021. 368 с.

Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. Москва: Эксмо, 2003. 544 с.

Гейзенберг В. Шаги за горизонт: Пер. с нем. / Сост. А.В. Ахутин; Общ. ред. и вступ. ст. Н.Ф. Овчинникова. Москва: Прогресс, 1987. 368 с.

Гликман Е. Тот, который не стрелял. Краткое жизнеописание великого птицелова Виктора Дольника [Электронный ресурс]. URL: <http://www.novayagazeta.ru/data/2007/35/31.html> (дата обращения: 09.05.2023).

Дольник В.Р. Убегая от обезьяны [Электронный ресурс]. URL: <http://ethology.ru/interview/?id=55> (дата обращения: 09.05.2023).

Загвозкина Ю. М. Политический миф как проблема социальной философии: Дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2005. 209 с.

Крыщук Н. Виктор Дольник: Непослушное дитя биосферы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.idelo.ru/443/23.html> (дата обращения: 09.05.2023).

Кэмпбелл Дж. Сила мифа. Санкт-Петербург: Питер, 2018. 304 с.

Кузина С. За 820 000 евро священник доказал существование Бога [Электронный ресурс]. URL: <http://kp.ru/daily/24440/607040/> (дата обращения: 09.05.2023).

Лаговский В. Григорий Перельман доказал, что Бога нет [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kp.ru/daily/24466.4/626061/> (дата обращения: 09.05.2023).

Леви-Брюль Л. Первобытное мышление / Пер. с фр. Б.И. Шаревской. 2-е изд. Москва: Академический проект, 2020, 430 с.

Леви-Строс К. Мифологии. В 4-х тт. Т. 4. Человек голый. Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 2007. 784 с.

Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. Москва: Изд-во ЭКСМО-пресс, 2001. 512 с.

Лосев А.Ф. Самое само: Сочинения. Москва: ЭКСМО-Пресс, 1999. 1024 с.

Лотман Ю.М. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2004. 704 с.

Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. 658 с.

Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2021 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2021. 576 с.

Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник трудов VI Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2022 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2023. 574 с.

Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов VII Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2024 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: ООО «ТБС Пабблишинг», 2024. 497 с.

Найдыш В.М. Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма. Москва: Гардарики, 2002. 554 с.

Найдыш В.М. Философия мифологии XIX – начала XXI в. Москва: Альфа-М, 2004. 544 с.

Панов Е.Н. Человек и природа в архаическом коллективном сознании. Москва: Гнозис, 2021. 344 с.

Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. Часть 1: Понимание разума и новая физика. Ч. 1. Москва: Либроком, 2003. 368 с.;

Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. Часть 2: Новая физика, необходимая для понимания разума. Ч. 2. Москва: Либроком, 2005. 352 с.

Перельман признался, что умеет управлять Вселенной [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vz.ru/news/2011/4/28/487382.html> (дата обращения: 09.05.2023).

Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. Москва, 1985. 344 с.

Потебня А.А. Теоретическая поэтика. Сост., вступ. ст., коммент. А.Б. Муратова. Москва: Высшая школа, 1990. 344 с.

Пятигорский А. Литература и миф. Беседа Григория Бондаренко с философом, профессором Лондонского университета Александром Пятигорским. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opentextnn.ru/man/?id=375> (дата обращения: 09.05.2023).

Рассел Б. Искусство мыслить. Москва: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 240 с. 2-е изд., испр.

Ставицкий А.В. Онтология современного мифа. Севастополь: Рибэст, 2012. 543 с.

Талбот М. Голографическая Вселенная / Пер. с англ. Москва: София, 2004. 368 с.

Фейнман Р. Характер физических законов. Москва: Издательство АСТ, 2020. 256 с.

Хюбнер К. Критика научного разума / Пер. с нем. Москва, 1994. 326 с.

Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: мозг, язык и сознание. Москва: Издательство АСТ, 2021. 496 с.

Юнг К.Г., фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж.Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы. Москва: Серебряные нити, 1998. 368 с.

References

Albedil M.F. Mirror of Traditions: Man in the Spiritual Traditions of the East. St. Petersburg: Azbuka-Klassika, St. Petersburg Oriental Studies Publ., 2003. 288 p. ("The World of the East"). (In Russian).

Barth R. Selected Works. Semiotics. Poetics. Moscow: Izd. group Progress, Univers Publ., 1994. 616 p. (In Russian).

Wittgenstein L. Tractatus Logico-Philosophicus. Per. with German. L. Dobroselsky. Moscow: AST Publishing House, 2020. 160 p. (In Russian).

Vygotsky L.S. Thinking and Speech: Psychological Research. Moscow: National Education Publ. 2021. 368 p. (In Russian).

Gachev G.D. Mentality of the Peoples of the World. Moscow: Eksmo, 2003. 544 p. (In Russian).

Heisenberg W. Steps Beyond the Horizon: Per. with German. / Sost. A.V. Akhutin; ed. and intro. by N.F. Ovchinnin. N.F. Ovchinnikov. Moscow: Progress Publ., 1987. 368 p. (In Russian).

Glikman E. The One Who Did Not Shoot. A Brief Biography of the Great Ptitselov Victor Dolnik [Electronic resource]. URL: <http://www.novayagazeta.ru/data/2007/35/31.html> (date of address: 09.05.2023). (In Russian).

Dolnik V.R. Running away from the Monkey [Electronic resource]. URL: <http://ethology.ru/interview/?id=55> (date of address: 09.05.2023). (In Russian).

Zagvozkina Y.M. Political Myth as a Problem of Social Philosophy: Cand. of philos. sciences. Ivanovo, 2005. 209 p. (In Russian).

Kryshchuk N. Viktor Dolnik: Naughty Child of the Biosphere [Electronic resource]. URL: <http://www.idelo.ru/443/23.html> (date of address: 09.05.2023). (In Russian).

Campbell J. The Power of Myth. St. Petersburg: Peter Publ., 2018. 304 p. (In Russian).

Kuzina S. For 820 000 Euros the Priest Proved the Existence of God [Electronic resource]. URL: <http://kp.ru/daily/24440/607040/> (date of address: 09.05.2023). (In Russian).

Lagovsky V. Grigory Perelman Proved that There is no God [Electronic resource]. URL: <http://www.kp.ru/daily/24466.4/626061/> (date of address: 09.05.2023). (In Russian).

Levy-Bruhl L. Primal Thinking / Per. from Fr. B.I. Sharevskaya. 2nd ed. Moscow: Academic Project Publ., 2020, 430 p. (In Russian).

Lévi-Strauss K. Mythologie. In 4 t. Vol. 4: The Naked Man. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 2007. 784 p. (In Russian).

Lévi-Strauss K. Structural Anthropology / Per. from Fr. Vyach. Vs. Ivanov. Moscow: EXMO-press Publ., 2001. 512 p. (In Russian).

Losev A.F. The Self: Essays. Moscow: EXMO-Press Publ., 1999. 1024 p. (In Russian).

Lotman Y.M. Semiosphere. St. Petersburg: Art-SPB Publ., 2004. 704 p. (In Russian).

Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Collection of materials of the IV International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2020, Sevastopol) / Edited by A.V. Stavitskiy. Sevastopol: Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, 2020. 658 p. (In Russian).

Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Proceedings of the V International Scientific Interdisciplinary Conference. V International scientific interdisciplinary conference (June 2021, r. Sevastopol) / Edited by A.V. Stavitskiy. Sevastopol: Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, 2021. 576 p. (In Russian).

Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Proceedings of the VI International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2022, r. Sevastopol) / Edited by

A.V. Stavitskiy. Sevastopol: Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, 2023. 574 p. (In Russian).

Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Collected Works of the 7th International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2024, St Petersburg – Sevastopol) / Ed. A.V. Stavitskiy. Sevastopol: LLC «CSB Publishing», 2024. 497 p. (In Russian).

Naydysh V.M. Philosophy of Mythology. From Antiquity to the Epoch of Romanticism. Moscow: Gardariki, 2002. 554 p. (In Russian).

Naydysh V.M. Philosophy of Mythology XIX – beginning of XXI Century. Moscow: Alfa-M Publ., 2004. 544 p. (In Russian).

Panov E.N. Man and Nature in Archaic Collective Consciousness. Moscow: Gnosis Publ., 2021. 344 p. (In Russian).

Penrose R. Shadows of the Mind. In Search of the Science of Consciousness. Part 1: Understanding the Mind and new Physics. Ч. 1. Moscow: Librocom Publ., 2003. 368 p.

Penrose R. Shadows of the Mind. In Search of the Science of Consciousness. Part 2: New Physics Necessary for Understanding the Mind. Ch. 2. Moscow: Librocom Publ., 2005. 352 p. (In Russian).

Perelman admitted that he Knows How to Manage the Universe [Electronic resource]. URL: <http://www.vz.ru/news/2011/4/28/487382.html> (date of address: 09.05.2023). (In Russian).

Polanyi M. Personal Knowledge. On the Way to Postcritical Philosophy. Moscow, 1985. 344 p. (In Russian).

Potebnya A.A. Theoretical Poetics. Composition, Introduction, Commentary / A.B. Muratov. Moscow: Vyshaya Shkola Publ., 1990. 344 p. (In Russian).

Pyatigorsky A. Literature and Myth. Conversation of Grigory Bondarenko with Philosopher, Professor of London University Alexander Pyatigorsky. [Electronic resource]. URL: <http://www.opentextnn.ru/man/?id=375> (date of address: 09.05.2023).

Russell B. The Art of Thinking. Moscow: Idea-Press Publ., House of Intellectual Book Publ., 1999. 240 p. (In Russian).

Stavitskiy A.V. Ontology of the Modern Myth. Sevastopol: Ribest, 2012. 543 p. (In Russian).

Talbot M. Holographic Universe / Per. s Engl. Moscow: Sofia Publ., 2004. 368 p. (In Russian).

Feynman R. The Nature of Physical Laws. Moscow: AST Publishing House, 2020. 256 p. (In Russian).

Hübner K. Critique of Scientific Reason / Per. from German. Moscow, 1994. 326 p. (In Russian).

Chernigovskaya T.V. Cheshire Smile of Schrödinger's Cat: Brain, Language and Consciousness. Moscow: AST Publishing House, 2021. 496 p. (In Russian).

Jung K.G., von Franz M.-L., Henderson J.L., Jacobi I., Jaffe A. Man and his symbols. Moscow: Silver Threads Publ., 1998. 368 p. (In Russian).

Сведения об авторе:

Ставицкий Андрей Владимирович

доцент кафедры истории и международных отношений Филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, гл. редактор научного периодического журнала «Мифологос», ген. директор ООО «ТБС Паблшинг», кандидат философских наук (г. Севастополь, Россия).

E-mail: stavis@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9670-1105>

Bionotes:

Stavitskiy Andrey Vladimirovich

Associate Professor, Department of History and Foreign Affairs, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Editor-in-Chief of the Scientific Periodical "Mythologos", Director General of CSB Publishing LLC, Candidate of Philosophy (Sevastopol, Russia).

E-mail: stavis@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9670-1105>

Для цитирования:

Ставицкий А.В. Неклассическая мифология о природе рационального и мифического мышления: эпистемологический аспект // МИФОЛОГОС. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования», № 2 (10), 2024. С. 64–77.

For citation:

Stavitskiy A.V. Non-classical Mythology on the Nature of Rational and Mythical Thinking: Epistemological Aspect // MYPHOLOGOS. Series "Mythical Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies". № 2 (10), 2024. Pp. 64–77.

УДК 130.3: 159.922.262: 291.13

ГОРОД КАК МЕСТО ГЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ МИФОТВОРЧЕСТВА

Яковлева Елена Людвиговна

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова
(г. Казань, Россия)

Аннотация

Объектом исследования избран город как место гения, анализируемый с точки зрения наличия в нем мифов и того, что служит истоком их появления. Место гения представляет собой любимый город творца, где он родился и/или живет. На представления о месте гения влияет образ города. Он включает в себя его вид (будничный или праздничный, в разное время года и суток), особые метки, связанные с историческим прошлым или памятниками искусства, маршруты передвижения по нему. При этом творец создает собственное видение города, вплетая в него элементы мифа. Этому способствуют субъективное восприятие, особенности памяти, идеализация, подключение ресурсов воображения, желание эстетизировать свою жизнь и ее пространства, а также интуитивное чувство городской ауры. Знание истоков мифа о городе как месте гения помогает интерпретировать личность творца и его произведения.

Ключевые слова: место гения; город; образ города; миф; аура.

THE CITY AS A PLACE OF GENIUS IN THE CONTEXT OF MYTH-MAKING

Iakovleva Elena Ludvigovna

Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

Abstract

The object of the study is the city as a place of genius, analyzed from the point of view of the presence of myths in it and what serves as the source of their emergence. The place of genius represents the favorite city of the creator, where he was born and/or lives. Representations of the place of genius are influenced by the image of the city. It includes its appearance (everyday or festive, at different times of the year and day), special marks associated with the historical past or art monuments, and routes of travel through it. At the same time, the creator creates his own vision of the city, weaving elements of myth into it. This is facilitated by subjective perception, peculiarities of memory, idealization, connection of imagination resources, desire to aestheticize one's life and its spaces, as well as intuitive feeling of the city aura. Knowledge of the origins of the myth of the city as a place of genius helps to interpret the personality of the creator and his works.

Key words: place of genius; city; image of the city; myth; aura.

Введение (Introduction)

Каждая творческая личность имеет значимое пространство, связанное с городом (рождения и/или жизни и творчества). И данный локус (бес)сознательно сакрализируется художником, что (не)явно высвечивается в его творческом и эпистолярном наследии (в художественных произведениях, воспоминаниях, интервью, статьях и письмах). Нередко данный факт подтверждают и люди из ближайшего окружения личности. По отношению к избранному художником городскому пространству введен термин *место гения*. В популярной и научной

литературе тематика места гения достаточно давно заняла ведущие позиции, помогая понять личность творца, интерпретировать произведения и популяризировать городское пространство с целью создания/поддержания его имиджа как туристического бренда региона. Но из-за потаенных аспектов жизни художника, сложности его натуры, неоднозначности шедевров и/или с целью создания эффекта привлекательности городского пространства феномен место гения мифифицируется. Более того, сам творец еще при своей жизни вносит лепту в мифотворчество, вплетая элементы мифа как матрицы культуры в понимание любимого пространства. Перечисленное актуализирует исследование проблемы места гения с точки зрения мифотворчества.

Литературный обзор (Literature Review)

Необходимо признать, что тема место гения активно разрабатывается в научном дискурсе. В отличие от массовой культуры, где место гения больше визуализируется, в научных исследованиях создаются теоретические модели разных аспектов проблемы. Но данные концепты анализируются в контексте проблемы *гения места*, где значимый акцент сделан на личности самого творца. Особый вклад в разработку проблемы *гений и место* внес Д.Н. Замятин [Замятина 2007, Замятин 2011, Замятин 2021]. В работе Г.В. Лютиковой интересным исследовательским ходом оказывается прояснение моделей взаимодействия творческой личности с городом. Автор выделяет следующие виды коммуникации художника с пространством: минимальное («сознательно или бессознательно перекрыт канал пространственных взаимодействий»), обыденное («бытовое использование конкретных мест», подразумевающее наличие фильтра), максимальное («канал пространственных впечатлений полностью открыт и даже является источником вдохновения») [Лютикова 2018: 143]. В.Л. Алексеева в структуре концепта *гений места* обращает внимание на тот факт, что «наибольшее влияние гений оказывает на город, если, будучи личностью творческой, преобразует образ своего восприятия в "город в произведении"», в таком случае город олицетворяет *ребенка творца* [Алексеева 2015: 89]. Исследователи С.А. Дианов и Ю.В. Дианова фокус интереса смещают к малому городу и небольшому эпизоду, связанному с пребыванием в нем художника. В итоге происходит «стремительное поглощение феноменальным образом легендарной личности существующей территории» и начинает «формироваться собственная историко-культурная аура» [Дианов 2023: 16]. А. Раппапорт настаивает на расширении трактовки гения места, считая, что «внедрение в массовое сознание понимания ценности места и "genius loci" невозможно без ритуалов, связанных с жизнью и смертью архитектуры» [Раппапорт 2023: 143]. Даже небольшой обзор исследований говорит о колоссальном потенциале тематики *гений места и место гения*. Данный факт позволяет предположить, что количество работ в данном направлении будет увеличиваться.

Методы (Methods)

Методологической основой статьи стал концепт Д.Н. Замятина *гений и место*. Исследователь не только разработал теоретическую конструкцию феноменов, но и проанализировал на ее основе биографии отдельных творцов. Используя аналитический метод, осуществим исследование места гения с точки зрения появления в нем элементов мифа. Статья посвящена поиску ответа на вопрос: какие тактики применяет художник для рождения мифов вокруг его

любимого городского пространства, становящегося при жизни или после его смерти местом гения?

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

Многие города (не только столичные, но и провинциальные) отличаются тем, что в них родился, жил и/или творил знаменитый человек, связанный с миром искусства. Благодаря этому среди множества характеристик они приобретают еще одну – место гения. Другое дело, что не всегда исследователи обращают должное внимание на городской ландшафт. Хотя он оказывает существенное влияние на мироощущение творца и его творчество. Данный факт принципиален. Нередко истоки скрытых мотивов поведения личности, темы и сюжеты ее произведений связаны с городом, ставшим особой меткой в памяти художника и хранящем в себе истоки его травматического опыта, комплексов, душевных метаний.

Город как место гения уникален. С одной стороны, он выступает в качестве мощного формирующего фактора, влияя на личность и ее становление. С другой стороны, творец, живя в конкретном месте и (стихийно/целенаправленно) осваивая его, создает собственное представление о пространстве, что впоследствии придает значимость локусу и возводит его в символ.

Первоначально, при жизни художника, (чаще всего) никакого официального места гения не существует. Можно говорить только о городе его проживания и творчества, который бывает исторически значимым (древний населенный пункт со своей историей) или незначимым (никому неизвестный провинциальный населенный пункт). Место проживания, сопряженное с его о(при)своением, способствует формированию у творца *образа города*. Он «привязан к визуальным опорам, тем компонентам городской среды, которые ориентируют находящихся в нем людей, маркируют место, делая его социально осмысленным» [Мельникова]. О(при)сваивание городского пространства представляет собой сложный процесс, обладающий «рядом структурных аспектов, связанных с потребностями безопасности и другими жизненными потребностями: 1) типы пространств (точка, линия, поверхность, объем); 2) организация пространства (центр и периферия, открытое и закрытое); 3) пространственная соотнесенность объектов (близко/далеко, справа/слева, верх/низ); 4) направления, ориентации, координаты; 5) меры длины, расстояний, поверхностей, объема; 6) характер восприятия пространства (вид, аспект, угол или точка зрения, подход)» [Пивоев 2023: 134-135].

Образ города включает в себя виды всего города и отдельных районов, его планировку и ориентиры, городские парки и акватории, архитектурные сооружения и скульптурные композиции, культурно-исторические метки, связанные с прошлым или памятные даты, и очертания отдельных улиц/домов/зданий, маршруты и события, разворачивающиеся на фоне городского пейзажа. На формирование образа города влияют и другие факторы: его вид в будничные и праздничные дни, в утреннее, дневное, вечернее и ночное время, в разное время года и при различных погодных условиях. Помимо этого, образу города придает определенный колорит его история, локальные, но значимые события и колоритные персоны, жившие в нем и сохранившие о себе след в народной памяти.

Необходимо признать, город и его внешний вид оказывают мощное влияние на жителей и их психологию. Пространство определяет стиль и ритм жизни, алгоритмы мышления и действий людей. Так, для большого города характерны динамичность, неудержимый ритм жизни с огромным количеством событий, скоплением сооружений/людей и отчужденностью, а в маленьком городе

наблюдается определенная размеренность жизни, редкая событийность, известность лиц, уютность и комфортность пространств. Городской ландшафт становится «руководящим принципом общества»: «пространство и время вместе формируют социальную жизнь» [Рош Карсель 2022]. Другое дело, что не каждый человек осознает данный факт.

Но образ города представляет собой не только специально сконструированное людьми и временем пространство. Он есть конкретное место, в котором разворачивается жизнь художника. В данном пространстве он получает экзистенциальный опыт, впечатления от (знаковых) встреч и общений с людьми, становится участником/наблюдателем многочисленных приятных и негативных событий, осуществляет судьбоносные повороты, рефлексировать над повседневностью и происходящим вокруг. Разворачивающиеся на фоне городского ландшафта события связаны для художника с особыми метками – «расставаниями и обретениями, печалью или радостью» [Замятин 2011]. Именно городское пространство становится фоном для метаний гения, его игнорирования, величия, забвения и/или падения. Перечисленное дарит творцу колоссальную палитру разнообразных эмоций и впечатлений, рождая ассоциации и символы. Некоторые городские эпизоды и события оставляют шлейф не только зрительных, но и звуковых, вкусовых и обонятельных ощущений. Творец словно *вбирает* в себя город и/или его районы, наиболее впечатлившие его. Оставаясь в памяти, городской опыт служит (бес)сознательной основой для творческих исканий.

Несмотря на негативные моменты, имеющиеся в биографии каждого художника, тем не менее, любимый город, особенно в зрелые годы, связан с ностальгическими настроениями, даже если гений не покинул его и продолжает в нем жить. Он с удовольствием/грустью/печалью предается воспоминаниям о бывшем в его жизни, связанным с городом. Творец осознает невозвратность не только того, что было, но и образа города, изменившегося со временем. Вспоминая прошлое, гений выстраивает динамичную картину образа города и одновременно вплетает в нее элементы выдуманного/домысливаемого, что рождает собственный миф о городе: «город географический трансформируется в Город-глазами-Гения» [Замятина 2007].

Встает вопрос: что способствует появлению мифа о городе как месте гения? Исходя из понимания места гения и тех черт, которые формируют его, можно назвать несколько истоков, благоприятствующих появлению аспектов мифа: субъективное восприятие городского пространства, особенности памяти, способной практиковать забвение, идеализация прошлого, креативный подход к интерпретации города с подключением ресурсов воображения, желание творца возвыситься, вуалируя и/или эстетизируя неприглядные стороны жизни. Разберемся с каждым истоком мифа о городе.

Субъективное восприятие города формируется посредством Я, уровня культуры и образования творца, социального статуса и образа жизни. Внешний/объективный образ города становится источником рождения внутреннего/субъективного образа города. Особую роль в появлении собственной топографии играют маршруты, которыми ходит творец, необычные архитектурные постройки и скульптурные композиции, события и праздники, разворачивающиеся на фоне городского пространства. Все они сопрягаются с экзистенциальным опытом, в котором пересекаются интуиция и воображение, чувства и разум, активность и пассивность. О(при)сваивая городские пространства, художник

наделяет их значениями. В итоге «каждому типу пространства соответствует определенное состояние сознания; и, напротив, каждое состояние сознания раскрывается в какой-то специфической пространственности» [Генисаретский 2001: 126-127]. Именно на фоне городского ландшафта у творца происходят (не)значимые события и встречи. Придавая им значение, художник одновременно наделяет смыслом и городской локус, нередко одушевляя его. Заметим, «реальной действительностью обладает не город, а его образ», вырастающий «из частных характеристик, сплетаясь из переживаний, оценок, мнений, знаний» художника [Мельникова]. Субъективность восприятия способствует рождению мифа о городе, который помогает подчеркнуть уникальность места гения и индивидуализацию его видения (по М. Веберу, *индивидуальную действительность*).

В *памяти* творца фиксируются значимые места города, связанные с ними события, эмоции и ощущения. Но в течении долгого времени в памяти (за редким исключением) хранятся не все мельчайшие детали и подробности прожитого и экзистенциального опыта. Более того, городской ландшафт подвижен: он изменяется во времени. «Онтологически любое пространство уходит от самого себя, протягивается далее самого себя, расширяется за свои пределы, всегда покинуто, оставлено (хотя бы и в самом себе, – но в самом себе уже прошлом, представленном и воображенном опять-таки пространственно)» [Замятина 2007]. В памяти стираются некоторые черты облика прошлого, потому что личность привыкает видеть обновленный город.

Память склонна к подавлению или забвению жизненных эпизодов, в том числе негативных и травматических событий. Как подчеркнул П. Нора, память «находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления», поэтому «память в силу своей чувственной и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны» [Франция-память 1999]. Каждый человек что-то помнит, что-то забывает, что-то хранит в бессознательном. Частичное/полное забвение нюансов событий способствует появлению элементов фантазийного (как приукрашиваний). М. Хайдеггер иронично заметил, «те, кто не может вспомнить прошлое, приговорены к тому, чтобы сперва его выдумать» [Хайдеггер 1993: 342]. В итоге прошлое, связанное с городским пространством, оказывается в памяти творца подвижным, позволяя появиться (осознанно/неосознанно) более привлекательным деталям и интерпретациям. Забвение способствует появлению нового, задействуя творческий потенциал личности. Вспоминая город и события, имевшие место в прошлом, творец предлагает их вариацию, подключая ресурсы воображения и осуществляя *ретроактивную проработку* (С. Жижжек). Как мы считаем, под последней подразумевается привлечение черт мифа. Благодаря этому образ города и его конкретные пространства приобретают колоритные нюансы.

Особый вклад в рождение феномена места гения с элементами мифа вносит и *идеализация*. Она свидетельствует о значимости городского пространства для творца. Передаваясь ностальгическим воспоминаниям о городе, творец пытается восстановить «экзистенциальное "ускользание" какого-то более важного, более глубокого образа» [Замятин 2011]. Гений абсолютизирует город и некоторые его локусы, нередко намеренно устраняя все негативное и конструируя лучшее. Он дает собственное идеализированное понимание пространства, существующее в его

сознании. Считается, «чем сильнее утрата, тем больше сверхусилия по увековечиванию памяти о ней, тем сильнее отдаляется прошлое и тем заметнее оно подвергается идеализации» [Бойм 2021: 58]. Прошлое идеализируется, а значит – приобретает черты мифа. Заметим, идеализация города приводит к определенным разрывам между ней и реально существующим городским пространством. Творец создает своеобразную утопию своего места, что для него оказывается удобной и выгодной конструкцией, помогающей в творческом процессе. Сама идеализация играет роль художественного приема, размывая границы между повседневностью и искусством, что свидетельствует о постоянной активности творца.

Художник, живя в городе, воспринимает его не только чувствами и разумом. К процессу освоения городских пространств подключаются интуиция и *воображение*. Увлеченность творчеством переносится и на восприятие городского ландшафта. «Онтологические модели воображения характеризуют возможности расширенной репрезентации и интерпретации культурных ландшафтов какого-либо региона» [Замятин 2021: 48]. Любой художник отличен по своему мировосприятию от окружающих людей. «В воображении творца любимое место – хранилище самых для него важных, самых глубоких образов» [Замятина 2007]. Развитое воображение подключается к видению реального, рождая специфический образ на стыке соединения «в себе и реалистического и воображаемого содержания» [Майданов 2014]. Творческая личность довольно креативно относится к пространству, в котором живет, и некоторым его локусам. Можно сказать, он создает его в своем сознании, удваивает, отталкиваясь от реального городского ландшафта. Перечисленное способствует появлению *ментального гибрида* (А.С. Майданов), к которому творец относится довольно серьезно. Как справедливо отмечает Д.Н. Замятин, происходит *пересмотр места*, что «способствует построению образа места, имеющего как бы двойное дно: хорошо известные элементы образа "обтачиваются", "обстругиваются", "отглаживаются" благодаря мощному воздействию самого гения места, ведущему в итоге к образно-географическому "дрейфу" места, его незаметной поначалу, "ползучей" содержательной трансформации» [Замятин 2011]. Истоком индивидуального *пересмотра места* оказывается не только субъективная оптика видения образа города (и городских окрестностей), идеализация и память, но и воображение, дополняющее и обогащающее деталями образ. Выбирая приятные зоны и наделяя их значением, художник творчески перерабатывает образ города. Нередко «"оптика" гения выворачивает место "наизнанку"» [Замятин 2011].

Особую роль воображение играет в одухотворении пространства, помогая создать ассоциации с людьми (историческими персонами, знакомыми либо абстрактными образами), животными, птицами или химерами собственного воображения. Осуществляется символизация города, где образ используется «в качестве символа другого объекта, одновременно фиксируя его сущность и адресуя к раскрытию через него чего-то иного (как правило, большего)» [Мартишина 2023: 58]. Воображение творца, создавая субъективный образ города, использует аналогии, перепредмечивает объекты и явления, отображает инверсный способ [Майданов 2014]. Благодаря этому образ города предстает как «интериоризированное пространство жизни, которое носит характеристики переживающего это пространство сознания, поэтому в образе города присутствует субъектность, возникает иллюзия одушевленности города» [Мельникова].

Воображение значительно обогащает образ города, насыщая его красками мифа. В результате визуальный «культурный ландшафт представляет собой сложное образование, в котором зрительные реакции и рефлексии оказываются результатом множественного воображения – одновременно и личностного, и группового» [Замятин 2021: 48]. Неслучайно изображение или описание города в художественном произведении творца современники могут не узнать: автор преподносит свое видение пространства, а каждый воспринимающий его имеет собственный образ города. Более того, художественное описание может не совпадать с фотографией и/или видеосъемкой конкретной местности, представляющих документальный формат действительности. Творец «сам привносит что-то в окружающее его пространство, фиксирует в памяти те места, которые используются им повседневно для определенных функций и целей, а также те, которые ассоциируются с важными событиями в его жизни», что «приобретает для него определенное значение» и рождает *чувство места* [Мокроусова 2012].

Приведем еще один факт связанный с привнесением черт мифа посредством воображения. Нередко «писатель, художник, режиссер творит, выдумывает фантастическое место, воображаемую страну, а те начинают жить самостоятельной жизнью, порождая сотни интерпретаций и даже удивительные события, происходящие в действительности» [Замятина 2007]. Безусловно, выдуманный город есть миф. Но он создан на основе фрагментов памятных локусов, переработанных творческим воображением.

Осознавая свою значимость как творца, нередко личность желает спрятать от людей неприятные эпизоды, связанные с его любимым городом. «Мифологизации в автобиографической/мемуарной прозе, связанные с проговариванием судьбоносных ситуаций, в том числе и непонятных, заставляют творца рефлексировать над уже бывшим и выстраивать траектории будущего, а также изменять акценты в описании» [Яковлева 2023а: 162]. Художник создает для окружающих людей свой лучший портрет, намеренно укрывая негативный городской опыт или преподнося его в ином ракурсе. Творец склонен к эстетизации сущего: он во всем видит красоту или возводит мир в прекрасное, что касается и его сакрального места. Он создает «сюжетные истории об объекте» и «формирует образ города в глазах его жителей» [Мартишина 2023: 53]. И данный прием способствует обретению вокруг места гения мифизаций.

Анализ проблемы места гения с точки зрения мифа заставляет говорить еще об одном аспекте. У каждого городского пространства и его отдельных локусов можно обнаружить неосознаваемые качества, которые создают трудноуловимую и труднодостижимую *ауру*. Это своеобразный «индивидуальный характер города, его атмосфера, его осязаемое настроение» [Мокроусова 2012], которые необходимо уловить, что дано не каждому. Нередко творец чувствует город не только телесно и аффективно, но и дорефлективно. Он проникается городской средой, и буквально интуитивно улавливает/понимает ее сердцевину. «Захваченность аурой происходит при пристальном, сосредоточенном, пытливым, участливым смотрении» на объект, в результате чего «аура может неожиданно накрыть... (поразить/изумить с первого взгляда) либо постепенно захватывать» [Яковлева 2023б]. И подобный захват аурой города можно назвать процессом сакральным, глубоко интимным, доступным избранным. Данный «мистический опыт концентрирует и актуализирует все "сущностные силы" человека, сопровождается богатейшей

гаммой эмоциональных переживаний, порождает токи высокой духовной напряженности, задевает глубинные чувственные струны» [Найдыш 2023: 86]. Благодаря расположенности к бытию гений начинает ощущать ауру, что приводит к переживанию *взрыва присутствия* (О.А. Кривцун). Попытка передать ауру городского пространства в произведениях наделяет место гения дополнительными характеристиками мифа.

Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод: «гений и место являют собой единство отношений» между образами и мифами «"примордиального" сознания и подсознательного (а может быть, и бессознательного)» и «локальными, очень местными и сиюминутными метафорами и метонимиями повседневного, обычного бытия и быта» [Замятина 2007].

Заключение (Conclusions)

У каждого творца есть любимое пространство, получаемое при жизни или после его смерти статус места гения. Оно обладает чертами *локального (пространственного) мифа* (Н.Ю. Замятина, Д.Н. Замятин). Место гения сопряжено с образом города. В сознании творца, в его произведениях и воспоминаниях любимый город начинает жить собственной жизнью, приукрашенной воображением, что заставляет ностальгировать по ушедшим годам в особом пространстве города как мифа. Место гения связано с вплетением черт мифа в понимание города со стороны самого творца. И особую роль в его формировании играют субъективное восприятие города, особенности памяти, идеализация, креативный подход, эстетизация, желание значимости, чувство ауры городского пространства. Благодаря перечисленным особенностям образ города приобретает расширенную репрезентацию, имеющую субъективный модус. Место гения становится своеобразным (воображаемым) контекстом, позволяющим интерпретировать личность творца и его произведения. При расшифровке мифизированного места гения мы можем глубже понять художника и тайные шифры его произведений, что расширит знания в целом о личности художника, особенностях творческого процесса и динамике развития образа города как места гения. Проведенный анализ очередной раз подтверждает тезис о том, что миф выступает в качестве универсалии и смысловой матрицы культуры, а мифотворчество является антропологической потребностью.

Литература

Алексеева В.Л. Структура концепта «гений места» // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки, 2015, Т.6, № 2. С. 88–91.

Бойм С. *Будущее ностальгии.* Москва: Новое литературное обозрение, 2021. 680 с.

Генисаретский О.И., Зильберман Д.Б. Возможность философии. Переписка 1975–1977 гг. Москва: Путь, 2001. 352 с.

Дианов С.А., Дианова Ю.В. «Гений» неугасающего места: геокультурные вызовы и образовательные скрепы // Культурный код, 2023, № 2. С. 9–22.

Замятина Н.Ю., Замятин Д.Н. Гений места и город: варианты взаимодействия // Вестник Евразии, 2007. С. 62–87 // [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geniy-mesta-i-gorod-varianty-vzaimodeystviya> (дата обращения: 5.05.2024).

Замятин Д.Н. Гений и место: в поисках сокровенных пространств // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2011. С. 37–52 // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.domgogolya.ru/science/researches/1372/#> (дата обращения: 5.05.2024).

Замятин Д.Н. Геокультурное пространство Арктики: визуализация ландшафтов и онтологические модели воображения // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики, 2021, Вып. 1 (27). С. 48–94.

Лютикова Г.В. Гений – место – гений места (к постановке проблемы) // География и туризм, 2018, № 1. С. 143–149.

Майданов А.С. Малый органон мифологического творчества // Философская мысль, 2014, № 2. С. 71-162 // [Электронный ресурс]. URL: https://enotabene.ru/fr/article_11070.html (дата обращения: 5.05.2024).

Мартишина Н.И. Мифологизация как способ познавательного освоения объекта // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология», 2023, №1(5). С. 53–68.

Мельникова С.В., Поршнева О.С. Образ города и его функционирование в культурноисторическом контексте: к постановке проблемы (на примере Екатеринбурга) // [Электронный ресурс]. URL:

<https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/43838/1/iuro-2016-158-16.pdf> (дата обращения: 5.05.2024).

Мокроусова А.К. Образы города как ресурс анализа социального пространства // Журнал социологии и социальной антропологии, 2012 // [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-goroda-kak-resurs-analiza-sotsialnogo-prostranstva> (дата обращения: 5.05.2024).

Найдыш В.М. «Мистический опыт» и фольклорное творчество // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология», 2023, №1(5). С. 84–93.

Пивоев В.М. «Диктатура зрительности» в европейском сознании: мифологический аспект // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология», 2023, №1(5). С. 132–146.

Ранпанорт А. О месте и гении места // Проект Байкал, 2023, Т. 20, № 77. С. 56–58.

Рош Карсель Д., Карретеро Пасин А. Индивидуализм без личностей. Социологический подход к капиталистической символике небоскребов Чикаго и Нью-Йорка // Город, территория и архитектура, 2022. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40410-022-00171-4> // [Электронный ресурс]. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.bce10d0f-66196195-34ea078b-74722d776562/https/cityterritoryarchitecture.springeropen.com/articles/10.1186/s40410-022-00171-4?__ya_mt_enable_static_translations=1 (дата обращения: 5.05.2024).

Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. Санкт-Петербург, 1999. 333 с. // [Электронный ресурс]. <https://djvu.online/file/AcdE48vjCp1xP> (дата обращения: 10.05.2024).

Хайдеггер М. Бытие и время. Москва: Республика, 1993. 447 с. // [Электронный ресурс]. URL: https://imwerden.de/pdf/heidegger_vremya_i_bytie_1993.pdf (дата обращения: 5.05.2024).

Яковлева Е.Л. Онтологические и мифологические основания судьбы // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология», 2023, №1(5). С. 156–167.

Яковлева Е.Л. Разрушении ауры искусства в творчестве Энди Уорхола // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2023, Т. 23, № 1. С. 69–79 // [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V232> (дата обращения: 5.05.2024).

References

Alekseeva V.L. The structure of the concept of "the genius of a place" // Izvestia of higher educational institutions. Series: Humanities. 2015. Vol. 6. № 2. Pp. 88–91. (In Russian).

Boym S. The future of nostalgia. Moscow: New Literary Review, 2021. 680 p. (In Russian).

Genisaretsky O.I., Zilberman D.B. The possibility of philosophy. Correspondence 1975-1977 Moscow: Put, 2001. 352 p. (In Russian).

Dianov S.A., Dianova Yu.V. "The Genius" of an undying place: geocultural challenges and educational staples // Cultural Code. 2023. № 2. Pp. 9–22. (In Russian).

Zamyatina N.Yu., Zamyatin D.N. Genius of place and city: interaction options // Bulletin of Eurasia. 2007. Pp. 62–87 // [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geniy-mesta-i-gorod-varianty-vzaimodeystviya> (date of application: 05/10/2024). (In Russian).

Zamyatin D.N. Genius and place: in search of hidden spaces // Literature of the Urals: history and modernity. Yekaterinburg: Ural Publishing House. Unita. 2011. Pp. 37–52 // [Electronic resource]. URL: [#https://www.domgogolya.ru/science/researches/1372](https://www.domgogolya.ru/science/researches/1372) /# (accessed: 10.05.2024). (In Russian).

Zamyatin D.N. Geocultural space of the Arctic: visualization of landscapes and ontological models of imagination // ПРАΞΗΜΑ. Problems of Visual Semiotics. 2021. № 1 (27). Pp. 48–94. (In Russian).

Lyutikova G.V. Genius – place – genius of place (to pose a problem) // Geography and Tourism. 2018. № 1. Pp. 143–149. (In Russian).

Maidanov A.S. Small organon of mythological creativity // Philosophical Thought. 2014. № 2. Pp. 71–162 // [Electronic resource]. URL: https://e-notabene.ru/fr/article_11070.html (accessed: 10.05.2024). (In Russian).

Martishina N.I. Mythologization as a way of cognitive development of an object // Mythologos. The series "Philosophy of Myth: ontology, axiology, methodology". 2023. №1(5). Pp. 53–68. (In Russian).

Melnikova S.V., Porshneva O.S. The image of the city and its functioning in a cultural and historical context: to pose a problem (on the example of Yekaterinburg) // [Electronic resource]. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/43838/1/iuro-2016-158-16.pdf> (accessed: 10.05.2024). (In Russian).

Mokrousova A.K. Images of the city as a resource for analyzing social space // Journal of Sociology and Social Anthropology, 2012 // [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-goroda-kak-resurs-analiza-sotsialnogo-prostranstva> (accessed: 10.05.2024). (In Russian).

Naidysh V.M. "Mystical experience" and folklore creativity // Mythologos. The series "Philosophy of Myth: ontology, axiology, methodology". 2023. №1(5). Pp. 84–93. (In Russian).

Pivoev V.M. "The dictatorship of visual perception" in the European consciousness: a mythological aspect // Mythologos. The series "Philosophy of Myth: ontology, axiology, methodology". 2023. №1(5). Pp. 132–146. (In Russian).

Rappaport A. About the place and the genius of the place // Project Baikal. 2023. Vol. 20. № 77. Pp. 56-58. (In Russian).

Roche Karsel D., Carretero Pasin A. Individualism without personalities. A sociological approach to the capitalist symbolism of the skyscrapers of Chicago and New York // City, Territory and Architecture, 2022. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40410-022-00171-4> // [Electronic resource]. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.bce10d0f-66196195-34ea078b-74722d776562/https/cityterritoryarchitecture.springeropen.com/articles/10.1186/s40410-022-00171-4?__ya_mt_enable_static_translations=1 (accessed: 10.05.2024). (In Russian).

France-memory / P. Nora, M. Ozouf, J. de Puimezh, M. Vinok. St. Petersburg, 1999. 333 p. // [Electronic resource]. <https://djvu.online/file/AcdE48vjCp1xP> (accessed: 10.05.2024). (In Russian).

Heidegger M. Being and Time. Moscow: Respublika, 1993. 447 p. // [Electronic resource]. URL: https://imwerden.de/pdf/heidegger_vremya_i_bytie_1993.pdf (accessed: 10.05.2024). (In Russian).

Yakovleva E.L. Ontological and mythological foundations of fate // Mythologos. The series "Philosophy of Myth: ontology, axiology, methodology". 2023. №1(5). Pp. 156–167. (In Russian).

Yakovleva E.L. The destruction of the aura of art in the work of Andy Warhol // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences, 2023, vol. 23, No. 1. pp. 69–79 // [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V232> (accessed: 10.05.2024). (In Russian).

Сведения об авторе:

Яковлева Елена Людвиговна

профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова», доктор философских наук, доцент (г. Казань, Россия).

E-mail: mifoigra@mail.ru

Bionotes:

Iakovleva Elena Ludvigovna

Professor Department of Philosophy and Socio-Political Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Kazan, Russia).

Для цитирования:

Яковлева Е.Л. Город как место гения в контексте мифотворчества // Мифологос. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования», № 2(10), 2024. С. 78–89.

For citation:

Yakovleva E.L. City as a Place of Genius in the Context of Myth-making // Mythologos. The Mythic Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies Series, no. 2(10), 2024. Pp. 78–89.

АВТОРЫ / AUTHORS



Арпентьева Мариям Равильевна

ведущий научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Факультета социальных наук и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», доктор психологических наук, доцент (г. Москва, Россия).

Arpentieva Mariam Ravilievna

Leading Researcher of the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Associate Professor (Moscow, Russia).



Вереш Петер Тибор

ведущий научный сотрудник Института комплексных исследований гуманитарных наук, Академия наук Венгрии, доктор исторических наук, профессор (г. Будапешт, Венгрия).

Veres Peter Tibor

Leading Researcher of the Institute for the Integrated Studies of the Humanities of the Hungarian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor (Budapest, Hungary).



Капля Ксения Александровна

исследователь, Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, кафедра истории и международных отношений (г. Севастополь, Россия).

Kaplya Ksenia Aleksandrovna

Researcher, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Department of History and International Relations (Sevastopol, Russia).



Лукина Маргарита Петровна

старший научный сотрудник Отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия).

Margarita Lukina

Senior Researcher, Department of Northern Philology Institute of Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North Institute of Humanitarian Research and Problems of Small-numbered Peoples of the North Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia).



Найдыш Ольга Вячеславовна

преподаватель кафедры онтологии и теории познания факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, кандидат философских наук (г. Москва, Россия).

Naidysh Olga Vyacheslavovna

Lecturer of the Department of Ontology and Epistemology of Peoples Friendship University of Russia, Candidate of Philosophy (Moscow, Russia).



Ставицкий Андрей Владимирович

доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, ген. директор ООО «ТБС Пабблишинг», гл. редактор научного периодического журнала «Мифологос» (г. Севастополь, Россия).

Stavitskiy Andrey Vladimirovich

Associate Professor, Department of History and Foreign Affairs, Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University; Director General of CSB Publishing LLC, Editor-in-Chief of the Scientific Periodical “Mythologos”, Candidate of Philosophy (Sevastopol, Russia).



Судейменов Ибрагим Эсенович

академик Национальной инженерной Академии Республики Казахстан, доктор химических наук, кандидат физико-математических наук (Республика Казахстан).

Suleimenov Ibragim Esenovich

Academician of the National Engineering Academy of the Republic Kazakhstan, Doctor of Chemic, Candidate Physical and Mathematical Sciences (The Republic of Kazakhstan).



Яковлева Елена Людвиговна

заведующий кафедрой философии и социально-политических дисциплин ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова», доктор философских наук, кандидат культурологии, профессор (г. Казань, Россия).

Yakovleva Elena Lyudvigovna

Head of the Department of Philosophy and Social and Political Disciplines, Timiryasov Kazan Innovative University, Doctor of Philosophy, Candidate of Culturology, Professor (Kazan, Russia).

**Международный гуманитарный университет им. П.П. Семёнова –
Тян-Шанского (Санкт-Петербург)
Российское общество исследователей мифа
ООО «ТБС Пабблишинг» (Севастополь)**



ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Уважаемые коллеги!
Приглашаем вас принять участие в
VIII Международной научной конференции

МИФ В ИСТОРИИ, ПОЛИТИКЕ, КУЛЬТУРЕ

ОРГАНИЗАТОРЫ:

- **Международный гуманитарный университет им. П.П. Семёнова – Тян-Шанского (Санкт-Петербург)**
- **Российское общество исследователей мифа**
- **ООО «ТБС Пабблишинг» (Севастополь)**
- **Научный периодический журнал «МИФОЛОГОС»**

Дата проведения конференции: 24–28 июня 2025 года.

Место проведения: Севастополь

Конференция задумана как площадка для обсуждения актуальных тем информационной политики с разных позиций в форме научного дискурса и призвана обеспечить свободный обмен информацией по новейшим исследованиям мифа и мифотворчества, публикации результатов научных исследований, обмен научными результатами, а также установление творческих контактов между учеными.

Целью конференции является повышение конкурентоспособности и инновационности отечественной науки, обмен практическим и теоретическим опытом, развитие научно-исследовательской деятельности и обмен опытом в области исследования мифа и его функционирования в обществе представителей различных наук, решение задач современной науки, укрепление единого научно-образовательного пространства.

К участию в конференции приглашаются:

– преподаватели, аспиранты, магистранты, студенты, ученые, научные сотрудники российских и зарубежных университетов и институтов;

– исследователи мифа и мифотворчества с позиций философии, антропологии, социологии, культурологии, психологии, этнологии, истории, политологии, международных отношений, семиологии, филологии, лингвистики, журналистики и других научных дисциплин, включая его концептуальные и прикладные направления.

Формат конференции – очный / дистанционный (онлайн).

ВНИМАНИЕ!

Организаторы не несут расходы за проезд, проживание и питание участников.

На конференции предлагаются следующие темы для обсуждения:

1. *Человек мифический: прошлое, настоящее, будущее. Роль мифа в жизни человека и общества. Ремифологизация мифа: причины и последствия. Проблема преодоления мифа. Миф в человеке и человек в мифе. Мифы повседневности.*

2. *Миф как универсалия и смысловая матрица культуры. Великие мифы великих культур. Роль мифа в жизни общества. Культурно-символический ресурс мифа. Универсальные мифоосновы человеческого бытия и психологические практики. Проявление мифа через культы и табу.*

3. *Миф как поле ценностных смыслов. Мифопоэтическое восприятие народов и людей. Синергия смыслов и ценностей в условиях социального, этнокультурного и религиозного многообразия. Миф в литературе и культуре. Миф и поэтика исторического действия.*

4. *Причины и смысл мифотворчества, его природа и предназначение. Смысловое многообразие мифотворчества. Мифотворчество как антропологическая потребность и исторически предопределённое упорядочение хаоса. Исторический контекст и социокультурные пределы мифотворчества.*

5. *Миф и проблемы познания. Возможности науки и её право на истинность. Миф в контексте объективности научного познания. Миф и основы научной методологии. Миф в процессе социального познания. Истина мифа и миф истины.*

6. *Миф и логос. Наука и миф: причины и особенности взаимоотношения. Миф как единство множеств в контексте научной специализации. Борьба с мифом как основа научного познания и мифотворчества. Причины современного*

расширительного понимания мифа. Преодоление наукой мифа как опыт её мифологизации. Причины и условия для современного научного мифотворчества. Миф и наука: диалектика взаимодействия и соотношения.

7. Миф и слово: языковая сущность мифа в контексте смыслового многообразия. Вербальное измерение мифотворчества в культурном пространстве и социальном времени: тексты, подтексты и контексты.

8. Миф как универсальный объект. Онтологические основы мифа в его расширительном толковании. Миф традиционный и современный: опыт сравнительного анализа. Миф в социальном пространстве и времени. Особенности отношения мифа и времени. Эволюция мифа: пределы и возможности.

9. Миф в истории и историческом поле сознания. Особенности исторической памяти. Причины и характер исторической политики. Битва за историю в контексте исторического мифотворчества. Смысл и назначение мифоистории. Особенности и роль мифоистории в жизни обществ и государств. Национально-исторический миф Украины.

10. Миф как инструмент политики и фактор национальной безопасности. Роль мифа в межкультурном взаимодействии. Миф в информационно-психологических, ментальных и концентриальных войнах. Роль мифа в идентификационных практиках и психотехниках.

11. Мифы России и о России в контексте её исторического развития. Роль мифа в формировании этнокультурной идентичности. Культурные коды России. Россия на переломе: вызовы и ответы. Миф и проектное мышление. Россия и Запад в контексте мифотворчества.

12. Миф в контексте глобального взаимодействия цивилизаций. Роль мифа в условиях глобального трансформационного кризиса, формирования нового мирового порядка и перехода к шестому технологическому укладу. Миф в конкуренции проектов и стратегий. Эсхатологические мотивы современной мифологии.

Программа конференции будет сформирована на основании поступивших заявок и размещена на официальном сайте Международного гуманитарного университета им. П.П. Семёнова – Тян-Шанского (Россия) в разделе «Наука» до 15 июня 2025 года (<http://www.mgu-spb.ru>).

Рассылка информационного письма осуществляется в системе рассылки, включая зарубежные страны.

Статья должна быть написана на русском или английском языке в соответствии с требованиями (см. ниже). Файл в формате doc, docx с текстом.

Оригинальность текста должна быть не менее 80% по системе Антиплагиат.

Внимание!

Срок подачи заявок на конференцию – до 1 марта 2025 года включительно.

Предоставление статей – до 15 марта 2025 года.

В особых случаях возможны исключения, но их нужно оговаривать персонально.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ ЗАЯВОК И МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ УЧАСТИЯ В КОНФЕРЕНЦИИ

Для участия в конференции необходимо в срок **до 1 марта 2025 года** включительно заполнить и прислать заявку на участие. В ней без таблицы указать Ф.И.О., место работы (учебы), должность, название доклада на русском и английском

языках, прикрепить файл doc, docx или rtf с текстом статьи для публикации, оформленным согласно требованиям (см. ниже).

Адрес электронной почты: stavis@rambler.ru

Помимо статьи от новых участников конференции в случае отправки статьи необходима *цветная фотография автора(ов)* (в формате jpg, jpeg, разрешение от 300 dpi) — плечевой портрет (фотографии «на паспорт» не желательны).

Рабочий язык конференции – русский, английский. Статьи к публикации в сборнике принимаются на любом из европейских языков. Предпочтение отдаётся русскому языку.

В сборнике допускается публикация более одной статьи одного автора.

По итогам конференции будет выпущен электронный сборник трудов участников.

Статьи будут размещены в сборнике трудов конференции или в журнале «Мифологос»

Все статьи сборника и журнала будут индексированы в РИНЦ и постатейно размещены в научной электронной библиотеке www.elibrary.ru, а также в других базах данных.

Предыдущие выпуски сборников конференции размещены по электронному адресу: <https://sev.msu.ru/mif-v-istorii-politike-kul-ture/>

Соответственно:

Первый сборник – <https://sev.msu.ru/mif-v-istorii-politike-kul-ture/>

Второй сборник – <https://sev.msu.ru/wp-content/uploads/2019/06/00.-Mif-19-sbornik-okonch..pdf>

Третий сборник – <https://sev.msu.ru/wp-content/uploads/2019/11/Sbornik- Mif-2019-s-oblozhkoi.pdf>

Четвертый сборник - <https://sev.msu.ru/wp-content/uploads/2020/12/Sbornik- Mif-2020.pdf>

Пятый сборник – <https://sev.msu.ru/wp-content/uploads/2022/02/01a.-Mif-sbornik-5-2021-v.pdf>

Шестой сборник – https://sev.msu.ru/wp-content/uploads/2023/07/Mif-sbornik-6_final.pdf

Седьмой сборник –

Номера журнала «Мифологос» можно посмотреть здесь: <https://mythologos.ru/журналы/>

Окончательное решение о публикации программный комитет оставляет за собой. Не прошедшие экспертизу материалы авторам не возвращаются.

Структура статьи. Текст статьи должен быть разбит на части, заголовки должны быть подписаны: Аннотация (Abstract). Ключевые слова (Keywords). Введение (Introduction). Методы (Methods). Литературный обзор (Literature Review). Результаты и обсуждение (Results and Discussion). Заключение (Conclusions). Литература (Reference).

При этом УДК, название статьи, ФИО и место работы автора, аннотация, ключевые слова, а также Литература/Reference обязательны при оформлении и пишутся без отступа. Остальное деление носит рекомендательный характер, но особенно желательно в случае большого объёма статьи и обязательно для журнала «Мифологос».

Уточняем каждый аспект.

Аннотация – оптимальный объём 50-150 слов. Аннотация должна включать в себя информацию об актуальности и цели исследования, методологии и результатах, но не повторять дословно выводы. Аннотация не должна содержать ссылки и аббревиатуры.

Ключевые слова – 5-8 слов. **Ключевые слова** отделяются друг от друга **точкой с запятой**.

Аннотация и ключевые слова пишутся на русском и английском языках.

Перевод следует делать в DeepL переводчик.

Введение определяет суть проблемы, включает краткое описание актуальности, цели и перспективы исследования, а также позицию автора по заявленной теме. По содержанию предваряет основной текст.

В **Литературном обзоре** даётся анализ (обзор) использованной литературы и материала для обоснования теоретической базы исследования. В нём должны быть названы работы предшественников, положенные в основу исследования, показаны общие тенденции исследования темы и уточнены пробелы в исследованиях, которые статья разъясняет.

В **Методах** должны быть названы методы и желательно описана методология, которая применялась автором для достижения результатов.

В **Результатах и обсуждении** раскрывается основная часть статьи, общие положения и новизна исследования, которые проявляются в идеях, к которым пришёл автор в результате исследования, а также показано сравнение и интерпретация результатов исследования с аналогичными исследованиями и определяется место полученных результатов в структуре научного знания.

Заключение (Выводы) должны быть сжатым описанием основной части статьи, включая изложение основного смысла выводов относительно поставленной цели, научную ценность исследования и возможные сферы применения.

В списке **Литературы** предлагается поместить около 20 работ. Из них рекомендуется до половины всех публикаций отводить иностранным источникам. Предпочтение отдается изданиям, рецензируемым в Scopus и WoS. Для них обязательно включать DOI. Желательны 2-5 работ, опубликованных за последние 3-5 лет.

Список литературы публикуется с отступом.

Особая просьба для авторов: **в статье должны быть цитаты и ссылки на тексты предыдущих сборников конференции «Миф в истории, политике, культуре», а также статей из журнала «Мифологос» (<https://mythologos.ru/новости/>)**.

Выдвигая данное требование, организаторы исходят из того, чтобы авторы сборника и участники конференции знакомились с работами тех исследователей,

которые занимаются изучением близкой им тематики и готовы помогать продвигать заявленные в них идеи.

Помимо этого, считается важным **начать или закончить статью таким теоретическим обобщением, которое касается ключевых вопросов мифа и мифотворчества, их онтологических, эпистемологических и аксиологических начал. Напомним, что именно из таких фраз по сложившейся традиции выбираются эпиграфы для разделов сборника (см.: № 4, 5, 6, 7).**

Требования к оформлению текста статьи

Объём текста статьи от 0,3 (для сборника) и 0,5 (для журнала) до 1 усл. печ. л. (15-40 тыс. знаков), шрифт Times New Roman, **кегель 13**, интервал одинарный. Поля со всех сторон 2 см.

Абзац (отступ): 1,25 см.

Посмотрите, чтобы отсутствовали интервалы между слов.

Элементы оформления статьи: УДК, DOI: (слева без отступов), пустая строка, ЗАГОЛОВОК (заглавными буквами, жирным шрифтом, по центру), пустая строка, фамилия, имя, отчество автора (жирный шрифт), место работы, в скобках – город, страна. Пустая строка. Аннотация и ключевые слова (шрифт 12) на русском и английском языках, пустая строка. Основной текст (13 шрифт с отступом), пустая строка, Литература (жирный шрифт, по центру без отступов), пустая строка. После указанных данных точка не ставится.

Уточним детали.

Вся шапка статьи (УДК, название, ФИО, место работы, аннотация, ключевые слова) пишется без отступа

В левом верхнем углу (**без отступа**) построчно указываются: УДК (нежирным шрифтом) и DOI (без указания номера), в центре жирным шрифтом, заглавными буквами – НАЗВАНИЕ, через строку – фамилия, имя, отчество автора, ниже – (нежирным шрифтом, прямая строка) название научного учреждения. Город, страна даются в скобках.

Аннотация +ключевые слова (отделённые друг от друга точкой с запятой).

Затем все эти данные на английском языке.

Страницы не нумеруются.

После текста статьи и списка литературы пишутся полные данные автора.

ФИО полностью (жирным курсивом, с отступом).

С новой строки: должность с местом работы (в случае, если участник не работает в научной сфере или не имеет научной степени, пишется «исследователь»), научная степень, ученое звание, в скобках: город проживания и страна. С отдельной строки – e-mail

Название научного учреждения пишется полностью в соответствии с официальным названием.

Сведения об авторе:

Яковлева Елена Людвиговна

профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова», доктор философских наук, доцент (г. Казань, Россия).

E-mail: mifoigra@mail.ru

Bionotes:

Iakovleva Elena Ludvigovna

Professor, Department of Philosophy and Socio-Political Disciplines, Timiryasov Kazan Innovative University, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Kazan, Russia).

Пример оформления статьи:

УДК 94(47)

DOI:

МИФЫ ОБ ИВАНЕ ГРОЗНОМ

Иванов Иван Иванович

Ивановский государственный университет имени Ивана Иванова
(г. Иваново, Россия)

Аннотация

Текст

Ключевые слова: слово; слово

MYTHS ABOUT IVAN THE TERRIBLE

Ivanov Ivan Ivanovich

Ivanov Ivanovo State University (Ivanovo, Russia)

Abstract

Key words:

Введение (Introduction)

Текст статьи....

Литература

Список литературы (с отступом и без нумерации)

Список литературы под заголовком «Литература» приводится в конце текста. **Источники в списке приводятся по алфавиту**, список оформляется по приводимому ниже примеру. **Нумерация списка литературы не делается.** Количество страниц в упомянутой литературе обязательно. **Место (город) издания пишется полностью.**

Варианты оформления литературы

Ясперс, К. (1994) Смысл и назначение истории: Пер. с нем. 2-е изд. Москва: Республика. 527 с.

Антология мировой философии (1969): В 4 т. Москва: Мысль. Т. 1. 576 с.

Иванов, В. (1994) Ницше и Дионис // Иванов В. Родное и вселенское. Москва: Республика. С. 26–34.

Рифтин, Б.Л. (1975) Китайская мифология // Мифы народов мира: энц. в 2 т., Т. 1. С. 652–662.

Разлогов, К. (2006) Контексты культуры. Образы Америки? // Искусство кино. №10. С. 12–14.

Гачев, Г.Д. Национальные образы мира. Лекция Георгия Гачева. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2007/05/24/kulturosob/> (дата обращения: 21.02.2018).

Миф в истории, политике, культуре (2021) [Электронный ресурс]: Сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2021 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе. 576 с. DOI: 10.35103/SMSU.2021.86.74.001

Кьеркегор, С., Мэй, Р. (2022) Очищение страхом или Экзистенция свободы. Москва: Литрес. 260 с.

Зайченко, С.С. (2013) Художественный кинодискурс исторического жанра в пространстве семиосферы // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2013, № 7 (25): в 2-х ч. Ч. 1. С. 69–72.

Бодрийяр, Ж. Эстетика иллюзий и эстетика утраты иллюзий // Гуманитарные технологии. Аналитический портал. // [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3090> (дата обращения: 07.07.2021).

Ссылки на список литературы в тексте отмечаются в квадратных скобках с указанием страницы, на которую делается ссылка (при необходимости): [Найдыш 2021: 364], где сначала пишется фамилия автора, потом год издания статьи или монографии, а затем после двоеточия количество страниц. В случае, если у цитируемого автора используется две и более работ одного года издания, пишется [Ставицкий, 2012а] или [Ставицкий 2012б: 315], и т.д.

После Литературы обязателен References, т.е. перевод литературы на английский язык.

Английские слова (существительные, глаголы, прилагательные) в названии должны начинаться с заглавной буквы.

После издательства должно идти уточнение Publ.

Количество страниц в статьях обозначается Pp.

После отечественных работ должно быть добавлено (In Russian). В целом текст должен выглядеть так:

Stavitskiy, A.V. (2012) Ontology of the Modern Myth. Sevastopol: Ribest Publ. 543 p. (In Russian).

Lukin, A. (1992) In the Magical Labyrinth of Consciousness. Literary Myth of XX Century // Foreign literature. № 3. Pp. 234–249. (In Russian).

Harris W. How the Grim Reaper Works. 21.04.2021. [Electronic resource]. URL: <https://science.howstuffworks.com/science-vs-myth/strange-creatures/grim-reaper.htm> (accessed: 08.08.2022).

Особая просьба авторам:

- 1) Обратите внимание на тире в тексте и при разделении страниц в списке литературы. Тире (–) не должно подменяться дефисом (-).
- 2) Проверьте все интервалы между слов, чтобы не было двойных и более.
- 3) **Пожалуйста, вычитайте свой текст и проверьте соблюдение правил, т.к. редакция текстов, которые не вычитаны авторами, забирает ОЧЕНЬ много времени при проверке и отодвигает сроки выпуска сборника и журналов.**

Помните, что организаторы не только несут затраты на рецензирование статей, редакторские услуги, предоставление сборнику ISBN и журналу ISSN, а статьям международного индекса DOI, размещение статей в научной электронной библиотеке www.elibrary.ru и в других базах данных, рассылку электронной версии сборника трудов в библиотеки РФ и других стран, но и тратят огромное время на проверку, рецензирование, вычитку и редактирование присланных вами текстов.

В связи с этим **просим помочь редактору точным соблюдением всех указанных требований и вычитать текст своей статьи настолько это возможно.**

Координатор конференции: со-председатель Оргкомитета конференции доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, главный редактор научного периодического журнала «Мифологос», генеральный директор ООО «ТБС Пабблишинг» Андрей Владимирович Ставицкий.

Форма участия в конференции: очная / заочная (дистант).

В работе конференции будет предусмотрен distant-формат, который планируется провести 25–29.06.2024.

Все доклады для заочного участия будут делиться на следующие **секции:**

1. Философия, психология, когнитивные исследования.
2. Мифы культуры: литература, искусство, поэтика, семиотика.
3. Социальные науки: история, политология, социология.

Условия участия в конференции: своевременная подача заявки или статьи, соблюдение требований к оформлению статьи.

Языки конференции: русский, английский.

Информацию по вопросам конференции участники могут получить, направив электронное письмо А.В. Ставицкому по адресу:

stavis@rambler.ru

Всего Вам доброго!
Благодарим за сотрудничество.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЕ В ЖУРНАЛ «МИФОЛОГОС»

Статья должна быть написана на русском или английском языке в соответствии с требованиями (см. ниже). Файл в формате doc, docx с текстом.

Оригинальность текста должна быть не менее 80% по системе Антиплагиат.

Помимо статьи от новых авторов журнала необходима **цветная фотография автора(ов)** (в формате jpg, jpeg, разрешение от 300 dpi) — плечевой портрет на однородном фоне (фотографии «на паспорт» не принимаются).

Рекомендуемая структура статьи

Текст статьи должен быть разбит на части, подзаголовки должны быть подписаны (шрифт жирный, курсив, выравнивание по левому краю с абзацным отступом): Аннотация (Abstract). Ключевые слова (Keywords). Введение (Introduction). Методы (Methods). Литературный обзор (Literature Review). Результаты и обсуждение (Results and Discussions). Заключение (Conclusions). Литература (Literature).

Уточняем каждый аспект.

Аннотация – оптимальный объём 100-150 слов. Шрифт 12 Times New Roman. Аннотация должна включать в себя информацию об актуальности и цели исследования, методологии и результатах, но не повторять дословно выводы. Аннотация не должна содержать ссылки и аббревиатуры. Заголовок «**Аннотация**» пишется жирным шрифтом, без абзацного отступа. Точка не ставится.

Ключевые слова: 5-8 слов. Ключевые слова отделяются друг от друга точкой с запятой. После последнего слова точка не ставится. Заголовок «**Ключевые слова**» пишется жирным шрифтом, курсивом, без абзацного отступа, после заголовка ставится двоеточие. После последнего слова точка не ставится.

Аннотация и ключевые слова пишутся на русском и английском языках.

Введение определяет суть проблемы, включает краткое описание актуальности, цели и перспективы исследования, а также позицию автора по заявленной теме.

В **Литературном обзоре** даётся анализ (обзор) использованной литературы и материала для обоснования теоретической базы исследования. В нём должны быть названы основные работы предшественников, положенные в основу исследования, показаны общие тенденции исследования темы и уточнены пробелы в исследованиях, которые статья разъясняет.

В **Методах** должна быть названа и желательно описана методология, которая применялась автором для достижения результатов.

В **Результатах и обсуждении** раскрывается основная часть статьи, общие положения и новизна исследования, которые проявляются в идеях, к которым пришёл автор в результате исследования, а также показано сравнение и интерпретация результатов исследования с аналогичными исследованиями и определяется место полученных результатов в структуре научного знания.

Заключение (Выводы) должны быть сжатым описанием основной части статьи, включая изложение основного смысла выводов относительно поставленной цели, научную ценность исследования и возможные сферы применения.

В списке **Литературы** предлагается поместить около 15-20 работ. Сначала отечественные, затем – иностранные. Из них предпочтение отдается изданиям, рецензируемым в Scopus и WoS. Для них обязательно включать DOI. В том числе 2-3 работы, опубликованные за последние 3-5 лет.

Подчеркиваем, что все данные требования носят рекомендательный характер, но крайне желательны.

Особая просьба для авторов: **в статье обязательно должны быть цитаты и ссылки на тексты предыдущих журналов «Мифологос» и сборников конференции «Миф в истории, политике, культуре».**

Выдвигая данное требование, организаторы исходят из того, чтобы авторы сборника и участники конференции знакомились с работами тех исследователей, которые занимаются изучением близкой им тематики.

Помимо этого, считается важным **начать или закончить статью таким теоретическим обобщением, которое касается ключевых вопросов мифа и мифотворчества, их онтологических, эпистемологических и аксиологических начал.**

Требования к оформлению текста статьи

Объём текста статьи от 0,5 усл. печ. л. (20-40 тыс. знаков), шрифт Times New Roman, **кегель 13**, интервал одинарный. Поля со всех сторон 2 см. Абзац: 1,25 см.

Элементы оформления статьи: УДК, DOI: (слева без отступов), пустая строка, **ЗАГОЛОВОК** (заглавными буквами, жирным шрифтом, по центру), пустая строка, фамилия, имя, отчество автора (жирный шрифт), место работы, в скобках – город, страна. Пустая строка. Аннотация и ключевые слова (шрифт 12) на русском и английском языках, пустая строка. Основной текст (13 шрифт с отступом), пустая строка, Литература (жирный шрифт, по центру без отступов), пустая строка. После указанных данных точка не ставится.

Уточним детали.

В левом верхнем углу (**без отступа**) построчно указываются: УДК (нежирным шрифтом) и DOI (без указания номера), в центре жирным шрифтом, заглавными буквами – НАЗВАНИЕ, через строку – фамилия, имя, отчество автора, ниже – (нежирным шрифтом, прямая строка) название научного учреждения. Город, страна даются в скобках.

Аннотация +ключевые слова.

Затем все эти данные на английском языке.

Страницы не нумеруются.

После текста статьи и списка литературы пишутся полные данные автора.

ФИО полностью (жирным курсивом, с отступом).

С новой строки: должность с местом работы (в случае, если участник не работает в научной сфере или не имеет научной степени, пишется «исследователь»), научная степень, ученое звание, в скобках: город проживания и страна. С отдельной строки – e-mail

Название научного учреждения пишется полностью в соответствии с официальным названием.

Пример оформления статьи:

УДК 94(47)

DOI:

МИФЫ ОБ ИВАНЕ ГРОЗНОМ

Иванов Иван Иванович

Ивановский государственный университет имени Ивана Иванова
(г. Иваново, Россия)

Аннотация

Текст.

Ключевые слова: слова; слова

MYTHS ABOUT IVAN THE TERRIBLE

Ivanov Ivan Ivanovich

Ivanov Ivanovo State University (Ivanovo, Russia)

Abstract

Key words:

Введение

Текст статьи....

Литература

Список литературы (с отступом и без нумерации)

Список литературы под заголовком «Литература» приводится в конце текста. **Источники в списке приводятся по алфавиту**, список оформляется по приводимому ниже примеру. **Нумерация списка литературы не делается.** Количество страниц в упомянутой литературе обязательно. Место (город) издания пишется полностью.

Кьеркегор, С., Мэй, Р. (2022) Очищение страхом или Экзистенция свободы. Москва: Литрес. 260 с.

Зайченко, С.С. (2013) Художественный кинодискурс исторического жанра в пространстве семиосферы // Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 7 (25): в 2-х ч. Ч. 1. С. 69–72.

Бодрийяр, Ж. Эстетика иллюзий и эстетика утраты иллюзий // Гуманитарные технологии. Аналитический портал. // [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3090> (дата обращения: 07.07.2021).

Ссылки на список литературы в тексте отмечаются в квадратных скобках с указанием страницы, на которую делается ссылка (при необходимости): [Найдыш 2021: 364], где сначала пишется фамилия автора, потом год издания статьи или монографии, а затем после двоеточия количество страниц. В случае, если у цитируемого автора используется две и более работ одного года издания, пишется [Ставицкий, 2012а] или [Ставицкий 2012б: 315], и т.д.

После Литературы обязателен *Literature*, т.е. перевод литературы на английский язык.

Английские слова (существительные, глаголы, прилагательные) в названии должны начинаться с заглавной буквы.

После издательства должно идти уточнение: Publ.

Количество страниц в статьях обозначается: Pp.

После отечественных работ должно быть добавлено (In Russian).

В целом текст должен выглядеть так:

Stavitskiy A.V. (2012) *Ontology of the Modern Myth*. Sevastopol: Ribest Publ. 543 p. (In Russian).

Варианты оформления литературы

Ясперс, К. (1994) *Смысл и назначение истории*: Пер. с нем. 2-е изд. Москва: Республика. 527 с.

Антология мировой философии (1969): В 4 т. Москва: Мысль. Т. 1. 576 с.

Иванов, В. Ницше и Дионис // *Иванов В.* (1994) *Родное и вселенское*. Москва: Республика. С. 26–34.

Рифтин, Б.Л. Китайская мифология // *Мифы народов мира: энц.* в 2 т., Т. 1. С. 652–662.

Разлогов, К. (2006) *Контексты культуры. Образы Америки? // Искусство кино.* №10. С. 12–14.

Гачев, Г.Д. Национальные образы мира. Лекция Георгия Гачева. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2007/05/24/kulturosob/> (дата обращения: 21.02.2018).

Миф в истории, политике, культуре (2021) [Электронный ресурс]: Сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2021 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе. 576 с. DOI: 10.35103/SMSU.2021.86.74.001

Особая просьба авторам:

1) Обратите внимание на тире в тексте и при разделении страниц в списке литературы. Тире (–) не должно подменяться дефисом (-).

2) Проверьте все интервалы между слов, чтобы не было двойных и более.

3) **Пожалуйста, вычитайте свой текст и проверьте соблюдение правил, т.к. редакция текстов, которые не вычитаны авторами, забирает много времени при проверке и отодвигает сроки выпуска сборника и журналов.**

Помните, что организаторы не только несут затраты на рецензирование статей, редакторские услуги, предоставление журналу ISSN и статьям международного индекса DOI, размещение статей в научной электронной

библиотеке www.elibrary.ru. и в других базах данных, рассылку электронной версии сборника трудов в библиотеки РФ и других стран, но и тратят огромное время на проверку, рецензирование, вычитку и редактирование присланных вами текстов.

В связи с этим просим помочь редактору точным соблюдением всех указанных требований и вычитать текст своей статьи насколько это возможно.

Всего доброго.

Научное интернет-издание

МИФОЛОГОС.

**Серия «Человек мифический: антропология, психология,
когнитивные исследования»**

№ 2 (10), 2024. 106 с.

MYTHOLOGOS.

**"The Mythical Man: Anthropology, Psychology,
Cognitive Studies" series.**

no 2 (10), 2024. 106 p.

На обложке журнала использована фрагмент картины Сальвадора Дали
«Взрывающаяся голова Рафаэля»

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР:

А.В. Ставицкий

Технический редактор:

О.А. Кузина

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редколлегии.

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Дизайн, макет и верстка выполнены в ООО «ТБС Пабблишинг»

Подписано к публикации 20.11.2024 г.

Формат 70 x 108 1/8

Объем 12 п.л., уч. изд. л. 12,8.

Распространяется через сеть Интернет

Человеческое сознание не только в состоянии нести в себе и «рациональное», и «мифологическое» начала, но никогда от них не отказывалось, что бы учёные об этом ни говорили, используя эти начала в той степени, в какой это необходимо для самого человека. Вот почему в современном обществе мы не найдём людей, исключительно «разумных» или «мифологических», так как каждый человек несёт в себе и то, и другое, просто не всегда отдавая себе в этом отчёт. Поэтому в разных ситуациях, в зависимости от личной или социальной потребности, человек будет прибегать к тем способам мышления, которые ему в данный момент лучше подходят. И делать это он будет, разумеется, подсознательно, то есть незаметно для себя.

Андрей В. Ставицкий